

АЛЕКСАНДР СНЕГИРЁВ

ОТ НОМИНАНТА ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕМИЙ

Русский
Букер

Нацбест

Большая
книга

— СНЕГИРОВ

ТЩЕСЛОВИЕ

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
Москва

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

С53

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Подписано в печать 17.11.2009 г.

Формат 84×108 1/32. Усл. печ. л. 13,44

С.: Тираж 5000 экз. Заказ № 14100

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.2009 г.

Оформление обложки – Василий Половцев

Снегирёв, А.

С53 Тщеславие: [роман] / Александр Снегирёв. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 255 [1] с.

ISBN 978-5-17-063798-0 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-26084-1 (ООО «Издательство Астрель»)

Димке Козыреву двадцать семь. Димка добрый и честный. У него есть любимая девушка и хорошая работа. Только тачки нет... Наступает кризис. Девчонка уходит, с работы увольняют. Последний шанс – победить в литературном конкурсе.

Не жди решения жюри сложа руки! Займись рукопашным боем, подставляя соперников, будь беспощадным! Ни шагу назад!

Детективная история о том, как Димка Козырев стал писателем. Юмор и рыдания, кровь и нежность, блеск власти и нищета закоулков, а также призрак Арсения Тарковского в новом романе Александра Снегирёва «Тщеславие».

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© А. Снегирёв, 2009

© ООО «Издательство Астрель», 2009

С Димкой часто происходят смешные истории. Он парень жизнерадостный, весёлый и добрый. Нищих, конечно, домой не тащит — накормить и согреть, но зато посмеяться умеет и над собой, и над другими. Многим даже это не под силу. Димка смешные истории любит и замечает. А они, истории, наверное, из благодарности случаются с ним довольно часто. Впрочем, они ведь с кем угодно случаются, но остаются незамеченными и хиреют. А с Димкой у них большое взаимное чувство. Он их холит, лелеет, не упускает даже самые мельчайшие подробности и детали. Димке жалко терять истории, но память у него хреновая. Вот он и записывает. Будь у Димки память хорошая, не писал бы. А так жадность до историй, помноженная на лёгкую амнезию... Можно было бы, конечно, таблетки принимать для улучшения памяти, но это непонятно к чему приведёт. Димку воспи-

тали в большом скептицизме по отношению к таблеткам. Мало ли, память улучшится, а почки откажут, или стоять перестанет. Короче, лучше без таблеток. Да и денег жаль. С таблетками как, сначала одни покупаешь, чтобы вылечиться, потом другие — последствия первых устранить. И так бесконечно. А в аптеку переться лень... Хотя, если задуматься, приколы с Димкой происходят почаще, чем, например, со мной, а уж тем более с менеджером Поросёнком, который ведёт размеренную офисно-семейную жизнь.

Полгода назад Димка с Юлькой вернулись с океана и пригласили нас с Поросёнком в гости. Фотки показать. Мы пришли без дам, жена Поросёнка и Юлька друг друга терпеть не могут, а я тогда ни с кем конкретно не встречался, по крайней мере настолько серьёзно, чтобы друзьям представлять.

Юлька готовила салат. То есть она давала указания, а мы исполняли: Поросёнок мыл зелёные листья и овощи, Димка их резал, кромсал и рвал на мелкие кусочки, как революционеры рвут секретные документы, когда в двери ломятся агенты правительства, а я по-барменски тряс баночкой со смесью оливкового масла, бальзамика и тыквенных семечек. Типа соус.

— Я там такой соус купила, такой соус. И забыла в чемодан положить. А эти сучки чёрные на таможне отняли! Из рук вырвали! Вы бы видели, как с ребёнком расставалась!

— Чернокожие таможенницы попались, — пояснил Димка, — невзлюбили мою блондинку.

Он хлопнул Юльку по попе, она игриво ойкнула.

Юлька обжарила баклажаны, цукини и шампиньоны, мы расставили тарелки на круглом столе перед большим окном, за которым мерцали вечерние огни нашего города. Я одну девчонку знаю, у неё вся сумочка стразами вышита, они поблёскивают очень похоже. Красивая сумочка, с большим золотым шариком-застёжкой. Внутри вся из плотного красного шёлка, я видел, когда девчонка её расстегнула. Жаль, мужик с такой сумочкой ходить не может, сразу скажут — пидор. А я не пидор, просто вещь красивая.

В тёмном окне дома напротив зажётся торшер, и женщина задёрнула занавеску, прожектор заострил золотой шпиль колокольни. Димка с Юлькой достали ноутбук, в котором фотки.

— А мы к экрану можем подключиться? — попросила Юлька, указывая на матовый чёрный прямоугольник на стене. Новый жк-телевизор «Самсунг» с диагональю 55 дюймов. Здоровенная бандура, нависающая со стены кухни-гостиной, как нависают скалы над горными дорогами. Того и гляди, сорвётся на голову.

— Я не умею, — отмахнулся Димка.

«Самсунг» — Юлькина гордость. Купила сразу по возвращении с отдыха.

— Дай, я попробую, — вызвался Поросёнок. Повозился с кабелями и пультом, и через считан-

ные минуты на экране появились огромные загорелые физиономии Димки и Юльки.

— Хорошо, когда в доме есть мужчина с руками! — воскликнула Юлька, а Димка сделал вид, что не услышал.

Я почувствовал себя, как в кино в первом ряду. С размером телевизора Юлька перебрала. Это Юлька на пляже, это Димка учится виндсерфингу, это у них такие полицейские, прикиньте, это кокосовые пальмы, да, прямо на пляже растут, и никто кокосы не собирает. Казалось, что экран отяжелел от ярких картинок и вот-вот рухнет на нас, вырвав кусок стены. Жуя, мы с Поросёнком одобрительно мычали. Хотя лично у меня сразу глаза заболели. Даже показалось, что зрачки в разные стороны начали расходиться. Тут, слава богу, Юлька потребовала прекратить демонстрацию фоток.

— Неужели я такая толстая?! — воскликнула она. Настроение у неё испортилось так же резко, как портится погода в Санкт-Петербурге.

— Это не ты, это экран растягивает! — наперебой стали уверять мы, а особенно Димка. Он явно ревновал Юльку к «Самсунгу» и с удовольствием подчёркивал его вину в порче Юлькиной фигуры. Тем более что так оно и было, Юлька не толстая. Широкие экраны всегда так — любой получается широкозадым коротышкой, даже Пэрис Хилтон. Короче, Юлька интерес к чёрной жк-панели потеряла, и просмотр фоток продолжился на старом

добром ноутбуке. Отдохнули хорошо, хотя сервис мог бы быть и получше.

— В гостинице, в номере, огромный телик был, и мы поняли, что с нашим старьём больше жить не сможем. И сразу, как вернулись, поехали на Горбушку покупать панель. — Юлька погладила «Самсунг» с нежностью, моментально забыв, что этот кореец прибавляет ей килограммы. — Ну мы, конечно, отмочили номер.

— Ты имеешь в виду ту тётку на парковке? — уточнил Димка.

— А кого же ещё?!

— Может, не надо? Что обо мне друзья подумают?! — с клоунской какой-то мольбой обратился Димка к подруге. Наверняка они к этому спектаклю подготовились. Есть пары, которые тщательно репетируют, что́ будут рассказывать гостям, — дабы те не скучали и не приняли их за зануд. Юлька с Димкой именно такая пара.

— Расскажи, расскажи! — завопили мы с Поросянком, ожидая весёленькую байку. С Юлькой Димке, надо сказать, повезло. Она не пилит его за ситуации, в которые он умудряется угодить, а, напротив, культивирует в нём любовь к историям и умение их пересказывать по всем законам драматургии. Чтобы слушатели сидели, разинув рты, и не отвлекались. Юлька знает цену хорошей истории, ведь большинство людей обожают, когда их развлекают. Развлекая людей, можно полезными контактами обзавестись,

карьеру сделать. С Юлькой даже разгильдяй Димка далеко пойдёт.

— Короче, выносим мы коробку с «Самсунгом» на парковку. Я встаю сторожить место, а Димка бежит такси ловить. Тачку-то мы до сих пор не водим, — начала Юлька, посмотрев на Димку с укоризной.

Димка снова сделал вид, что плохо слышит.

— Поймал я тачку, сажусь, подъезжаем. Смотрю — Юлька с какой-то бабой ругается.

— Я стою, никому не мешаю, сторожу место, и тут подваливает жирная квашня и заявляет: «Шо ты стоишь, как быдло, я подъехать нэ могу!» А я вся такая нарядная, только вернулась, ещё не отвыкла от «йес, мэм, уан момент, мэм», и тут меня какая-то лохудра замкадская быдлом обзывает. Увидела девочку-цветочек и решила, что сейчас меня уроет. — Юлька с чувством отпила из бокала.

Димка продолжил рассказ:

— Бабица эта встала поперёк и нашему такси подъехать не даёт. Сначала, мол, я холодильник загружу, а потом вы со своей картонкой.

— Эта «картонка» меня окончательно добила, — перебила Юлька. — Я ей тихо так говорю: «Пошла отсюда, корова! Я первая место заняла!»

Мы с Поросёнком заржали. Я даже есть перестал, чтобы не оказаться в неловкой ситуации. Я, если ем и смеюсь одновременно, обязательно

окажусь в неловкой ситуации. Подавлюсь, или изо рта что-нибудь вылетит, или из носа. А бывает, что изо рта и из носа разом.

— На меня что-то нашло, — признался Димка. — У меня тоже ещё «йес, сэр, уан момент, сэр» не выветрилось, но захотелось нашей дикости вкусить. Достали все эти улыбочки и поклоны притворные. Все эти леди и джентльмены.

— Ты особо джентльменом никогда и не был! — хохотнул Поросёнок.

— За границей старался, а тут прорвало!

— Димка завёлся с полуоборота и на эту бабу накинулся: «Манда такая-сякая!»

— Я решил сразу уровень накала поднять. Чего рассусоливать? — пояснил Димка.

— А она ему: «Козёл! Щас муж придёт, он тебя посадит!» — продолжила Юлька.

— А Юлька ей: «Да какой у тебя муж?! Кто тебя такую жирную и волосатую ебать станет?!»

Тут я всё-таки оказался в неловкой ситуации. Подавился. Даже не знаю, чем, я ведь перестал есть. Покраснел весь, глаза выкатились. Из-за стола вскочил и стал истошно воздух ловить. А-а-а-п, а-а-а-п!

— Похлопать?!

Я утвердительно затряс головой. Меня несколько раз хорошенько огрели по спине. Скорее для успокоения, чем для пользы. Спазмы прекратились, и, помогая утереть слёзы и сопли, меня усадили обратно за стол.

— Уф... Когда-нибудь я насмерть подавлюсь... И что? Ты ей так и сказала? Кто тебя такую жирную станет?.. — Я восстановил прерванный мною же рассказ.

— Так и сказала, — скромно потупилась Юлька, оправляя розовую пышную юбку с кружевами.

— Бабища, надо сказать, опешила, — сказал Димка. — Не ожидала она такого от моей девочки.

— Нечего перед городскими пальцы гнуть! — заявила Юлька.

— Короче, бабища нокаутирована. Мы с шофёром спокойненько привязали коробку сверху, сели, и тут она Юльке кричит. Неуверенно так, но достаточно громко...

— Шмара! — перебила Юлька. — Она меня шмарой назвала!

— А чё, нормальное слово.

— Я выскакиваю из машины и начинаю её стегать кабелями. Продавец кабели забыл в коробку сложить, и я их просто в руку взяла. Переходники всякие, антенна портативная. За Родину, за Сталина, за шмару, за быдло, за шоканье, за башку её пергидрольную нечёсаную!

— Вы бы это видели! — смеялся Димка. — Юлька хлестала эту бабу, как Христос, изгоняющий торговцев из храма.

— Она из сумочки освежитель воздуха достала и хотела мне в лицо пшикнуть. Сучка. Тут Димка подоспел.

— Я у неё баллончик вырвал и ей же в морду, в морду...

Юлька жестами показала, как Димка полил тётку освежителем воздуха. Как муравьёв на грядке травят.

— Не сдержался я. Даже стыдно, — потупился Димка.

— Любопытно на тебя серфинг подействовал, — сказал я, — уже три года катаюсь, и ещё никогда по возвращении не хотелось чужую тётку освежителем воздуха запшикать.

— Освежитель, кстати, здесь. — Юлька зашла в туалет и вышла с баллончиком-трофеем, наполненным ароматом морской свежести.

— Можете больше на море не ездить. Зашёл в туалет, пшикнул, глаза закрыл... — предложил Поросёнок.

— Надо ещё ракушку к уху приложить. Шум волн, — добавил я.

— Короче, наши победили! — подытожил Поросёнок и поднял бокал. Мы чокнулись калифорнийским красным и крикнули «ура».

Поросёнок слизал остатки соуса с тарелки.

— Возьми ещё, — предложила Юлька, пододвигая стеклянную миску-аквариум с салатом. Выглядело, будто мы рыбок вместе со всем их подводным царством нашинковали, приправили и наворачиваем.

Переключились на недавнюю поездку. Поговорили о шопинге, музеях, нравах. Юлька

продемонстрировала купленные за океаном наряды.

— А в одном ресторане я пепельницу спёрла, — похвасталась она, показав тяжёлую пепельницу розового стекла.

— Красивая. — Поросёнок взвесил пепельницу на ладони.

— Я Димке говорю: «Бери, пока официант не видит». А он: «Нет, я воровать не умею». Пришлось самой.

— Не умею я воровать, это моё проклятие! — патетически посетовал Димка. — Ни воровать, ни доносить, ни изменять!

— Праведник ты мой! — Юлька нежно поцеловала Димку, а мы с Поросёнком ухмыльнулись.

Однажды на Димкином дне рождения в последних классах школы его дед, перед тем как уйти с родителями к родственникам и оставить гостей одних, рассказал историю. Дело было в начале девяностых, понадобилось несколько кирпичей — заложить дыру, оставленную строителями после замены труб. Кирпичи купить было негде и не на что, зато неподалёку строился дом. Поздним вечером Димкин дед, высокий старик, командир пулемётной роты, кавалер ордена Славы, отправился вместе с десятилетним Димкой воровать кирпичи. Они выбрали из огромной кучи десятков, погрузили на саночки и отвезли под покровом темноты домой. Димкин дед, смеясь, признался: больше всего тогда беспокоился, что подаёт внуку дурной при-

мер, мол, тот вырастет вором и всё такое. Это в те времена, когда люди тырили миллиарды. Дурной пример не подействовал, Димка не ворует, как и вся его семейка.

— Тебе... вам книжки писать надо, — обратился я сначала к Димке, а потом объединил его с Юлькой. Она всё-таки тоже в рассказе участвовала. Обидится ещё, что я её таланты не замечаю. В гости звать перестанет, она ведь у них главная.

— Да я записываю кое-что, но толку-то, — ответил за себя Димка и разлил остатки вина по бокалам.

— Надо попробовать издать, — посоветовал я. — Других же издают, а у них рассказы не такие интересные.

Прощаясь поздно вечером в дверях, когда Юлька уже ушла спать, Поросёнок дышал на Димку винно-водочными парами и горячо убеждал:

— Димка, надо издаваться! Мы ж не тупые, если нам понравилось, значит, и другим понравится!

Я кивнул. В смысле не только тому, что мы не тупые, но и тому, что Димкины записки вполне могут снискать заслуженную любовь читателей. Хотя мы, разумеется, не тупые. Это я тоже поддерживаю.

— Ты сможешь. Вон, виндсерфинг освоил! Нельзя зарывать талант, — Поросёнок вдруг зашептал, чуть не касаясь губами Димкиной шеи. — А то всю жизнь в журнале просидишь...

— Чего это ты ко мне прижимаешься?!

— Меня вся эта история так завела, малыш... — с комической страстностью признался Поросёнок. Он любит подурачиться.

— Да отвали ты! — заржал Димка, отпихивая Поросёнка.

Через несколько дней Димку сократили. Кризис. Он в журнале работал, концепции продвижения журнала в массы придумывал. А с кризисом актуальность продвижения в массы снизилась. Массы стали неплатёжеспособны. И Димку уволили.

Чтобы Димка не закисал, Юлька позвала его с собой на юбилейный корпоратив, устраиваемый агентством недвижимости, где она риелтором. У риелторов дела тоже не ахти, но праздник решили не отменять. Да и не получилось бы отменить при всём желании, агентство заранее арендовало на два дня большой коттедж в Малаховке, а назад деньги никто сейчас не вернёт. Кроме сотрудников, пригласили нескольких вип-клиентов. Праздновать начали в шесть вечера. Выпивали, играли в групповые игры, в монополию, в пантомиму, в мафию. Лично я терпеть не могу все эти групповые игры, мне сразу скучно становится. Может, это потому, что я индивидуалист? Впрочем, какая разница: нравятся мне групповые игры или нет, меня-то на празднике не было. Меня вообще на та-

кие праздники редко зовут. Наверное, потому, что я групповые игры не жалую.

Очень скоро Димка обратил внимание, что Юлька особенно бойко шутит с одним из випов, газпромовским менеджером. Они с ним прямо как влюблённые хихикали. Юлька вызвалась менеджеру глаза руками закрывать в очередной игре, а менеджер поверх её ладоней свои лапы наложил. Димка обозлился, но не захотел портить вечер ревностью. Да и вообще, он современный мужчина, а не первобытный Отелло. Гости постепенно напились и разбрелись по дому, Димка прилёг на полку в неработающей сауне. Лежал и злился на Юльку за её кокетство с менеджером. Козёл, торгует народным богатством, а честных парней вроде Димки сокращают... Неожиданно забежала Юлька и сочно и мокро поцеловала Димку в губы. А он из вредности не ответил, показать решил, что недоволен её поведением. Юлька холодность почувствовала и с готовностью смылась, будто только этого и ждала. Димка рассчитывал, что она спросит, отчего он ей не рад, отчего холоден. Он думал, что подуется немного и простит вертихвостку. И менеджер забудется. Но Юлька каяться не стала. Димку это совсем обозлило. Он хлопнул дверью и пошёл слоняться по участку.

Когда вернулся, многие уже спали. Кто в зале на диване храпел, остальные по спальням разбрелись. Димка зашёл в их с Юлькой комнату — пусто. Она обнаружилась в комнате менеджера. Они

спали обнявшись. Оба были одеты, и от этого их объятия казались ещё более крепкими.

Димка испытал то же, что и в детстве, ходя по трубе. Жили мы в одном доме, и во дворе было ограждение, сваренное из железных труб. Трубы каждый год заново красили, то жёлтой краской, то красной. Какая была, такой и красили. Среди нас считалось достижением пройти по ограждению от начала до конца, ни разу не ступив на землю. Однажды Димка соскользнул. Правая нога съехала вправо, левая — влево. Димка так ударился яйцами, что окаменел. Вокруг дети, солнце, смех, а он шевельнуться не может. Димка не хотел показывать свой позор, не закричал и не заплакал, кое-как перекинул ногу через трубу и, не сгибая коленей, как робот, пошёл к собственному подъезду. Мы все через это прошли, я тоже по той трубе ходил, и Поросёнок ходил. Да вы любого спросите из нашего двора — каждый хоть раз, да навернулся об эту трубу яйцами.

Тогда Димка не заплакал не только из гордости, а ещё потому, что боль была сильнее слёз. Тогда Димка на какое-то время перестал быть собой.

Димка напился и заснул. Думал, проснётся, и окажется, что всё это был дурацкий сон. Ни фига. На рассвете Юлька заглянула в их комнату за ко-

сметикой. К завтраку не вышла. За обедом молчала. Менеджер топтался поблизости и в итоге додумался извиниться перед Димкой. Захотелось дать ему, дураку, кулаком по голове. По темечку. Как стучают барахлящий телевизор.

Юлька выгнала Димку. Сказала, что уже давно устала от отсутствия у него деловых качеств. Даже пепельницу украсть не может. А теперь ещё и уволили. Хоть бы машину водил, так нет. Права ему купили, а водить не заставишь. «Ты социально пассивный! Не можешь ни на что решиться! По магазинам бы меня возил!.. О'кей, я сама водить буду, но ты хоть кредит оплати! Нет?! Тогда на хрена ты мне сдался?!»

По поводу машины у Юльки пунктик. Она уже и права себе организовала, и «Форд» в кредит взяла, но тут ей зарплату урезали. И оказалось, что за «Форд» нечем выплачивать. Пять штук зелёных не хватает. Всё совпало, короче. Ну Юлька на Димку и накинулась.

Самая главная Юлькина мечта — превратиться в болонку, и чтобы ласковый хозяин носил её на руках, расчёсывал, кормил и покупал ошейнички с бриллиантиками. А она бы на мир из-за пазухи смотрела. Димка вроде старался, как мог, соответствовать, но менеджер газпромowskiй, конечно,

оказался надёжнее и убедительнее. Тут-то болонка к нему на колени и перескочила.

Не очень я понимаю желание превратиться в болонку или ещё в какое животное. Лично я рад, что родился человеком. Могу звонить по телефону, могу рассказывать анекдоты, лепить фигурки из пластилина, покупать выпивку. А болонка не может. Вы когда-нибудь видели болонку, покупающую пиво? Болонка во всём зависима. Хотя вокруг много женщин-болонок... Юльке нужен мужчина, которому надо советы давать, а не тот, которому надо в рот смотреть и борщ с тихой улыбкой подавать. Димка рассказывал, подчиняться она любит только в постели, что он ей с удовольствием и обеспечивал. А машина... Машина — стереотип. Нет машины — значит, неполноценный. Или зарплата маленькая, или дальтоник. Да и зачем машина в Москве? Всё равно в центре и живут и работают. И где Димка пять штукарей возьмёт в кризис? Вдогонку Юлька крикнула Димке, что рассказыки его никому не нужны. Рассказыки.

Димка Юльку любил. Ну то есть как: ему было с ней хорошо. Он любил просыпаться раньше и смотреть на неё. Любил её спутанные белые волосы, длинные и прямые, как грива у лошади. Любил её гибкую спину и припухлость в самом низу позвоночника над булками. Иногда ему даже хотелось стать капелькой Юлькиного пота и стекать по её спине, по этой припухлости, по бул-

кам, повторяя все бугорки и впадинки, как дорога среди холмов повторяет рельеф. Ему всегда было о чём поговорить с Юлькой. Они не скучали вместе. А ещё он хотел от неё ребёнка. Это, наверное, и есть любовь? Хотя существуют и другие версии.

Димка держался бодро, но его показная весёлость выглядела как-то истерично. Всегда, когда пытаешься бодриться в тяжёлой ситуации, — получается жалко. Денег нет, бабы нет, пришлось переехать обратно в двушку к родичам и деду, командиру пулемётной роты. Поселился с дедом в одной комнате. Дедова кровать у окна, Димкина — за шкафом. Начал работу искать — хуюшки. Думал актёром в эротические фильмы устроиться, трахаться перед камерой, но тут уже мы отговорили. «Ты впечатлительный, сопьёшься», — сказали мы. После этого Димка решил получить наследство от кого-нибудь. Недели три ждал, никакого наследства. Короче, полная жопа.

Пора было парня вытаскивать, мы же всё-таки друзья, по одной трубе в детстве ходили. Поросёнок сказал, что лучше всего от депрессии помогает цель в жизни. Если есть цель, то не до депрессии. У Поросёнка цель в жизни — вилла в Тоскане и особняк на Рублёвке. При удачном раскладе

ещё и пентхаус в Майами на Линкольн-роуд. У меня вот цели в жизни нет, правда, депрессий тоже. Ну какая у меня может быть цель? Я люблю кататься на доске под парусом. Люблю, когда нос доски колотит по волнам, люблю ловить ветер парусом. Иногда ветер опрокидывает тебя, а иногда ты обуздываешь ветер. Хочется так и жизнь прожить, играя с ветром. Хотя Тоскана, Рублёвка и Майами тоже не помешают. Но всё-таки не может же недвижимостью быть целью жизни. Мелковато как-то. Правда, что я понимаю...

Короче, мы сосредоточились на поисках для Димки нового жизненного ориентира. Пересекая однажды Пушкинскую площадь, я обратил внимание на рекламный стенд, призывающий принять участие в молодёжном литературном конкурсе «Золотая буква». Приз — золотая буква «А», установленная на мраморной плашке, — выглядел очень убедительно. Кроме того, победителю полагались заветные пять тысяч баксов. «Димку спасёт только это. Награды вселяют веру в себя и привлекают баб не хуже газпромовской зарплаты», — в ту же минуту понял я и записал адрес сайта конкурса.

На сайте указывалось, что к участию допускаются литераторы до двадцати семи лет включительно. Димке как раз столько стукнуло в сентябре.

Мы с Поросёнком забрали у нашего, потерявшего интерес к жизни, друга его тетрадки с записями и принялись отбирать самое интересное.

Оказалось, что Димкины записи довольно сумбурны и хаотичны. Обрывки какие-то. Или начало есть, или середина, или мысль какая философская, блуждающая в полном одиночестве. Я, честно говоря, ожидал большего. Мы с Поросёнком скомпоновали все эти обрывки в рассказы по своему вкусу. Подредактировали. А два рассказа про то, как туристка путает названия на карте и вместо монастыря по ошибке попадает в сумасшедший дом, и про первый поцелуй за школой, мы вообще сами сочинили. А что, один Димка, что ли, писатель? Лично меня ещё в школе за сочинения хвалили. Короче, отправили всю антологию со свежезарегистрированного адреса.

Димка тем временем то впадал в полную апатию, то становился нервным и обкусывал заусенцы. У него даже тик появился — носом дёргать. Превратился нормальный парень в неврастеника.

Я стал проверять ящик, а заодно разослал рассказы в несколько издательств. Ответа нет. Месяц нет, второй нет. Ждём, волнуемся. Димка совсем вид потерял, Поросёнок стал жаловаться на потенцию, даже у меня бессонница появилась. Эта литература нас всех троих чуть до ручки не довела. Уж лучше каждый день по трубе ходить, чем ждать от кого-нибудь ответа. Наконец из небольшого питерского издательства пришёл отказ, написанный высокопарным слогом. Типа многоуважаемый молодой автор, оттачивайте перо, какие-то нафталиновые остроты про музу и вычурное

прощание. Всё лучше, чем ничего. А ещё через неделю получаем уведомление с конкурса. Димка с нашими, то есть со своими, сочинениями угодил в лонг-лист. Мы с Поросёнком купили ноль-пять и завалились к Димке отмечать, не врубаясь, правда, что такое лонг-лист. По-любому что-то крутое, раз туда не всех взяли. На середине бутылки Поросёнок догадался, что это третья ступень конкурса, типа полуфинал. Мы пошли за второй, и Поросёнок забил на семью и работу. Пока бухали, в почтовый ящик упало письмо более значительное. «Уважаемый такой-то... бла-бла-бла... имеем честь сообщить... бла-бла... Вы в шорт-листе... приглашаем Вас в исторический писательский дом отдыха «Полянка» для участия в пятидневном обсуждении литературных трудов участников конкурса». На шестой день согласно присланной программе было запланировано вручение премий в каждой из заявленных номинаций. Димка с нашими, то есть со своими, историями угодил в номинацию «рассказы». Ещё имелись: «крупная проза», «поэзия», «драматургия» и «литературная критика». Слёт в «Полянке» назначили на двадцатое января.

Даже после Нового года зима никак не хотела наступать. Всё из-за глобального потепления. На Европу обрушились снегопады и ураганы, а у нас

температура колебалась между десятью и пятнадцатью градусами выше нуля. Пели птицы, зелене-ла трава, набухали почки, пчёлы летали от цветка к цветку. Народ радовался, щеголял модной лёгкой одеждой и развлекал друг друга рассуждениями, что России, наконец, повезло, что глобальное потепление — подарок небес нашей исстрадавшейся родине. Во-первых, тупо тепло, а во-вторых, если Европу затопит, то они от безвыходности приедут к нам и наведут здесь марафет. Как говорится, британская оккупация ещё никому не вредила. Граждане стали интересоваться условиями выращивания теплолюбивых растений в открытом грунте. Поросёнок рассказал, что в продаже появились саженцы апельсиновых и гранатовых деревьев. В новостях предупреждали о злых медведях, не впавших в спячку и нисколько не обрадованных наступлением непривычного тепла.

Утром двадцатого января я забрал Димку у дома его родителей и подвёз на место сбора, к парадному подъезду серой унылой гостиницы, в которой на ночь разместили литераторов, понаехавших из других городов. Отсюда отходил автобус до «Полянки». Молодые люди, видимо литераторы, в тёмной, будто пыльной, одежде толпились возле забрызганного грязью «Икаруса» и курили.

— Ну чё, бодрячком? — спросил я Димку.

— Не знаю, чего я туда прусь. Стрёмный народ какой-то... Может, домой? — Димка нервно теребил пальцы, ковырял кожу возле ногтей.

— Давай, не куксись! Тебе Юлька сказала, что ты нерешительный... Извини... Развеемся надо, людей новых увидеть. По-любому это успех. А получишь приз, вообще крутым станешь, Юлька на задних лапках прибежит! Чё ты руки ковыряешь, как больной?

— Ноготь отстриг вчера неудачно. — Димка показал большой палец с ногтем, отстриженным слишком коротко, отчего образовалась ранка. Такие ранки ужасно неприятны, уж лучше колено разбить или локоть, или головой об угол кухонной вытяжки стукнуться, чем иметь такую ранку под ногтем.

— Не ковырай. — Я перегнулся через Димку и раскрыл дверцу: — Ну, ни пуха!

— Во что вы меня впутали... Ладно, звякну, если что. — Димка вышел из тачки и направился к «Икарусу». А я поехал бомбить по городу. Никогда не ходил на собеседования, не показывал никому свой университетский диплом. Вот денег подкоплю и махну на серфинг. Сейчас кризис, народ бухает, стреляется, а меня уволить некому. Я сам себе хозяин. У меня даже клиенты постоянные есть. Например, когда я в городе, то обязательно вожу одну девчонку от её квартиры на проспекте Мира до места заработка, гостиницы «Балчуг». Жду часа три и обратно. Тёлочка — загляденье. Из Ростова. Я к ней и так подкатывал, и сяк — ни в какую. Только за деньги. Штука баксов в час. Но это как-то не по мне.

Штуку я, конечно, наскребу, но драйва никакого. Красивая сумочка в стразах, кстати, ей принадлежит.

— Здравствуйте, я Коз... Пушкер. Михаил Пушкер, — сказал Димка полной даме с завитым париком на голове и с какими-то бумагами в руках. Димка ещё не привык к псевдониму, который мы с Поросёнком ему придумали, когда отправляли рассказы на конкурс. Поросёнок тщательно изучил сайт и всмотрелся в фотографии членов жюри. Читая их фамилии, биографии и названия их произведений, Поросёнок дальновидно рассудил, что к таким людям лучше подкатывать с правильным псевдонимом. Ведь они вполне могут испытывать симпатию к начинающему еврейскому писателю типа Димки. То есть они, разумеется, будут судить по справедливости, но лучше подстраховаться. Поросёнок тот ещё пройдоха. Недаром он не только сохранил своё место, когда всех увольняют, а даже на повышение пошёл.

— Дмитрий Козырев, — произносил вслух Поросёнок. — Надо что-то делать, звучит простовато, им что-нибудь другое подавай. — Поросёнок стал прямо бродвейским импресарио, сочиняющим псевдоним для начинающей танцовщицы-

певицы мюзикла. — Нужно что-то запоминающееся, типа Пушкин, Путин... — Поросёнок посмотрел на бутылку пива. — Паулайнер...

— Слышь, мне, честно говоря, по хер.

— Похер! Есть у тебя всё-таки талант! — воскликнул Поросёнок. — Похер, Похен, Гретхен, Пушкин, Пушкер... Пушкер! Гениально! «Пу», как у Путина, «пушк», как у Пушкина, и звучит вполне по-еврейски! Имя мы уже придумали! — Поросёнок обнял меня за плечо, подчёркивая таким образом, что сочиняли мы вместе.

— Имя тоже менять надо? — без энтузиазма вздохнул Димка.

— Миша! Теперь ты не Димка, а Миша Пушкер, молодой еврейский гений, поднимающийся с колен русской литературы! — Последние слова Поросёнок произнёс с раскручивающейся интонацией телевизионного шоумена, приглашающего на сцену очередного участника. Димка взъерошил волосы, изображая на лице полную потерю понимания того, что происходит.

— У тебя залысины! — заметил Поросёнок.

— У меня всегда так было, — смутился Димка.

— Малыш, ты лысеешь!

— Да не лысею я! У меня лоб такой формы!

— Малыш, не кокетничай, мы все не молодеем!

Да ты вообще на русского не очень-то похож! Если бы тебя на самом деле звали Миша Пушкер, никто бы не удивился!

— Да пошёл ты! Какой я тебе малыш!

— Не грусти! Это даже хорошо для нашего дела. Ты не просто молодой гений. Ты молодой лысеющий еврейский гений...

— ... поднимающийся с колен русской литературы! — закончил я.

Короче, Димкины рассказы были подписаны Михаилом Пушкером, и на конкурс был отобран именно Михаил Пушкер, а не Димка Козырев. Димке надо было привыкнуть откликаться на «Миша» или на «Пушкер», а также на «Миша Пушкер». Мы его даже подрессировали немножко: «Пушкер, ко мне!» или «Мишенька, пора играть на скрипочке».

— Пушкер? Прекрасно! — певуче ответила дама, окинув Димку плотоядным взглядом, и вычеркнула что-то в своём листке.

Вскоре «Икарус» был укомплектован и тронулся. Водитель включил радио, из трещащих колонок полились песенки про то, как мужика посадили, а его баба не дождалась, а мужик вышел, зарубил топором и бабу, и её нового и снова сел. Молодые литераторы сидели по-одному, молча уставившись в запylённые окна. Только малорослая девица с крикливым голосом и в шляпке принялась болтать с соседкой. То есть малорослая болтала, а соседка вынуждена была слушать. Между фразами малорослая громко хохотала. Она не замолкала во время всего пути, и не только соседка, но и все пассажиры «Икаруса» узнали о её жизни почти всё. Ей двадцать пять, раньше

она писала поэмы, потом сценарии для корпоративов, а недавно вернулась в литературу. Так и сказала: «Я вернулась в литературу». Любит петь, развелась со вторым мужем, готовится к защите кандидатской по филологии и ждёт ребёнка. Под пальто у неё и вправду что-то выпирало. Видимо, будущий ребёнок.

За пыльными окнами промелькнули окраины с панельными девятиэтажками и потухшими вывесками закрывшихся игровых клубов. После МКАДа потянулись придорожные автосервисы, вдоль которых выставлены колёса и глушители, напоминающие рога фантастических железных единорогов. «Икарус» свернул с шоссе и проехал мимо старых дачных посёлков, где среди линялых деревянных строений то и дело торчали свежие сооружения из красного кирпича с эркерами, башнями и стеклянными куполами. На повороте, над обрывом, Димка залюбовался видом — сосновый бор и небо. С обрыва, беря начало у дороги, сбегал поток мусора. Будто ледник сошёл. Пакеты с объедками, несколько автомобильных покрышек, унитаз, ржавый корпус стиральной машины, автомобильная дверца. «Икарус» проехал ещё немного и остановился у ржавых ворот с надписью: «Дом отдыха "Полянка"». В фильмах такие ворота обычно открывают путь в какой-нибудь заброшенный парк с домом, полным привидений и монстров. Молодые литераторы принялись гуськом протискиваться к выходу.

Беременная рассказчица волокла гитару в чехле. Димка обратил внимание на её джинсы, укороченные под рост. Размер джинсов рассказчицы был изначально сильно велик, а обрезали их чуть ли не на уровне колен, исказив фасон до неузнаваемости. Чересчур длинное, в пол, пальто ещё больше уменьшало и без того невысокий рост беременной. Димке захотелось по доброте душевной посоветовать, что не стоит так себя уродовать, но он сдержался. Обидится ещё. А жаль, девчонка сама по себе симпатичная. Вместо этого он предложил помочь нести гитару.

— Тебя как зовут? — спросила рассказчица.

— Ди... Пушкер! — выпалил Димка. — То есть Миша.

— Ты любишь петь, Миша? — Глаза рассказчицы подёрнулись дымкой, свидетельствующей о романтических намерениях.

— Смотря что...

— Фу, какие тут все скучные! — фыркнула рассказчица и отвернулась.

Пройдя сотню метров под соснами, молодые писатели и писательницы вышли к большому серо-голубому двухэтажному особняку с двумя отходящими в стороны крыльями. Смесь русской усадьбы с колхозным домом культуры. Облупившиеся колонны подпирали широкий балкон второго этажа. Над балконом, на портике, красовались гипсовые цифры «1955» в обрамлении лепного дубово-фруктово-овощного венка. Листья

переплетались со всякими тыквами, грушами и другими витаминными плодами, частично осыпавшимися и потому не поддающимися опознанию. Такие же венки обрамляли пятиконечные звёзды под окнами. Пространство перед парадными дверями украшала полукруглая балюстрада с двумя гипсовыми шарами величиной с ядра Царь-пушки. На стене у дверей висел советский ещё почтовый ящик с распахнутой дверкой для забора писем, из-за которой торчало горлышко пивной бутылки. Напротив этого великолепного фасада рос высокий можжевельник. Вокруг, куда ни глянь, стояли высоченные сосны и берёзы. Влажный воздух пах корой, хвоей и палыми листьями. Чернота леса заставила Димку вспомнить сообщения о кровожадных медведях, страдающих бессонницей. Кроме того, Димка подумал, что к медведям вполне могут присоединиться волки. «Надеюсь, ни те ни другие здесь не водятся»... — Димка поёжился и шагнул внутрь особняка.

Преодолев дубовые, искромсанные многочисленными заменами замков двери, он оказался в тамбуре. В нос ударил запах мокрых тряпок. Его распространяли мокрые тряпки, обильно устилающие мраморный пол. Тряпки напоминали куски переваренного мяса. В летописях часто пишут про то, как войско взяло штурмом город, и земли не было видно от тел убитых детей, женщин и стариков. В тамбуре исторического дома отдыха

«Полянка» земли, то есть мраморного пола, не было видно от мокрых тряпок. В углу свернулась калачиком парочка безродных барбосов. Димка догадался, что мокрые тряпки положены для чистоты, и добросовестно вытер ноги.

За тамбуром открывался просторный холл с дежурной, сидящей за стойкой, и старинными высокими часами напротив. Стойка дежурной и часы были рыжими, юбочный костюм дежурной — тёмно-синим, волосы дежурной — фиолетовыми, циферблат у часов — белым, цифры и стрелки — чёрными, гири — ярко-жёлтыми и блестящими. Наверх барочно-дворцовым изгибом уходила лестница. Бетонные ступени с мраморной крошкой напоминали бруски холодца с разномастными кусочками мяса. Каждая ступень по центру истёрта сильнее, чем по краям, отчего казалось, что лестница подтаяла. На мраморных перилах, издавая знакомый уже запах, сушились тряпки, в точности такие же, как в тамбуре. Некоторые уже высохли и заскорузли, повторяя форму перил. Молодые литераторы принялись по очереди расписываться в журнале гостей, получая у дежурной ключи от комнат и чистое бельё.

— Скажите, пожалуйста, где девятнадцатая? — спросил Димка.

— Второй этаж, налево.

Сделав шаг, Димка заметил, что к правой подошве пристал противный жгут, оторвавшийся от тряпки. Пришлось наступить на жгут левой

ногой, чтобы освободить правую. Жгут отстал от правой, но прилип к левой... Потанцевав некоторое время и избавившись наконец от жгута, Димка поднялся наверх по отполированным бруском холодца. Прошёл по замковому дубовому коридору, нашёл нужный номер, отпер. Стал рассматривать своё новое место жительства слева направо: раковина, огромный крюк для полотенца, диван, окно, кровать, стол, стул, шкаф, прислонённая к шкафу раскладушка. Димка оглядел комнату в обратном направлении: шкаф, раскладушка, стол... Заглянул за дверь. Ни прибавить, ни убавить. Туалета и душа нет. Димка бросил рюкзак на диван и плюхнулся рядом. «Ну и местечко. Один крюк чего стоит, на нём можно хоть тушу быка подвесить или самому повеситься... Для писателя комфорт, конечно, не должен быть важен, но я-то ведь не писатель, просто жертва плохой памяти и амбиций собственных дружков...»

Стены были неровные, оклеены обоями в цветочек. Димка потрогал, мягкая стена пружинила, значит, слоёв не счесть, переклеивали небось раз в два-три года, начиная с постройки здания. Напоминает торт «Наполеон». Димка подумал, сколько писателей утыкались в эти стены, отворачиваясь от женщин, лежащих рядом, сколько писателей тупо пересчитывали завитки повторяющегося растительного рисунка, пребывая в творческом кризисе, сколько стукались в них

лбом по пьяни, вытирали о них пальцы, вынутые из носа.

От прежней роскоши в комнате осталась лишь лепнина с теряющимся под слоями краски узором. Пол — истёртый, посеревший паркет, под раковиной — линолеум. Прямоугольная расшатанная мебель оформлена клеёнкой с узором натурального дерева. Диван обтянут выцветшей тканью в пятнах. На потолке на тонкой золотой ножке висел большой блюдообразный плафон. Конструкция очень напоминала перевернутую поганку. Золотая ножка махрилась от пыли и паутинок, а сквозь плафон, как в театре теней, просвечивали силуэты дохлых мух и каких-то неизвестных Димке крупных насекомых. Димка вспомнил, как в детстве ездил в Грузию к дедовскому однополчанину Эмзари. Сначала старики пили из бокалов, потом из рогов, потом Димкин дед снял со стены самый большой рог и выпил за своего боевого друга. Тогда шатающийся Эмзари оглядел комнату мутным взглядом и заметил люстру. Точно такую же, какую теперь видел Димка. Несмотря на протесты жены Наны и Димкиного деда, Эмзари кое-как свинтил неверной рукой плафон, заткнул пальцем дырочку посередине и потребовал наполнить образовавшуюся чашу до краёв...

Текло через край, рубаха Эмзари стала красной на груди и животе, как будто ему расквасили лицо. Но старый пулемётчик всё выпил. Утёр гу-

бы, передал плафон жене Нане и предложил покатать всех на белой «Волге». «Только у мэня и у Валэнтыны Тэрэшковой такая есть!» После чего рухнул на пол и заснул.

Не будь Нана чистюлей, не удалось бы Эмзари выкинуть такой финт. Вряд ли он стал бы пить из плафона, в котором за долгие годы образовалось целое кладбище летучих насекомых. Однако Димке не суждено было надолго погрузиться в воспоминания. Дверь распахнулась, вошли двое:

— Привет! Нас вместе поселили. Марат... Саша...

— Пушкер, то есть Миша... Михалыч... — Димка попытался выжать из своего неуютного псевдонима максимум простоты и пацанства, чтобы казаться своим. Вышло так себе, Димка смутился.

— Очень приятно... — Один из вошедших молодых литераторов оказался рассказчиком, другой — поэтом. Оба прижимали к груди стопки дырявого застиранного постельного белья. Предстоял делёж на троих двух спальных мест. Борьба за выживание всегда давалась Димке с трудом, но тут он решил не сдаваться. Оценив противника, Димка понял: Сашу, поэта с крашенными в белый цвет волосами, он дожмёт, а вот с прямым конкурентом по номинации — Маратом придётся повозиться.

— Кто успел, тот и съел, — полушутя-полусерьёзно сказал Димка, закидывая ногу за ногу и располагаясь на диване как можно удобнее.

— Это не честно, давайте бросать жребий, что значит «кто успел», плебейство какое-то! — мрачно и настойчиво пробубнил Марат, дважды моргнув выпученными глазами. Его череп сзади был абсолютно плоским, из-за чего казалось, что всё содержимое головы Марата выпирает через эти выпученные глаза.

«Плебейство!» Нашёлся аристократ! Однако Димка решил не начинать знакомство с человеком, у которого нервный тик и нет затылка, со ссоры и сам не заметил, как дёрнул ноздрями. «Всё-таки пять дней вместе жить, — рассудил Димка. — Может, кроме частого двойного моргания, у Марата ещё какие-нибудь фишечки есть. Типа бросаться на соседей по комнате с толстой пачкой своих рассказов». Жребий так жребий. Димка вырвал из блокнота листок, разорвал на три равные части. Марат-рассказчик внимательно следил за его руками — как бы не намухлевал. Димка взял ручку.

— На одной бумажке ставлю крест, значит диван, ноль — кровать. На третьей ничего не ставлю. Кому пустая достанется, тот спит на раскладушке.

— Нет, не пойдёт, — запротестовал Марат.

— А что не так?

— Кровать лучше дивана, обозначай её крестиком. — Марат дважды моргнул. — Диван лучше раскладушки, значит галочка. А раскладушка хуже и дивана и кровати, то есть — ноль.

Димка взглянул на рассказчика с недоумением. Крашенный поэт пугливо потупился.

— Как скажешь. — Димка пометил бумажки в соответствии с пожеланиями пучеглазого, скрутил в трубочки и бросил в лежащую под рукой шапку.

— Протестую! Это твоя шапка!.. — воскликнул Марат и заморгал пулемётной очередью. По всему было видно, что предпринятая попытка захвата дивана спровоцировала в нём паранойю и обострение тика.

— Ну и что с того, что моя? — поинтересовался Димка, начиная раздражаться. Марат, кусая губы, взглянул на поэта и моргнул вопросительно. Поэт неуверенно пожал плечами.

— Тяни, — сказал Димка, которому вся эта волокита стала надоедать. Марат сурово посмотрел в Димкины глаза, изо всех сил стараясь не моргнуть в этот величественный момент. И сунул руку в шапку. Долго рылся, наверное, искал потайные карманы с заготовленными бумажками с крестиками и, наконец, вытянул белый комочек. Развернул.

— Йес! — Марат радостно обнажил свои большие торчащие зубы и помахал перед Димкиным и Сашиним носами бумажкой с крестиком.

В шапку полез Саша.

Галочка.

В коридоре заливисто хохотала беременная рассказчица. Димка принялся изучать устройство раскладушки.

Перед обедом молодые литераторы собрались в холле второго этажа. Попечитель конкурса произносил речь. Кустистые чёрные брови, по-барски выпяченная нижняя губа и живот. Екатерининский маршал, по нелепой случайности облачённый не в расшитый камзол и белые рейтузы, а в серую пару, подпоясанный не широким шёлковым кушаком с усыпанной бриллиантами шпагой, а узким ремешком из кожзама с мобильником в дурацком чехле. Рядом с ним сидели члены жюри: модный писатель Гелеранский, диссидент-шестидесятник Зотов, авторша сериалов и пьес Окунькова, литературный критик Мамадаков и председатель жюри, старенькая поэтесса Липницкая. Молодые литераторы и две жены членов жюри сидели напротив. Одна жена, лицо которой показалось Димке знакомым, спрашивала у другой, натуральная ли бирюза у той в индийском браслете. Обладательница браслета гордо отвечала, что украшение куплено ею у вполне настоящего индуса, «чёрненького такого», в переходе со станции «Охотный ряд» на станцию «Театральная», а значит, бирюза очень даже натуральная. Когда маршал-попечитель взял слово, обе при молкли.

— Рад приветствовать вас, друзья, на очередном заседании нашего клуба молодых литераторов! Сегодня же, после обеда, мы начнём обсуж-

дения. Прошу читать произведения друг друга... — Он похлопал пухлой ладонью по высоченной стопке бумаг. Прямо уголовное дело Ходорковского с сотнями свидетельских показаний и экспертиз. — ...И принимать активное участие в обсуждениях.... — Тут его прервал собачий лай, донёсшийся снизу. Выпятив губу сильнее, маршал продолжил: — Пользуйтесь счастьем...

«Гав-гав-гав», заливались внизу уже не одна, а целых три псины. Видно, к тем двум барбосам, которых Димка уже видел, заглянул в гости приятель.

— ...счастьем побывать здесь... — (Гав-гав-га-а-а-в)... — Да что же это такое, Людмила Степановна?! — воскликнул наконец маршал, обращаясь к координаторше, той самой полной даме в завитом парике, которая встречала молодых литераторов у автобуса. Она была в большом шёлковом платье и туфлях по моде двадцатилетней давности. Димка не спец в моде, но похожие туфли он видел в немецком каталоге недорогой одежды. Давным-давно кто-то подарил каталог Димкиным родителям, и они всей семьёй его рассматривали, восхищаясь чужой яркой жизнью, которая для них была недоступна. Один только дед фыркал, не для того он, мол, сражался. Зато, когда пошли страницы с девицами в купальниках, даже дед перестал вредничать и присоединился к просмотру. В детстве Димка листал каталог всегда, когда было

скучно, и помнил картинки наизусть, поэтому, увидев теперь туфли на Людмиле Степановне, сразу их опознал.

— Сию минутку, Виктор Тимофеевич! — воскликнула Людмила Степановна и поцокала вниз по лестнице.

— Это святое место для русского литератора. Здесь подолгу жил поэт Арсений Тарковский...

— Рядом с м-медицинским к-кабинетом он жил. В седьмой комнате. Некоторые его п-привидение до сих пор встречают, значит так, — вставил, заикаясь, бывший диссидент Зотов.

— Надо как-то собачек успокоить, — донёсся снизу приглушённый голос Людмилы Степановны.

— Гав-гав, — ответили собачки хором.

— Как я их успокою? — огрызнулась дежурная.

— У нас конкурс, молодые писатели приехали со всей страны... Пошли, пошли отсюда! Брысь! Ой! Ах ты дрянь! — Людмила Степановна хотела ещё что-то прибавить, что-то нецензурное, но осеклась, вспомнив, видимо, о молодых литераторах, приехавших со всей страны и прислушивающихся теперь к каждому её слову. Людмила Степановна забулькала, и цоканье туфель стало подниматься обратно по ступеням. Некоторые молодые литераторы захихикали.

— ...Бродский здесь живал... — продолжил маршал, лицо которого успело порядочно посевететь от всего происходящего, а брови сгустились на переносице.

— Что-то вы п-путаєте, Виктор Тимофеевич, — снова встрял диссидент. — Б-бродского здесь никогда не было...

— Меня псы покусали! Надо срочно в Москву, делать прививку от бешенства! — перебила запыхавшаяся Людмила Степановна.

— Людмила Степановна, вы что, хотите открытие сорвать?! — в надменном негодовании крикнул маршал, и брови его ощетинились навстречу Людмиле Степановне, словно штыки русских гренадёров навстречу французской коннице.

— Не ожидала такого к себе отношения, Виктор Тимофеевич! Ох, не ожидала! — Людмила Степановна, подвывая, задрала подол платья, обнажив мясистую икру с едва порванным чулком. — Прививку от бешенства! Срочно!

— Поздно вам прививку делать, Людмила Степановна!

Многие молодые литераторы гоготнули, Димка прыснул в кулак.

— Ах... ах... — запыхтела Людмила Степановна, колыхаясь всеми складками, как шёлковая медуза.

— Людмила Степановна, давайте открытие закончим, а потом мой водитель отвезёт вас к доктору, — смягчился маршал-попечитель и царственно дал понять, что эпизод с покусанной ногой исчерпан. — Прошу прощения, друзья, за эту заминку. Итак, на чём я остановился...

— На Бродском, — подсказал крашенный поэт. Услужливо, будто рюмочку поднёс.

— Ну да, Бродский, значит, здесь подолгу жил, иногда целыми зимами...

— Да не было здесь никакого Б-бродского! Он в ссылке б-был, — перебил диссидент. У маршала вид такой, что не перечь, но диссидент упёрся.

— Да какая разница! Был не был! Тоже мне, птица! — взвизгнул маршал, называя птицей то ли Бродского, то ли диссидента, то ли кого ещё, присутствующим неизвестного. Сзади к нему на цыпочках подкралась покусанная Людмила Степановна. Она обеими руками ухватила стопку сочинений конкурсантов, решив, видимо, раздать их участникам для чтения.

— Общайтесь со своими старшими, умудрёнными опытом коллегами... — продолжил маршал-попечитель. Тут Людмила Степановна споткнулась и плашмя растянулась на полу. Романы, рассказы, стихи, пьесы и литературная критика рассыпались по лоснящемуся от мастики паркету. Листы залетели под стулья, соскользнули с лестницы. На этот раз уже никто из молодых литераторов не смог сдержать смеха. Маршал-попечитель, увлечённый собственной речью, не расслышал шума от падения Людмилы Степановны, не увидел разлетевшихся листов и потому принял хохот на свой счёт.

— Что смешного?! Ну перепутал Бродского с кем-то ещё, ну и что?! — обиженно возмутился

маршал. Тут он заметил, наконец, барахтающуюся на скользком полу Людмилу Степановну, которую уже пытались поставить на ноги модный писатель Гелеранский и авторша сериалов и пьес Окунькова.

— Я могу продолжить, Людмила Степановна? — строго поинтересовался маршал.

— Конечно, Виктор Тимофеевич, извините, — произнесла та, оправляя платье в жёлтых от мастики пятнах.

— Итак, вам предоставили прекрасные условия, так что постарайтесь вести себя прилично. Не напивайтесь и не хулиганьте! Ну а если уж выпили, сидите тихо в номере... А теперь обед. — Маршал-попечитель закончил скомканно, как сплюнул, явно переживая, что выходки Людмилы Степановны и исправления въедливого Зотова не позволили ему произнести эффектную речь.

Молодые литераторы помогли собрать с пола листки с сочинениями, которые перемешались и перепутались. В итоге решили всё просто поделить на равные части и раздать каждому. Договорились, что если кто обнаружит фрагмент какого-нибудь романа, или рассказа, или чего ещё, то должен будет найти обладателя оставшейся части и так далее. Получив причитающуюся пачку, Димка вернулся в комнату. Марат и Саша поспешили на обед, и он остался один. Захотелось отлить. Перспектива надевать ботинки и идти через весь коридор в общий туалет показалась ужас-

ной. Димка подошёл к раковине, уровень подходил, тютелька в тютельку. Будто для этого и делали. Нервы щекотало ощущение мелкого, неопасного нарушения правил. «Никому ведь хуже от этого не станет. Не удивлюсь, если этот фаянс помнит яйца многих писателей, которым было лень переться в общий сортир, — подумал Димка и включил воду. — Может, и сам великий поэт Арсений Тарковский, отец великого кинорежиссёра, устав на старости лет от хождения на костылях по коридору, точно так же отливал в раковину в своей седьмой комнате рядом с медицинским кабинетом»...

Из всех участников конкурса Димка особенно запомнил нескольких. Прежде всего, конечно, соседей по комнате: пучеглазого моргальщика-рассказчика Марата Губайдуллина; пишущего сентиментальные поучительные истории из жизни провинции, и Сашу Манского, худого поэта с испуганным лицом, крашенного, как уже отмечалось, в блондина. Саша гордился, что за его стихи администрация родного посёлка подала на него в суд. В глаза бросался долговязый и нервный сказочник из Петропавловска-Камчатского, приехавший с большим эпосом. Дагестанский фантаст запомнился внешностью этакого физика-оч-

карика с усами, топорщащимися щёткой. Ещё один рассказчик — бритый наголо крепыш, ветеран Чечни, был немногословен и мужествен. В треугольном вырезе его грубого свитера всегда проглядывала тельняшка. Привлёк внимание Димки также драматург-революционер, видный парень с властным подбородком, русой чёлкой и коварными глазами. В своих пьесах революционер призывал к борьбе с антинародным правительством, погрязшим в гламуре. По коридорам «Полянки» драматург расхаживал в футболке с картинкой во всю грудь: омоновцы задерживают его, драматурга, на оппозиционном митинге. Омоновцы пытаются вырвать знамя, а революционер не отдаёт. Был ещё жизнелюб Армен, сын великого советского писателя. Армен приехал с чемоданом на колёсиках, обклеенным бирками таможенных досмотров разных стран. Чемодан был набит толстенными кирпичами Арменовского романа, отпечатанного на плотной белоснежной бумаге. Армен каждому раздал лично по экземпляру.

Из девушек запомнились дородная поэтесса с мужиковатым лицом и необъятной грудью, болтающейся под футболкой без всякого лифчика; уже знакомая беременная соискательница кандидатской степени по филологии, которая оказалась автором кровавых рассказов про скинхедов. А ещё рассказчица из Кургана. Высокая, фигуристая, с пухлыми коралловыми губами, немного

выпирающими клыками, заметной грудью красивой формы и густой рыжей чёлкой, спадающей на зелёные глаза. Носик рассказчицы был обсыпан веснушками. Она напоминала лису. Димка её так и прозвал — Лиса.

В первую ночь Димка пролежал часа три-четыре в провисшей металлической сетке раскладушки, провалившись, словно в гамаке. Заснуть не удавалось. Будто это не сетка, а живот железной самки на последнем месяце беременности. Вот-вот родит его. На пол. При малейших Димкиных движениях и вдохах все суставы мамы-раскладушки скрипели. Вдобавок Марат время от времени издавал громкие всхрапы, которые каждый раз звучали очень неожиданно. Димка вертелся, вертелся, а потом сложил чёртов механизм, бросил матрас на пол и наконец заснул.

Кормили трижды в сутки в столовой, освещённой мертвенным светом энергосберегающих ламп, вкрученных по три-четыре в восьмирожковые бронзовые люстры. Обслуживали две официантки. Одна — худая, высокая, другая — толстая,

маленькая. Обе в джинсах, расшитых какими-то непонятными узорами, в обтягивающих леопардовых маечках и сапогах на шпильках. Толстая умела носить грязные стаканы особым образом. Составляла стаканы один в другой, пока не вырастет стаканый ствол чуть не до потолка. Верхушка стаканного ствола загибалась и опасно покачивалась, как пальма на ветру. Официантка же как ни в чём не бывало шла на кухню, лавируя этой самой верхушкой между люстрами. На донышках плескались чайники и кофейная гуща. Как официантка удерживала равновесие, расхаживая на шпильках, и не задевала люстры, оставалось непостижимой тайной. Мастерство эквилибристики! Димке тоже захотелось научиться так носить стаканы. Хотя бы просто в кроссовках, а не на шпильках.

Меню состояло из пережаренных котлет, набитых луком, овощного супа цвета тряпок в тамбуре, с плавающими на поверхности шлепками майонеза, жёсткой рисовой запеканки на десерт и сладкого чая на заливку. Всё пересолено и переперчено. Так обычно поступают, когда хотят отбить вкус несвежих продуктов. Димка не обратил бы на это внимания, если бы не слабый желудок и язва. Он вынужден соблюдать хоть какую-нибудь диету. Иначе боли, расстройство. Познакомившись с литераторским меню, Димка решил ограничиться чаем и кашей.

Путь в столовую проходил мимо комнаты № 7, той самой, где жил поэт Тарковский. В первый же

вечер Димка увидел, как из комнаты вышел небритый, лысоватый брюнет в спортивном костюме, в шлёпанцах и с полотенцем через плечо. Из-под ворота майки, из рукавов и штанин торчали пучки чёрных волос.

Вечером молодые литераторы устроили литературную дискуссию. Из-за этих самых дискуссий Димка и начал нарушать диету. Всё необходимое закупалось в магазинчике неподалёку от дома отдыха. Магазинчик закрывался в восемь вечера, а то, что водки на вечер не хватит, молодые литераторы понимали не раньше девяти. Тогда они отправляли гонцов, и те стучались в опущенные ставни, из-за которых доносились звуки новостей или сериалов. Сторож сидел взаперти и смотрел телик. Если он был выпимши, то приоткрывал окошко, брал деньги и просовывал бутылки, которые литераторы выбирали, всматриваясь в прилавок.

— А это что у вас там?

— «Столичная»...

— Дайте две!

Впускать молодых литераторов внутрь сторож категорически отказывался. Вокруг полно шпаны. А может, он тоже боялся медведей, страдающих бессонницей. Откроешь дверь, и вместе с

молодёжью мишка завалится. Из-за шпаны и медведей молодые литераторы не рвались идти в магазинчик — как только доходило до дела, народ тут же отыскивал причины отказать. Димка же прогулки любит и вызывался сам.

Если после продолжительного стука окошко не открывалось, приходилось топтать к станции, где круглосуточно работал магазин под управлением того самого волосатика, из комнаты Тарковского. Если в России мужчина является волосатым брюнетом, то он скорее всего торгует овощами и фруктами. Так уж повелось. У меня, например, только ноги волосатые, вот я извозом и занимаюсь. А будь у меня волосатыми не только ноги, но руки, грудь и спина, стоял бы стопудово за прилавком с помидорами и бананами.

Тропинка к станции шла вдоль автодороги, мимо старых писательских дач и писательского кладбища. Куда ни плюнь — везде писатели, хочешь мёртвые, хочешь живые. Драматург-революционер рассказал историю этого места, подчеркнув ненароком древность своей семьи. Последнее заключалось в том, что три поколения жили в одной и той же квартире в большом жёлтом доме на Смоленке и знали бесчисленные слухи про известных людей. Димка оказался благодарным слушателем, он совсем ничего не знал про жизнь писателей полувековой давности. Итак, согласно рассказу революционера, всё началось лет восемьдесят назад, когда это живопис-

ное место было выбрано для концентрированного проживания советских литераторов. Тогда выстроили дачи и заселили первую партию. Поселенцы освоились и стали писать всякую, совсем не подходящую для советских читателей, всячину. Их всех арестовали, и в освободившиеся дома въехали другие писатели с шумными семьями, детьми, нянями и приживалками. Эти оказались более покладистыми, но и среди них нашлись неблагодарные, гадящие под нос правительству, которое тогда почему-то приравнивалось к родной семье. Этим тоже пришлось ликвидировать. И так далее. Кто победил в этой борьбе, не ясно: тех писателей нет, прежнего государства тоже. На дачах осталось мало старых хозяев. Среди старожилов, задирающих нос перед нуворишами, выделяется популярная писательница, сочиняющая романы про месть мужикам-уродам, шоколадные конфеты и кошек. Её отец якобы охотно выступал свидетелем обвинения на судебных процессах против соседей.

В первый же вечер в магазин на станции отправились трое: Димка, драматург-революционер и питерский романист.

— Кто пегвый до того столба добежит?! — сразу же предложил революционер. Он не выговаривал «р». — Газ, два, тти! — и побежал. Димка с романистом переглянулись недоумённо и нехотя припустились следом. Революционер коснулся столба раньше всех. — Я пегвый! Я пегвый! —

После чего он, собственно, и рассказал историю про дачи.

В магазине, пока романист занял место в очереди, состоящей из выпивших работяг, Димка с революционером ходили между полками, думая, чего бы взять на закуску. В уголке, где их никто не видел, революционер сгрёб пачку вафель в шоколадной глазури и сунул в карман чёрной кожаной куртки. Димке за пазуху революционер пихнул две упаковки сушёных кальмаров. Димка отрицательно покачал головой и положил кальмаров обратно на полку. Революционер одними губами спросил: «Ты чё?», Димка жестом показал, что не будет красть кальмаров, революционер повторил молчаливый вопрос, сопровождая его жестами, что никто не увидит, что это только спортивный интерес, а не кража, и что не стоит париться. Димка упёрся. Революционер пожал плечами, выразил на лице презрительное «свяжешься с шизиком — сто раз пожалеешь», взял одну упаковку со скукожившимися ленточками и открыто понёс на кассу.

Первая литературная дискуссия произошла в комнатке беременной, расположенной через три двери от Димкиной. Из-за маленьких габаритов присутствие всего нескольких человек создавало

ощущение огромного приёма. Гости болтали, перекрикивая друг друга, пили, курили и флиртовали. Хозяйка комнаты не делала ничего из вышеперечисленного. Она взяла гитару и принялась петь громким голосом. Беременная нарядилась в большую оранжевую футболку с надписью «Зажига». Даже самые тупые поняли: она девушка зажигательная. Голос беременной ярко, точнее громко, иллюстрировал иронию природы, когда она одаривает одно и то же существо двумя диаметрально противоположными по силе качествами: насколько рассказчица была мала, настолько её голос был звучен. У рассказчицы, как у многих людей, наделённых голосом, имелось заблуждение, что её пение всем приятно слушать. Она пела громко и не фальшиво, растягивая слова и обводя взглядом примолкших молодых литераторов. Репертуар составляли песни из советских мультфильмов и сентиментальных кинороманов. Некоторые из гостей местами подпевали, остальные же сидели насупившись, пытаясь заглушить алкоголем чувство тоски, нагоняемое пением. Димка потом рассказывал, что многие были готовы вытолкать поющую рассказчицу в окошко вместе с её гитарой. Вовремя вспомнили, что она на седьмом месяце, а лишать жизни неродившееся дитя — грех. Ведь нет гарантии, что ребёнок рассказчицы будет так же горланить где-нибудь лет через двадцать и мучить этим окружающих. Впрочем, даже если бы такая гарантия была, всё равно бы не вытолкали.

После нескольких рюмок Димку стали спрашивать: москвич ли он. Москвич. Чё, прямо в Москве родился? Чтобы не расстраивать собеседников, не строить разделительную стену в начале знакомства, Димка сказал, что в Москве с детства, а родился в Потсдаме. Типа отец военным был в Западной группе. Потсдам Димка вспомнил потому, что Поросёнок там родился. Собеседники обрадовались, что уличили Димку. «В Потсдаме родился, а говоришь, москвич». Димка виновато улыбался.

На соседнем стуле подёргивала голыми плечами рассказчица Лиса из Кургана.

— Холодно?! — крикнул ей Димка.

— Немного, — ответила Лиса, почти коснувшись своими коралловыми губами его уха. «Интересно, — подумал Димка. — Она колет в губы рестилайн, чтобы они такие пухлые были? И своя ли у неё грудь?» Пожив с Юлькой, он много всего про косметологию узнал. Окно открыли, чтобы выветрить клубы сигаретного дыма. Димка накинул на Лисыны плечи свою олимпийку.

Поэт с еврейской фамилией рассказывал двум критикессам о своём испанском происхождении.

— В тебе правда есть что-то испанское! — щелбтали критикессы, а одна то и дело поправляла сползающую с плеча бретельку прозрачной блузочки. Поэт кокетливо теребил бородку кастильского гранда и подбрасывал критикессам новые факты сочинённой биографии. Ногти его выгля-

дели так, будто с пальцев соскребали кожу, пока не доскребли до ногтей. Скребли неаккуратно. Атмосфера всеобщего флирта накалялась. Долговязый сказочник делился экстравагантными рецептами:

— Мы с пацанами из больнички мешаем спирт с жидким азотом. Получается желе.

— И что?

— Кормим друг друга с ложечки. Эффект любопытный...

Драматург-революционер курил трубку. Марат сообщил бритоголовому ветерану, что его, ветеранские, рассказы ему, Марату, не понравились. Бритоголовый ответил, что Марат дурак, и отвернулся. Димка почувствовал, что частота взглядов, которые бросает на него беременная поверх гитары, превышает допустимую норму, и повернулся к Лисе.

Лиса увлечённо болтала с Арменом. Его рука, касаясь Димкиной олимпийки, покоилась на её бедре. Вспомнилось забытое со школы чувство, как будто девочка, которой ты подарил редкий вкладыш, взяла и отдала его другому мальчику. Ты-то думал, что, подарив ей вкладыш, станешь её возлюбленным, а у неё, оказывается, уже есть возлюбленный, а подарки она от всех принимает.

— Слушай, я выйду проветриться... Можно? — улыбнулся Димка, кивая на свой предмет одежды. Армен отвёл глаза, Лиса окинула Димку долгим взглядом:

— Конечно.

Накинув олимпийку, хранящую Лисьино тепло, Димка вышел в коридор. «Смотаюсь в парк, подышу воздухом».

Из комнаты поэта Тарковского и волосатого ларёчника доносились звуки ментовского сериала, скрип кровати и стоны:

— Руки за спину... Да, да... Давай, дэвочка... Всё равно посажу!.. Ой, Гусейн, ой-ой-ой, мамочки...

Ларёчник отдыхает с продавщицей.

— Бдыщ-бдыщ... — хлопают выстрелы в телике.

Димка вышел в вечерний парк. Редкие фонари горели скупо. Вокруг каждого подрагивал нимб медного света. Через подошвы ботинок чувствовалась склизкость мокрых листьев. Корни деревьев пересекали старый асфальт вздувшимися венами. Навстречу, по варикозной дорожке, прошёл литературный критик Мамадаков под руку с супругой, чувственной брюнеткой, лениво стрельнувшей блядскими глазами. Днём её лицо показалось Димке знакомым, теперь он вспомнил. Однажды в баре, не успели они с Поросёнком войти, как на Димке повисла пьяная леди за тридцать. Леди принялась целовать Димку и лезть к нему в трусы. Димка в принципе не обломался, но уж больно она была пьяна, совсем лыка не вязала. Лестно, конечно, ког-

да эффектная баба сама вешается, но если она при этом ничего не соображает... Димка усадил пьяную в уголок и заказал ей воды. В ближайшие полчаса девушка успела присосаться ещё к нескольким мужчинам, последний из которых не побрезговал и уволок горячую прелестницу в туалет.

С тех пор Димка не раз видел её в городских кабаках. Она обыкновенно танцевала с каким-нибудь мужиком, крепко к нему прижавшись, а сам Мамадаков появлялся позже, тяжело дыша, бледный, похожий на расхристанную и потерявшую косынку бабушку. Со скомканной, растущей клочками, как плохой газон, бородой и вечно одутловатым лицом. К взмокшему лбу липла длинная прядь, а раскосые глаза дико вращались в поисках жёнушки.

В Димкином кармане дважды пропищал мобильный. Эсэмэска. «Козырев — мудака», — высветилось на экране.

— Ха-ха! Ха-ха-ха! — Димка сначала засмеялся урывками, а потом заржал уже безудержно. Сообщение от Юльки. Её манера кокетничать. Точнее, не только её. Димка обладает какой-то странной формой обаяния, девушкам он нравится, но они при этом называют его мудаком. Причём преимущественно в письменной форме. Впервые, классе в пятом-шестом, Яна Красикова вывела эти слова забелкой на его пенале. В институте Люба Николаева посылала ему эти же слова по имэйлу. Затем появились мобильники с латин-

ским алфавитом, и он стал получать от девушек «Kozirev — mudak». Димка часто показывал эти сообщения мне, пытаясь разобраться в причине такой общности женского мнения относительно его персоны. Незнакомые друг с другом, совершенно разные девицы будто сговорились! Я предположил, что женщины, как дети, когда им кто-то нравится, предпочитают оскорбления, а не ласки. А может, им просто цветы надо чаще дарить? Или бриллианты? Не поймёшь. И вот теперь, впервые после расставания с Юлькой, он получил весточку. «Соскучилась со своим газовщиком», — подумал Димка самодовольно. Он не знал: это я сообщил Юльке о его выходе в финал и шансах на победу. Вот в Юльке и ожили старые чувства.

Димка подумал, потянул время для формы и написал Юльке в ответ: «Дура» и смайлик поставил. И стал ждать. Он шёл мимо огромных окон бассейна. От бортика к бортику, выныривая и погружая обратно под воду свои скользкие спины, плыли юные спортсмены. У бортиков пловцы перекувыркивались. Мелькали круглые попки девочек с натянутыми на промежности купальниками. У лесенки стояла тренерша со свистком на шее и что-то выкрикивала. Дом отдыха сдаёт бассейн под тренировки. Пловцы, молодые мальчишки и девчонки с бляшками очков вместо глаз, хватают ртом воздух и пересекают бассейн раз за разом, раз за разом. И каждый думает, как опередить всех и получить кубок, сверкающий на горизонте.

Юлька на эсэмэску не ответила.

Обсуждения сочинений молодых литераторов происходили в просторном холле второго этажа. Там же, где было открытие. Молодые рассаживались полукругом перед метрами и принимались слушать и высказываться. Скучающие могли вдоволь любоваться соснами, берёзами и можжевельником за огромными окнами. Начинали сразу после завтрака и продолжали до обеда. А затем после обеда и до самого ужина. Вели обсуждения члены жюри попеременно за исключением председательши, старенькая поэтесса навевалась нерегулярно. Из-за путаницы в текстах, вызванной падением Людмилы Степановны, и ежевечерних творческих дискуссий с водкой и песнями, затягивающихся порой до утра, Димка смог прочесть лишь немного из произведений конкурентов. Прочёл и решил, что у него есть шанс. Почему он так решил — не ясно, он ведь не читал внимательно даже то, что мы с Поросёнком слабаки из его записок. И тем не менее решил, что он не хуже многих, а может, и лучше.

Жизнь не баловала Димку призами. Даже пустяковая грамота за участие в лыжных соревнова-

ниях среди второклассников ему не досталась. Метров за двадцать до финиша у Димки соскочила левая лыжа. Димка не растерялся и побежал к финишу на одной оставшейся. Пришёл третьим, но исхудавшая от принципиальности физручка его дисквалифицировала. Финиширующий второклассник обязан иметь при себе обе лыжи.

Лет в десять Димка увидел, как из окна соседского домика по даче полыхнуло пламя. Сам сосед ремонтировал дверцу летнего туалета, уткнувшись в неё толстенными очками профессора математики, и разгорающегося пожара не заметил. Он бы его не заметил, даже если бы рядом стоял. Рассеянный, зрение плохое, учёный, короче. Димка завопил: «Пожар!», его отец бросился с ведром и быстро залил пламя. Сосед так и не успел ничего предпринять, топтался у бочки. Оказалось, он забыл выключить кипятильник. Просто положил кипятильник на стол.

Всё оставшееся лето и часть осени Димка тайно мечтал о получении медали за подвиг на пожаре. В детской газете писали, что подросткам, проявившим различный героизм, будь то спасение утопающих или подвиг на пожаре, полагаются медали. Димка, конечно, понимал, что никого не спас, но дом-то он спас. Кроме того, профессорский кот Капица спал и мог погибнуть, не заметь Димка пламени. Подвиг. Димку беспокоило, как об этом узнают в школе. Он искренне надеялся, что слухи распространятся каким-нибудь магиче-

ским образом, и первого сентября на торжественной линейке, среди прочего директриса объявит его имя, вызовет из строя и прикрепит золотую медаль к синей форменной курточке. Однако ни первого сентября, ни второго ничего подобного не произошло. Не вручили Димке медаль и в октябре. Постепенно случай был Димкой забыт, но послекусие неценённости осталось на всю жизнь.

Погружённый в воспоминания и размышления, Димка отправился мыться. Душей на втором этаже «Полянки» имелось два, мужской и женский, но опознавательных значков на дверях не было. Задумавшийся Димка зашёл в мужское, как ему показалось, отделение. Раздеваться в общем коридорчике не хотелось, и он распахнул дверь помывочной кабинки.

Раздался визг.

Димка ойкнул, вздрогнул и стукнулся головой о косяк. Перед его глазами предстала замечательная картина: голая рассказчица-филологиня в пластиковой шапочке, прикрывающаяся полотенцем. На крючке висел пакет со шмотками. Филологиня только закончила мыться. «Значит, голову она моет реже, чем всё остальное, — первым делом подумал Димка. — Девочки так часто делают, если фена нет. А живот у неё поменьше, чем утром...»

— Где ребёнок? — спросил Димка тоном человека шокированного, но не утратившего связь с действительностью.

— Хочешь отсосу? — решительно предложила филологиня и отняла полотенце от тела. Вместо надутого живота имелся живот приятно округлый, а также красивая грудь, покрытая каплями воды. Димка захотел принять предложение филологини, но не захотел, чтобы она от него откупилась. Откуда в нём взялась эта практичность, он сам потом не мог понять. Димка никогда не был шантажистом, не наживался на чужих промахах. Ощущение того, что ситуацию можно повернуть в свою пользу, пришло из воздуха. Прострелило как молния. Раньше бы Димка оттолкнул такое желание, постыдился бы его. А теперь решил довериться.

— Потом, — ответил Димка, будто читая по губам невидимого суфлёра. Он нехорошо улыбнулся и, пританцовывая от бодрящего ощущения собственного коварства, попятился из кабинки.

После ужина Димка вышел проветриться. Пошёл снег. Вот тебе и глобальное потепление. Снег посыпался вдруг и сразу. То не было, а то густо-густо, как на рождественской открытке. В глубине парка Димка набрёл на старую танцевальную площадку — дощатый помост под деревьями. Доски уже покрывал белый ковёр — ровный пушистый квадрат лежал у Димкиных ног, когда он взошёл на помост. То тут то

там стрельнёт блеском снежинка. Димка сделал шаг, другой, пересёк квадрат по диагонали, вернулся к центру, посмотрел на тёмное небо. В сосновых ветвях слышалось шуршание. Вниз по стволу, выгибая спинку, сбежало мелкое существо с пышным хвостом. Белка! Внутри Димки будто взорвалась граната с радостью. Сразу захотелось поймать зверька непонятно зачем. Димка уставился на белку, а белка, как ему в темноте показалось, уставилась на него. Посмотрели друг на друга. Белка махнула хвостом, как светская кокетка полой шубки, и ринулась обратно в свою сосновую высь.

Восторг от появления белки зарядил Димку. Его будто на мгновение подсоединили к небесному аккумулятору. Димка понял, что должен победить. Должен получить приз. Золотую букву «А» на мраморной плашке и деньги. Деньги, деньги. Пять штук зелёных. Только победа! Чтобы юльки всякие на эсэмэски отвечали!.. Он дёрнул головой, будто ударил кого-то в нос. Само как-то вышло, произвольно. Димка сжал кулак и нанёс удар в пустоту. Снизу в челюсть. Под дых. Об колено. По почкам. Поскользнулся, упал. Вскочил. Огляделся, не увидел ли кто. Стыдно... А чего стыдиться? Может, он тренируется. Отряхнулся и давай молотить кулаками вокруг себя, укладывая воображаемых молодых литераторов-конкурентов. Поверженных допинывал ногами. Чужие зубы и кровавые сгустки разлетались по свежему снегу. Димкино лицо растягивала дикая, злая улыбка.

Устав, он отдышался и спрыгнул с площадки на землю. Снегопад закончился, как выключили. Димка обернулся, его следы на белом снегу читались немного путаной, но яркой и заметной строкой.

Через десять минут Димка был уже на очередной литературной дискуссии, опрокидывал в себя одну за другой рюмки, балагурил и впервые за много дней чувствовал себя прекрасно. Конкурентка, рассказчица-филологиня, неожиданно оказалась у него в кулаке и теперь бросала тревожные взгляды из угла. А он её как бы не замечал. Теперь она на коротком поводке. В любой момент можно довести до сведения жюри, что она мошенница. Тоже мне будущая мать-одиночка! На жалость решила взять. Да и рассказы у неё слабенькие, фальшивые. Пока же основным достижением было то, что она больше не пела. Только начала, но Димка попросил прекратить, и филологиня покорилась. Остальные были поражены, никому до этого не удавалось унять певицу.

В тот день выпивали в их с Маратом и Сашей комнате. На этот раз плечи Лисы согревал пуловер дагестанского фантаста. Гости читали стихи и спорили о литературе. Революционер рассказал, что, кажется, именно в этой комнате лет сорок на-

зад повесился знаменитый сценарист и поэт. Весёлый был парень.

— На этом самом крюке, — уверенно заявил революционер.

Все посмотрели на сверхъестественно большой крюк, на котором, как и сорок лет назад, висело полотенце.

Поговорили о судьбе художника в России, о творческом кризисе, писательских гонорарах и прочих вещах такого рода. Ветеран-крепыш предложил побороться на руках. Поборолись. Революционер проиграл крепышу, но быстро нашёлся, объяснив проигрыш недавней операцией на плече. Окрылённый победой, крепыш достал нож. Трофей, с мёртвого боевика снял. Литераторы-мужчины посмотрели с уважением, литераторы-женщины — с трепетом. Втыкая нож в паркет, крепыш заговорил о России и о том, что ни в телике, ни в церкви, ни на улице не встретишь ни одного русского лица. Поэт с бородкой кастильского гранда и дагестанский фантаст сделали вид, что не слышат. Поэт даже стульчик чуть подальше отодвинул. Крепыша это только подзадорило.

— Одни пидорасы! — бушевал уже никем не сдерживаемый крепыш, всё глубже засаживая трюфейное лезвие в пол. Видимо, в его голове нерусскость как-то смешалась с гомосексуализмом.

— А чего ты хочешь? Стгана оккупигована, насаждают чуждую культугу! — поддержал драма-

тург-революционер. Он махнул кулаком с трубкой так, что обсыпал пеплом всех сидящих.

— Правильно! — раздался одинокий, немного женственный голос. Все обернулись. Голос принадлежал крашеному поэту Саше, в котором Димка ещё в первый день заподозрил представителя нетрадиционной сексуальной ориентации.

— Пидорасы всё захватили и командуют! — трогательно возмутился Саша, поддерживая крепыша-ветерана. — Гей-мафия! — Его тонкий голос и совсем уж не мужественная интонация никак не вязались со смыслом слов, из-за чего вышло довольно смешно.

— Сань, не сотрясай воздух, — попыталась урезонить поэта мужеподобная поэтесса без лифчика.

— А чего?! Я бы их сажал! — говоря, Саша тербил лицо и случайно скovyрнул прыщик над губой. Ранка начала кровоточить. — Рождаемость вон упала из-за них! СПИД разносят! А ещё прав каких-то требуют!

— На Кавказе им яйца отрезают! — добавил крепыш-ветеран, проиллюстрировав свои слова взмахом ножа. Литераторы-мужчины поёжились.

— Я слышала, на Кавказе мужчины баранов трахают, — усмехнулась Лиса.

— Мага, расскажи! — попросили дагестанского фантаста. Он, бедняга, потупился и сжался весь:

— Разное бывает... может, некоторые... я тоже слышал...

— А сам пробовал? — гаденько поинтересовался поэт с бородкой гранда.

— Они ещё и зоофилы! Бараны тоже мужики! — обрадовался Саша, размазывая под носом желтоватую кровь. — Пидорасы-зоофилы!

— Мочить на хер из подствольника!

Начался общий гвалт и хохот. Кто-то предлагал мочить пидорасов только на Кавказе, кто-то всех пидорасов вообще. Побочно предлагалось мочить богатых пидорасов, просто богатых, участников шоу «Дом-2», хачиков, жидов, америкосов, узкоглазых, черножопых... Драматург-революционер предложил мочить всех, кто в Христа не верует, Марат, наоборот, всех, кто верует...

— Сань, чего ты бучу поднял, ты же сам пидорас... — Все примолкли. Сказала это всё та же поэтесса без лифчика. — А чего такого? Я вот баб люблю. Я же не виноватая. Вот в Маринку влюбилась. — Она кивнула на Лису, та улыбнулась. — Да мало ли кто кого любит. Вы же писатели, чего вы гоношитесь-то? Я вот живу в Иванове, раз в год в дурку ложусь на обследование. Мне друзья компьютер старый отдали, осваиваю. Раньше всё от руки писала, рассылала. Вот в Германии переводят, в Англии. Кого мочить-то собрались, литераторы? Выпили и забыли. Сань, у тебя прыщ лопнул. Утрись и разливай! — Поэтесса протянула Саше салфетку.

Саша, сидевший пунцовым с самых первых её слов, не знал куда деваться. Его так и дёргало, хотелось выкинуть что-нибудь глупое, перебить все стёкла в окне. Димка впервые обратил внимание на его ноги, обутые в новенькие, купленные к поездке на конкурс, скруглённые со всех сторон недорогие ботиночки женского размера, с сильно бросающейся в глаза резиновой подошвой. Если бы Димка видел только эти ботиночки, не зная, кому они принадлежат, то решил бы, что их хозяйка — сухощавая, невысокая школьная учительница, обиженная на окружающее бескультурье, торжество соляриев и красивых тел. Саша взял салфетку, булькнул что-то в ответ поэтессе, запыхтел.

— Я налью, подставляй стаканы! — нашёлся Димка. Ему очень стало жалко Сашу, стыдно за его слова и за его пунцовость, стыдно за остальных и за себя почему-то, хотя во время скандала он ни слова не проронил. Может, из-за этого и стыдно. Надо, наверное, было что-то сказать неглупое. А лучше неглупое и смелое. Чтобы не было всего этого позорного трёпа. Димка видел, что не только ему стыдно, всем не по себе. Захотелось, чтобы забылось поскорее, замялось. Его осенило: — Предлагаю игру: у кого было больше женщин с литературными именами?

— Что значит с литературными именами?

— Ну, Анна, например, как Каренина. Или Маргарита.

— Почему только женщины? — возмутилась Лиса. — Что, игра только для парней и Наташки? — Она послала мужеподобной поэтессе воздушный поцелуй.

— Можно и про мужчин!

— Давай лучше, с какими именами не было, а то много с какими было! — потянувшись изнеженным котом, предложил Армен и подмигнул Лисе.

— Отлично! — Димка обрадовался, что идею подхватили. Ему очень нравилось быть миротворцем. Теперь его слушалась не только филологиня, но и все остальные. Он получал от этого удовлетворение. — У всех налито? Тогда начинаю! У меня никогда не было... не было Офелии!

Часам к двум ночи Димка уже порядком набрался. Гости ему не мешали, он просто попросил их убрать задницы со своего матраса и завалился спать между диваном Саши и кроватью Марата. Зубы решил не чистить. Спяну Димка отлично засыпает, но спит плохо. Просыпается часа через три-четыре и больше заснуть не может. Так случилось и на этот раз. Часу в седьмом утра Димка стал просыпаться. Ещё в полудрёме он различил знакомые звуки... Впрочем, звуки эти знакомы не только Димке. Многим, надо признать, они знакомы, очень многим. Да, пожалуй, всем они знако-

мы. Шушуканье мужского и женского голосов, шелест рвущейся обёртки, а следом щелчки раскатываемого и натягиваемого на что-то латекса, проверенного лазером. Конкретно в той мизансцене мужской голос принадлежал прозаику Марату, а женский... в это трудно было поверить, но женскую партию исполняла губастая, клыкастая и сисястая Лиса. Вот так проныра, этот пучеглазый моргальщик!

Марату удалось обойти всех, избавиться от соблазнителя и папенькиного сыночка Армена, от дагестанского фантаста с его пуловером и усами щёткой, от Димки, который, между прочим, всегда вызывал у представительниц слабого пола одно желание (не считая желания обозвать мудак) — потискать-потормошить. Не сказать, чтобы Лиса вела себя как неприступная королева, но то, что именно моргальщик заволок её в постель, казалось, мягко говоря, нелогичным. Хотя, если задуматься, вся жизнь сплошь нелогична: фигуристые блондинки дают плюгавеньким коротышкам, а яркие спортивные тачки достаются старикам. Первое, что пришло Димке в голову, это заснуть обратно. Не вышло.

Неожиданно для себя он шумно сглотнул. Спящего легко отличить от притворщика по глоткам — спящие не сглатывают. Или делают это крайне редко. Тот же, кто притворяется спящим, глотает часто. Лично у меня есть теория, что, чем больше человек притворяется спящим, тем боль-

ше у него во рту слюней. Хоть слюноотсос ставь, как у зубного. По-моему, притворство спящим и слюновыделение как-то связаны. Типа как испарина выдаёт нервозность. Короче, у Димки слюни начали выделяться с двойной активностью. Он глотнул ещё и ещё и очень скоро принялся глотать без удержу. Буквально только и делал, что глотал. Точно пил воду из-под крана. Хорошо ещё не икал. Влюблённые его глотков, к счастью, не слышали или слышать не хотели. Они приступили. Точнее, автор поучительных сентиментальных рассказов приступил. Слышались его пыхтение и мерное шлёпанье ляжек по её заду. Кровать, разумеется, скрипела.

В Димке поднялась бытовая обида. Свинство — водить баб по ночам. Почему другие должны не спать, когда он трахается! Делай это днём, предупреди соседей по комнате, не один ведь живешь. Где писательская этика, готовность подать руку брату по перу, разделить с ним тяготы и радости жизни в святом для русского литератора месте?! «Вот встану сейчас в полный рост и скажу громко: «Ля-ля-ля, а я всё видел!» или «Вы что, совсем охренели?! Дайте поспать молодому еврейскому гению поднимающейся с колен русской литературы!»

Под ритмичную тряску Димке хорошо думалось. Да уж, как ни верти, а Марат его обошёл. Разоблачить мелкую мошенницу-филологиню не то, что поиметь красавицу-рыжуху. Димка ей олимпийку в первый вечер на плечи накинул, а

она ебётся с пучеглазым, который лишил его кровати. Кроме того, всё происходит прямо у него перед носом, в прямом и переносном смысле!

С другой стороны... Почему бы не расслабиться, пусть Маратик получит кровать и бабу, а он зато придумает, как вымутить приз. А с призом и бабы появятся, и кровати. Крашенный поэт Саша, по-детски посапывая, перевернулся на другой бок. Воспользовавшись шевелением, Димка высвободил из-под головы затёкшую руку, любовники сменили позу.

- Давай так, так лучше, — прошептал её голос.
- Нет, давай так, — настоял его.

Скрип продолжился. И насосные звуки. Как на нефтяной вышке. Стонov при этом никаких. Димка уже начал было получать злорадное удовольствие от того, что Маратик не может Лису удовлетворить. Но тут Маратик смог. Вот свинство! Мало того что первая красавица конкурса дала не ему, Димке, так она ещё и кончила. В глубине души Димка, конечно, считал себя мужиком номер один. По крайней мере, в девятнадцатой комнате исторического дома отдыха «Полянка». Только с ним женщина может кончить, а с этим жалким моргальщиком... Наверняка притворяется. Говорят, женщины так делают. Хочет что-то от Марата получить, вот и притворяется, что он секс-гигант.

Лиса издала ряд приглушенных всхлипов. Марат поднажал. Кровать заходила ходуном. Хлюпающие звуки участились.

В комнате стало светлее. Димка принялся вертеться и кряхтеть, пытаясь намекнуть, что здесь ещё имеются люди. Ненадолго воцарилась тишина, сменившаяся новым шебуршением. Что-то шлёпнулось рядом с Димкой на пол. Презерватив. Влюблённые бесцеремонно отшвырнули его. Димка весь кипел от злости. Если бы они попали в него, он бы... он бы... он бы точно вскочил и придушил их на хер! Раздалось чмокание... «Боже, умоляю, одари её мастерством, а то эта канитель продлится до рассвета», — взмолился Димка.

Димка решил прикрыть один глаз, и тут же взгляд его наткнулся на зелёные глаза Лисы, смотрящие из-под растрёпанной чёлки. Как в засаду попал. Лиса сосала и смотрела на Димку. Ему даже показалось, что она улыбается. Насколько это возможно при таком деле. Лиса подмигнула Димке. Димка отвернулся.

Минуты тянулись бесконечно. Казалось, что прошла вечность, пока Лисе удалось выжать из Марата приглушённый стон. Любовники свернулись под одеялом, и скоро раздалась её сопение и его похрапывание. Димке же спать расхотелось окончательно.

Он поднялся с матраса. Подошёл к раковине, с отвращением вытащил двумя пальцами очередную ватку, которой Саша промокнул очередной прыщик. Бросил в мусорное ведро. Пора уже прямо сказать Саше, чтобы он свои ватки бросал в ведро, а не в раковину! Просыпался Димка рань-

ше Марата, и все запачканные кровью и разбухшие от воды ватки доставались ему. А замечания Димка всё не делал, жалел Сашу. И так Саша весь какой-то затюканный.

Димка тихонько почистил зубы. Умылся. Подумал и засунул по очереди в раковину ноги. Тщательно вымыл между пальцами. Намылил голову, ополоснул. Стянул трусы и обтёр тело влажными ладонями. Снял полотенце со зловещего крюка, вытерся насухо. Ходить в общий душ после случая с лжебеременной Димка перестал. Да и противно: грязная мыльная вода с волосами плохо уходит через забитый слив и стоит на полу. Не босиком же туда лезть. А шлёпанцев у Димки нет, да и не помогли бы шлёпанцы, воды чуть не по щиколотку. Это ж какие шлёпанцы нужны? На платформе! Димка увидел на полу раскрытую сумочку Лисы. Среди сумочкиных потрохов: лака для ногтей, помады, ключей с золотым медвежонком-брелоком, кошелька, початой упаковки презервативов, виднелся паспорт. Димка оглядел спящих, оба видят десятый сон, поэт Саша тоже. Димка раскрыл Лисьин паспорт...

Кулагина Марина Олеговна, место рождения посёлок Дегунино, дата рождения... Девочке весь тридцатник! Никак не двадцать семь, полагающихся по условиям конкурса. Хорошенькое дельце, если приз дадут этой дегунинской хитрюге, нарушившей возрастной ценз! Димка бросил паспорт на прежнее место. Вены пульсировали от

возбуждения, грудь сжималась, челюсть сводило. Вот он каков, оказывается! О, он многого о себе не знал! Он способен на большие, на очень большие дела! Димка ощутил упругость во всех мышцах. Раньше он таким не был, а теперь захотел всегда оставаться таким. Он изменился из-за Юльки, из-за удара трубой по яйцам. Из интеллигентного чистюли стал парнем, лазающим по женским сумочкам. Захотелось вцепляться заострившимися зубами во всех, кто стоит на пути. Рвать на части. Прежний застенчивый юноша был отброшен, как истасканный комбинезон. Через истлевшие штанины перешагивал ловкий, прыгучий, начинающий бог, хищно осматривающийся в поиске добычи. На память об этом моменте Димка отцепил от Лисьиных ключей брелок-медвежонка и сунул в карман своих джинсов, валяющихся здесь же. Теперь у него заложник, теперь он её контролирует. Будь он таким раньше, Юлька бы никуда не ушла. Никогда и никуда... А не ушла бы, он бы таким никогда не стал... Так что хорошо, что ушла! Как ушла, так и обратно прибежит... Тут Димка второй раз за ночь увидел зелёный глаз, следящий за ним.

Димка подмигнул. Его очередь подмигивать. Глаз прищурился. Появилось желание. Труссы по-прежнему валялись на полу. Лиса выглядывала из-под одеяла, как зверёк из норки, над которой стоит охотник. Она знала, что Димка видел её паспорт.

Димка решил не церемониться и указал на свой матрас. Глаз задумался, под одеялом что-то зашевелилось, и голая Лиса юркнула в Димкину постель. Марат спал, приоткрыв рот, Саша спал, уткнувшись в спинку дивана.

Димка стоял над Лисой, расставив ноги и скрестив руки на груди. Её тело замерло под его одеялом. Теперь уже два зелёных глаза изучали его. Сейчас он покажет этой сучке, что значит настоящий столичный писатель, а не какой-то там провинциальный графоман! Димка дёрнул одеяло. Лиса потянула на себя. Димка дёрнул сильнее, Лиса уступила. Она сворачивалась и разворачивалась у его ног, как потревоженная гусеница. Димка рассматривал её с интересом: вчерашние тушь и тени размазались, помада почти стёрлась, рыжие волосы спутались, отчего Лиса стала ещё привлекательнее. Её грудь оказалась по-честному пышной, руки и ноги изящными, низ живота был подёрнут мелкой рябью, как папиросная бумага, в которую заворачивают покупки в красивых магазинах. Веснушками был покрыт не только носик Лисы, но и всё её белое тело. Как будто песочком обсыпано. Такие американские веснушки. Они Димке очень понравились. У него никогда не было девчонки с веснушками по всему телу, но всегда хотелось.

Димка тронул губами Лисыну грудь, прикусил слегка шею. Дыхание Лисы стало сбивчивым. Димка поцеловал её носик, коралловые губы и дал

знак повернуться. Изгиб получился умопомрачительный. Её задница в его руках представилась хорошо накачанным баскетбольным мячом, на который смотришь перед броском в корзину. Мяч. Корзина. Победа.

— Ничего, что я не Офелия?.. — прошептала Лиса, оборачиваясь через плечо.

— Сойдёт... — Его крестик, свисающий на длинном шнурке с шеи, скользил по её спине.

Лиса начала постанывать. Димка пригнул её голову к подушке и снова обхватил тонкую талию. Талия была хороша. Теперь Димка сжимал уже не наливные Лисьины булки и не баскетбольный мяч, а глобус, земной шар, весь мир... Лиса начала всхлипывать, Димке от этого стало очень приятно. «Щас я тебя...»

Тут он понял, что всхлипывает Лиса не от приближающегося оргазма. Её голова лежит на боку, глаза закрыты, а из-под ресниц текут слёзы.

Димка почувствовал себя, как во сне. В смысле, когда во сне с кем-нибудь дерёшься, а руки ватные, не слушаются, и удары получаются жалкими и беспомощными. Димкин инструмент стал терять форму и уменьшаться. От того, что Димка это осознал, от слёз этих процесс падения ускорился. Меньше чем через минуту Лиса лежала на спине, вытирая щёки, а Димка сидел, обхватив колени руками. Димке хотелось погладить Лису по спине, подержать её руку в своей, но он сдержался. Засмеёт. Лиса молча принялась

одеваться. Пробежав руки в рукава майки, случайно заехала Димке локтем в глаз. А может, не случайно.

— У-у-х, чёрт... — Димка схватился за глаз. Локоть у Лисы оказался острым.

— Прости, больно? — ласково прошептала она и улыбнулась. Слёзы высохли, Лиса поигрывала улыбочкой, как хулиган выкидухой.

Хорошо, хоть не пожалела: «Ничего, со всеми бывает». Со всеми, но не с Димкой. У него такое впервые. Если бы не её слёзы дурацкие... Лиса потрепала его по волосам и натянула джинсы. Сгребла содержимое сумочки, паспорт... Посмотрела на Димку. Он встретил её взгляд. Она улыбнулась вопросительно. Димка разозлился.

— Думаешь, я забуду, сколько тебе годков? — зашипел он, жалость испарилась. — Я тебя прищучу, сучка ты переросшая! — Лиса выскочила за дверь, а Димка слал ей вдогонку: — Пишешь под Набокова и думаешь, приз заслужила?! Не переходи дорогу молодым!

— Что случилось? — проснулся Саша.

Димка не ответил и накрылся одеялом с головой.

По дороге на завтрак, в коридоре, Димка встретил пенсионера в синем тренировочном костюме и на костылях. И тренировочный костюм, и кос-

тыли были старомодными. Димка таких давно не видел. Черты лица пенсионера жёсткие и правильные, с таким лицом нужно казнить и миловать, а не по коридорам «Полянки» ковылять. Одна нога у пенсионера отсутствовала.

— Здравствуйте, — кивнул Димка, уступая пенсионеру дорогу.

— Здравствуйте, — ответил пенсионер. — Представляете, ключ от комнаты потерял, а у вахтёрши дубликата нет. Ума не приложу, что делать.

— А вы в какой живёте? Если найду — передам.

— В седьмой.

— Хорошо. — Димка улыбнулся пенсионеру.

— Эх, на море хочется, — начал вдруг мечтать пенсионер с немотивированной искренностью. — Климат у нас отвратительный. А там волны, песок... Что у вас с глазом?

— Литературная дискуссия, — пошутил Димка, под глазом успел образоваться синяк. Культурно улыбнувшись, он шагнул в сторону лестницы. Разговоры с одинокими, скучающими стариками не его хобби. Спустившись, однако, на одну ступеньку, Димка замер. В седьмой??? В седьмой ведь ларёчник живёт!

По Димкиному телу прошла дрожь. Как если бы он был роботом и внутри перегорел важный проводок. Он слышал, как удаляется стук костылей и шарканье одной ноги. Димка ни за что не смог бы выглянуть в коридор до тех пор, пока звук этот не исчезнет. Это что, о-о-он???

Снизу со стороны столовой доносился слабый перезвон вилок и ножей, самые бойкие литераторы уже сели завтракать. Челюсть стало сводить. Если бы в тот момент Димке понадобилось говорить, он бы только стучал зубами и невнятно ворочал языком. Забыв, куда и зачем шёл, Димка пересёк холл, толкнул разошедшиеся балконные двери. Сел на пластмассовый стул... боком к дверям... спиной страшно. Пришла дурацкая мысль, что логичнее было бы встретить привидение повесившегося в их комнате сценариста и поэта. Но он встретил другое привидение...

В ветвях можжевельника что-то мелькнуло. Белка. Она цокала и щёлкала язычком, а потом замерла и глянула на Димку чёрным глазом-бусинкой. Их разделяло метров десять, но Димка отчётливо видел полушарие беличьего глаза, в котором отражались и балкон, и он на балконе, и писательский дом отдыха, и небо. Отражались сомнения молодых литераторов, их надежды, мечты получить премию и прославиться. Отражались писательские дачи, помнящие лауреатов и репрессированных, крюк с полотенцем. Отражалось привидение поэта Тарковского в синем тренировочном костюме, потерявшее ключ от своей комнаты, в которой давно живёт другой... Весь мир мелькнул в глазу рыжей попрыгуньи и исчез, когда она моргнула и, пощёлкивая и потрескивая, ринулась в гущу можжевелевой зелени.

Димка отправился на почту проверить электронный почтовый ящик, а заодно узнать новости. Он городской житель и стресс снимает мельканьем окошек со слухами и новостями. Проходя мимо ларька, Димка встретил ветерана-крепыша.

— Чё с глазом? — спросил крепыш.

— Об кран стукнулся, когда умывался. Нагнулся резко и херакс!

На почте Димка сел за единственный компьютер. Только он открыл окошко, как перед ним появился чужой почтовый ящик. Такое бывает, если после работы не нажать «выход». Ящик назывался, как водится, по имени владельца — «Илья Кожин». Прилагалась и фотография. В округе Димка знал только одного Илью Кожина с такой внешностью — это был ветеран-крепыш.

Родители ещё в детстве научили Димку не читать чужих писем. Некультурно. Димка слушался, но в душе не принимал запрет до конца. Ему, например, было непонятно, почему нельзя читать чужие письма, если о прочитанном никому не рассказать. Если растрезвонить чужие тайны или начать шантажировать человека, тогда другое дело, а если дальше тебя информация не пошла, то чего же плохого? По чужим сумочкам лазать тоже некультурно, однако весьма приятно. И полезно. Димка смотрел на столбик ветеранской переписки, перед глазами мелькали заглавия писем типа «ацкий отжиг на даче» и

«рассказы Кожина». Димке в голову закрался новый аргумент — чужие письма могут заключать в себе козни против него самого, ведь это не просто чужие письма, это письма его прямого конкурента. Тогда прочесть их не грех и шпионаж, а его обязанность в борьбе за победу. Превентивная мера. Типа как разбомбить арабский детский сад, потому что когда дети вырастут, то обязательно станут террористами. Димка решительно открыл последнее, датированное нынешним днём письмо, озаглавленное: «Моему Лидусику-пампусику!»

На обратном пути Димка встретил Гелеранского, фотографирующего содержимое переполненного мусорного бака.

— Люблю мусор фоткать. По мусору о людях всё можно сказать, — пояснил модный писатель. — С глазом что?

— Во сне об ножку кровати ударился. Я же на полу сплю.

С сожалением надо признать, что молодые литераторы в большинстве своём не отличались умением анализировать чужие тексты. А может,

просто ленились. Критический разбор сводился всего к двум оценкам: «нравится» и «не нравится», причём последняя существенно опережала первую по частоте применения.

Вообще, люди обычно что-нибудь ругают только из-за страха. Типа если раскритиковал — значит умный, а если похвалил, то могут лохом обозвать, если твоё мнение, не дай бог, не совпадёт с общим. Высокомерие, по крайней мере, гарантирует звание интеллектуала. Жизнь общества напоминает ситуацию после кораблекрушения, когда, пытаясь спастись, люди топят друг друга.

Находились «критики», которые грешили многословием и неспособностью остановиться. Такие обычно начинали с «я буду краток», после чего пускались в пространные рассуждения о том, как ему (ей) понравились (не понравились) произведения коллеги. Такие речи то затухали, когда «критик» замолкал, то разгорались вновь, когда жюри уже передавало слово следующему, а «критик» снова подавал голос. И так по нескольку раз. Подобным образом льётся вода из садового шланга, если перекрыть кран. Вроде перестала литься, а потом шланг скручиваешь, и брызгают новые, и новые струи. «А вот ещё одно... важную вещь забыл сказать...» Надо ли уточнять, что никаких важных вещей не сообщалось.

Выступающие злоупотребляли словами «произведение» и «творчество». Слова эти обильно наполняли их речи и применялись в основном в со-

четании со словом «моё» или «Васино... Танино... Мишино» и т.п. Обычное выступление начиналось так: «В Васином произведении мне не понравилось...» или «С большим удовольствием ознакомился с Таниным творчеством...». Распространенной похвалой было: «состоявшийся автор».

Те, кого критиковали, обижались и поджидали момента, когда смогут отомстить, обрушив на обидчика ответную критику. Острее всех критику в адрес своего романа воспринял сын великого советского писателя Армен. Особенно сильно Армен обозлился на драматурга-революционера, которого собирался разнести в пух и прах, когда наступит день обсуждения его «пьесок». Но в утро обсуждения Армен не смог проснуться из-за бурной попойки, произошедшей накануне, и не отомстил, о чём в дальнейшем сильно жалел.

От большинства этих дискуссий Димке почему-то было неловко, и он не знал, куда деть глаза. Хотелось сгрести их рукой с лица и сунуть в карман. Переждать, а потом достать и водрузить обратно на лицо, когда неловкость пройдёт. Но сунуть глаза в карман Димка не мог и поэтому внимательно рассматривал белую изнанку языков своих кроссовок. Там собрались тёмные шерстяные катышки. Слушая про «творчество» и «произведения», Димка собирал катышки. Когда катышки кончились, остался только квадратик этикетки. На квадратике был указан размер кроссовки по американской, британской, французской и японской

системам мер, артикул, дата выпуска, а ещё было написано «Made in Vietnam».

Димка был не в силах оставаться в замкнутом пространстве и вприпрыжку выбежал из дверей особняка. Радостное волнение отвлекало от боли в животе. Диета нарушилась, а таблетки дома забыл. Димка в который раз двигался по варикозной дорожке в глубь парка. Он придумал себе игру — перескакивать с одного куска асфальта, отсечённого вспухшими корнями, на другой. Димку колбасило, после того как он заглянул в электронный ящик бритоголового крепыша.

Радикального русского ветерана на самом деле звали не Ильёй, а Яковом, и фамилия у него была не Кожин, а Гайст. Письмо адресовалось девушке Лидусику, с которой Яша состоял в семейных отношениях. В начале письма Яша пел Лидусику подобострастные дифирамбы, а затем клялся заполучить приз чего бы это ни стоило, «обойти этих недососов с их фальшивой, жалкой прозкой» и на полученную премию свозить Лидусика с их Сонечкой и Лизонькой в Египет на майские. Димку немного задел эпитет «недосос», относящийся и к нему тоже, а также упоминание про «жалкую и фальшивую прозку». Особенно слово «прозка» обидело. Хуже, чем «рассказики». Димка уже

всерьёз считал себя молодым талантливым автором с индивидуальной манерой и мироощущением. Одновременно Димка понимал Яшу. Чувствовалось, как тот изо всех сил старается доказать Лидусику, что способен притащить в семью деньги и отправить дочерей на море в соответствии с предписаниями врача. Яша подчёркивал, что только ради денег и их одних он писал целый год, вместо того чтобы подрабатывать по профессии. Яша признавался, что ни за что бы не «угробил на всю эту писанину» столько времени, если бы не финансовая перспектива. «На этот раз верняк», — писал Яша, из чего становилось понятно, что участие в литературном конкурсе не первая его попытка срубить бабла нетрадиционным методом. Предыдущие, судя по всему, заканчивались провалом. В конце Яша вскользь, нехотя упомянул, что «если вдруг что», он больше не станет оттягивать и подаст документы в германское посольство на ПМЖ. Димка живо представил, что Лидусик давно требует от Яши выезда на родину предков. Яша упирается. Интересно, почему? Не хочет работать мусорщиком в одном из городков некогда великой Германии? Страх перед судьбой был в словах «если вдруг что».

Яшу с Димкой объединяло желание что-то доказать женщинам. Вот, мол, они успешные мужчины, не лузеры. Пусть нефть не качают, но зато их имена останутся в истории, а их книжки будут проходить в школе. Какому Лидусику не поль-

стит, что память о ней, музе великого писателя, сохранится в веках. А ещё их роднил псевдоним. Только Яша косил под русского, а Димка — наоборот. Видно, Яшины советники решили обаять жюри иначе, чем Поросёнок. Димка с Яшей были двумя обыкновенными шлюхами, которые придумывают себе пышные, влекущие имена, чтобы понравиться. Эстель и Даяна. Яша ещё и тельняшку нацепил, чтобы образ подчеркнуть. Выбери меня, нет, меня!

Увлёкшись чтением, Димка открыл одно из последних писем Лидусика к Яше. Димку привлекло заглавие письма — «ФОТКИ». Лидусик писала, что сделала всё, как Яшенька просил, и высылает для сравнения оригиналы. В приложении имелось несколько фотографий, две из которых были Димке знакомы, — Илья Кожин, он же Яша Гайст, демонстрировал их на днях всем желающим. На одной он с гранатомётом на плече, в камуфляже, на фоне гор, на другой — ожесточённо стреляющий из калаша. Две другие фотографии оказались куда интереснее, у Димки даже дыхание перехватило, когда он их увидел. Фотографии в точности повторяли предыдущие, за одним исключением — вместо Яши-Ильи с гранатомётом и калашом красовался другой, незнакомый Димке парень. Подгоняемый любопытством, Димка кликнул остальные фото. На них был Яша-Илья, запечатлённый в различной обстановке: с мужчинами и женщинами почему-

то в белых халатах, на фоне ковра перед миской с оливье, с танком Т-34, выставленным в качестве монумента в парке. На этом фото Яша сидел верхом на пушечном стволе, обхватив его руками и сделав зверское лицо. Снизу, возле гусеницы, устроилась маленькая, похожая на мышонка девушка, задирающая майку и демонстрирующая небольшие сиськи. Лицо Яши-Ильи перед оливье в точности соответствовало его же лицу на фоне гор, а из калаша он стрелял с тем же грозным видом, с каким обхватывал пушечное дуло. Мышонок с маленькими сиськами, видимо, и была Лидусиком. Вот тебе и второй штурм Грозного...

В переписке Яша советовался, на какой из фоток он выглядит более мужественно и привлекательно. Ко всему прочему, в одном из писем Яша-Илья просил Лидусика переслать кому-нибудь приложенную мантру на деньги и удачу, присланную мамой. А то не сбудется.

Димка стал действовать раньше, чем успел принять решение. Он скопировал компрометирующие Яшу фотографии, а также распечатал их по числу членов жюри. Затем принялся сочинять на компьютере письмо. Не от руки же писать. Почерк опознают. «Довожу до вашего сведения»... — начал он. Не годится. «Считаю нужным оповестить жюри»...», «Не могу молчать»... Не то! Димка погрыз ноготь и напечатал без всяких вступлений: «Марина Кулагина не может прини-

мать участие в конкурсе, т.к. ей тридцать лет. (Димка указал точную дату рождения Лисы.) Полина Гончарова на самом деле не беременна, а прикидывается с целью разжалобить жюри. Илья Кожин (наст. имя Яков Гайст) никогда не служил в Чечне. Его биография сфабрикована. Фотома- териалы прилагаются».

Димку возмущало коварство и лживость конкурентов, его нутро жёг праведный огонь. Димка в этот момент был как борец с безнравственностью, любящий по выходным поползать голым с кляпом во рту на поводке у мальчика-подростка, а в рабочее время произносящий возмущённые речи о низком моральном уровне работяг, пьющих пиво у метро после трудового дня. Димка совсем позабыл о том, что и сам не совсем, прямо говоря, автор *своих* рассказов. Но разве должен отвлекаться на такие мелочи человек, охваченный желанием добиться правды? Димка чувствовал, что обязан раскрыть людям глаза, а заодно отстоять свои интересы.

Вернувшись с почты, Димка заперся в комнате. Саши и Марата не было. Димка спрятал в рюкзак запечатанные конверты с экземплярами разоблачительного письма и фотографиями Яши. «Ну, ребятки, вы у меня попляшете», — с удовольствием думал он. Он чувствовал прыгучесть и силу, языком нащупывал клыки. Оставалось анонимно подсунуть конверты под дверь каждого из членов жюри.

Вот только на Маратика у него компромата нет. Ну ничего, он и до него доберётся, а пока этих троих выключит. Димка потирал руки, он был взбудоражен, с трудом сдерживал себя от того, чтобы вдруг не подпрыгнуть без всякой причины или не запеть во весь голос. Или ещё что.

Итак, насвистывая и пританцовывая на асфальтовых корнях, Димка незаметно для себя оказался в самом дальнем уголке парка, куда никогда раньше не забирался. Там была старая детская площадка: подгнившая избушка с давным-давно выкрашенными в разные цвета брёвнами, деревянный, треснувший посередине истукан-медведь и торчащая из земли длинная железная труба с ржавым колесом наверху. К колесу был привязан толстый канат, из-за чего вся конструкция напоминала виселицу с картинок из учебника истории. На таких в средневековье умудрялись повесить по многу человек за раз. На канате болтался сказочник.

Не повешенный, конечно. Держась за канат, сказочник разбежался и поджимал ноги. Колесо крутилось, сказочник кружился вокруг столба. Для этого конструкция и была предназначена, а то, что на виселицу похожа, — случайное совпадение.

Сказочник снова и снова продолжал разбегаться, поджимать ноги и крутиться на полуистлевшем канате каким-то диким, мятущимся маятником. Разбегался и крутился, разбегался и крутился.

Димка смотрел на сказочника минуту-другую, а потом пошёл обратно в свою комнату. В комнате он принялся писать. На этот раз не донос. Димка старательно выводил буквы, но мысль опережала скорость руки, и буквы соскакивали, наезжали друг на друга. Тогда Димка осаживал их, и они снова становились разборчивыми.

Он писал о море и песке. Писал про то, как они с Юлькой валялись на пляже. Про то, как на песчаном дне дрожала сетка солнечных бликов, а стаи рыбок танцевали, причудливо меняя направление, словно девушки из синхронного плавания. Писал о волнах, идущих на берег одна за другой, о том, как представлял, будто волны — это враги, а он — предводитель армии берега. И вот он видит приближающиеся волны и кричит своим воображаемым воинам: «Они хотят смыть нас, поглотить, но им не удастся! Их белые кони стукнутся о нас грудью и рассыплются на тысячи пенных клочков. Они упадут перед нами и будут лизать наши ноги! Они покорили много берегов, но наш им не по зубам!» У Димки с детства страсть произносить речи перед воображаемым войском. А потом Димка бросался в самую большую волну. Рассекал её телом и отдавался ей одновременно. Сильные, плотные потоки вихрились вокруг него, Димка забывал воинственный настрой и представлял, что в море бушует вечеринка и пену от тысяч литров шампан-

ского выносит на берег. А может, просто дочери Посейдона играют в ванне... Когда море было тихим и струилось вдоль берега, казалось, что водная гладь — это широченный подол платья великанши, ушедшей за горизонт. Она сделает ещё шаг, и море-подол уползёт вдаль, следом за ней.

Димка освоил доску с парусом. Поначалу валялся в воду, но вскоре научился держать равновесие и даже разворачиваться двумя способами. Ему нравилось перетягивать парус у ветра, иногда почти повисая на гике, нравилось, как доска летит по воде, оставляя бурлящий след.

Раньше Димка боялся воды. Он хорошо плавал, но его не отпускал страх, что из бездны вынырнет чудище и съест его. Или ногу откусит. Димка боялся акул, спрутов и водяных драконов. Причём боялся их не только в океане, но и в подмосковной речке, и в бассейне. Только в ванне не боялся. Приходило, правда, в голову, что из слива может какая-нибудь дрянь выползти и утащить его в канализацию, но это уже глупости, фантазия. Умом Димка понимал, что никаких чудищ не существует, что в речке ничего крупнее пластиковых пивных бутылок не плавает, а уж в бассейне и подавно, и тем не менее. Однажды в детстве в открытом бассейне он вдруг увидел нечто чёрное, ползающее по дну. Он почти сразу понял, что это водолаз, собирающий мусор, но страх повстречать чудище даже в хлорированной воде в центре Москвы засел глубоко. И вот, скользя по воде под

парусом, заглядывая в прозрачную бездну, Димка поверил океану, подружился с ним, перестал ждать от него подвоха.

Димка смотрел, как Юлька перебирает песок смуглой рукой. Песок — мелкие осколки ракушек, кораллов, камушков, растений, кирпичей, стёклышек, панцирей лобстеров и крабов. Димке в голову пришла пошлая, высокопарная мысль, которую он постеснялся сказать Юльке. Типа песок — это вечность, и эта самая вечность сыплется теперь сквозь её пальцы. Типа океан пишет и стирает судьбу. Пишет и стирает. И так типа всегда. Он и теперь стеснялся немного этой мысли, но всё-таки решил её написать, рассудив, что он не копилка для мыслей, которые стыдно написать.

Когда по вечерам они возвращались в свою комнату, за окнами было темно. Димка видел горящие огни яхт, зажжённые окна вилл и небоскрёбов. По мосту бежали огоньки автомобилей, в воде дрожали нити отражений от фонарей. Через две секунды на третью мигала игла далёкой башни. Чёрное небо сливалось с чёрным океаном, и было не понятно, что там, вдали, — фонари кораблей, самолётов или звёзды? Если огонёк рос, обростал крыльями и с гулом шёл на посадку, значит, не звезда и не корабль. На боку, ломтиком папайи, лежал молодой месяц. Поверх всего этого в оконном стекле отражалось кресло с Димкой.

Юлька подходила и усаживалась на Димку верхом, обвивала его руками и ногами, трепала и це-

ловала его волосы. Димка обнимал её в ответ, а в просвете под её плечом, там, где подмышка, по-прежнему видел огни яхт, зажжённые окна вилл и небоскрёбов. Огоньки автомобилей, нити отражений, иглу далёкой башни. В небе-океане мигали самолёты-корабли-звёзды, на боку, ломтиком папайи, лежал молодой месяц. В этот маленький просвет, обрамлённый Юлькиным телом, Димка видел кресло, в котором раньше был он, а теперь Юлькина спина. Ему даже казалось, что он видит собственный глаз под её плечом. Целуя Димку, Юлька говорила, что для них лето никогда не закончится.

Когда они вернулись в Москву, Димка обнаружил песок в жестяной банке для печений. Когда в банке заканчивались одни печенья, туда загружали новые. И так много лет. За это время на дне банки накопился слой сладкого песка. Осколки овсяных, пшеничных и всяких других печений. Осколки орешков, сахарной глазури, шоколада. Кусочки изюма, сушёных бананов, папайи. Уходя от Юльки, Димка забрал эту банку и, сидя потом один на родительской кухне, перебирал песок на дне...

На следующее утро Димка стоял на балконе и думал: пора или не пора. Решил подождать и вдруг заметил, что одного из двух гипсовых шаров-ядер, охраняющих парадный вход в «Полянку», нет.

* * *

На почте Димка отксерил свой новый рассказ и раздал экземпляры всем членам жюри. «Ну-ка, ну-ка, любопытно... но по правилам конкурса вы не можете ничего добавлять к тем текстам, которые были поданы изначально...» — важно приговаривали члены жюри, опасаящиеся давления со стороны Димки. «Просто я это написал вчера, интересно ваше мнение», — пояснял Димка, применяя все свои навыки убеждения. Ведь ничего незаконного в том, что члены жюри прочитают его новый рассказ, нет.

У Димки есть черта — он всё время боится куда-то опоздать. Куда — не ясно. Спешит. Двери не плотно прикрывает, косточки виноградные не выплёвывает, разгрызает и глотает. Он даже арбузные повадился глотать, чтобы на выплёвывание драгоценные секунды не тратить, но Юлька его рассказом про аппендицит отучила. Ест прямо из холодильника или микроволновки. На выключатели света жмёт на ходу, не останавливаясь. Выключатели не всегда срабатывают, Димка тянется к ним, не сбавляя скорости, из-за чего часто падает или стучается о мебель и углы стен.

А ещё Димка во всём сомневается. Сделает что-нибудь и сомневается. Сделает и сомневается. Чем больше нервничает, тем больше сомневается. Короче, эти две черты включились сразу, как только последний экземпляр рассказа был отдан

на суд. Можно Димку понять, ведь это был первый, по-настоящему его, рассказ на конкурсе. Написанный им и только им от начала до конца. Димка начал корить себя за поспешность. Поторопился, не отшлифовал, глупости всякой понаписал. Первый абзац надо было начинать с серьёзного «итак», а не с разговорного «короче». Эротическую сцену подсократить, духовности прибавить. Про синих медуз, выброшенных на пляж, вообще забыл, а они так красиво трепещут на ветру... «Блин, и про собственную тень на дне, которую принял за тень большущей рыбины и жутко испугался, не написал... Надо исправить. Но нельзя же у всех членов жюри попросить рассказ обратно и вносить исправления. Решат, что я псих. Нет, надо внести, иначе не поймут духовного посыла и моего творческого потенциала, я ведь совсем не то хотел выразить...» Можно подумать, что Димка сумасшедший, однако это не совсем так. Даже совсем не так. Просто за последние дни у него серьёзно развилась паранойя. Кроме того, он довольно скрытный. Не привык душу наизнанку перед чужими выворачивать и поэтому обнаружение столь откровенного рассказа для Димки событие. В общем, пока он сам себя накручивал и успокаивал, подошло время обсуждения. Начал Гелеранский:

— Вот не вижу я у нового поколения идеалов красоты... — («Твою мать! Надо было всё-таки духовности добавить! Подсказывала же мне интуи-

ция!» — тут же принялся сокрушаться Димка). Гелеранский продолжил: — Мы поклонялись Цветаевой и Феллини, а здесь сплошной ржач и всё ниже пояса! Есть, однако, замечательная сцена, описывающая первый поцелуй за школой, и вот это... — Гелеранский выковырял грязь из-под ногтя листком со свежим Димкиным рассказом. — Пушкер дал мне почитать свой новый рассказик, и знаете... очень неплохо написано... — Он ещё что-то говорил, но Димка не слышал уже. Мысли закрутились каруселью.

— Не з-знаю, не з-знаю... — взял слово Зотов, но тут же был прерван лаем. Барбосам с первого этажа приспичило помешать обсуждению. Заскучав, они решили полаять и повыть. Зотов продолжил, его слова смешивались с «гав-гав»: — Молодому поколению п-повезло... (гав...) гэбухи п-проклятой нет, значит, так. Хоть Пушкер... (гав-гав...) и не опирается... (гав-гав...) на традиции русской литературы... (гав-гав-гав...) но пошlostей я не заметил, значит, так... (гав-гав-г-а-а-а-в... у-у-у-у...).

Тут Зотов обратился к коллегам по жюри:

— Что же делать, г-господа?

— Пушкеру ещё надо повкалывать! Попотеть! Да. Сейчас вон многие люди стыдятся быть русскими! Иного им подавай! Напрасно! Грешно забывать свои корни! Пот, кровь, степь... — горячо вступил литературный критик Мамадаков. Манерой речи он походил на расхожего деревенского самородка, которых так любят городские ин-

теллеktуалы, пресытившиеся развлечениями мегаполисов. Упор на русскость и православие входил в резкий контраст с довольно-таки азиатской физиономией самого Мамадакова, его высокими военными ботинками, тёмными натовскими штанами и свитером с накладными карманами. Нос Мамадакова был крупных размеров и повёрнут в профиль, даже когда всё остальное лицо находилось анфас. Такие носы набок встречаются у персонажей мультфильмов. Причина столь необычного расположения носа у живого человека оставалась неизвестной. Видимо, Богу просто так захотелось, когда он лепил будущего литературного критика. Узкие глаза располагались близко к переносице и были обрамлены, словно нимбами, жёлтоватыми синяками. Слушая и рассматривая Мамадакова, трудно было поверить, что в жизни он занят двумя вещами: критикой и поисками собственной жены. Причём второе, кажется, забирало у него больше энергии, чем первое, и откладывало неизгладимый отпечаток на мировоззрение.

— Я не про Пушкира, а про собак, Виталий Маркович! — перебил Зотов.

— Виноват! Эх, сейчас бы картошечки с салцем! — молодецки отозвался Мамадаков, хлопнул по колену и огладил бородёнку таким движением, будто родился купцом в Замоскворечье, а борода густая и белая. Он, кажется, был из тех, кого в школе дразнят косоглазым. Мальчик ушёл в себя, погрузился в учение, прикупил наряд настоящего

мужика и выбрал дело, позволяющее смотреть на мир из забетонированного дзота безупречного вкуса.

— Может, Людмилу Степановну опять к ним отправить? — подкинул мыслишку Гелеранский.

— Собакам не нравятся ваши рассказы, Пушкер! — крикнула Димке Окунькова.

— Х-хороший каламбур, значит, так, — подхватил Зотов. — Собакам ваши рассказы н-не нравятся. А м-мне н-нравятся, значит, так. — Зотов сделал паузу, рассчитывая на смех аудитории. Некоторые рассмеялись сразу, большинство же подхватило с опозданием. Не потому, что каламбур не понравился, просто не слышно было ни черта. Зотов продолжил: — Рассказ про туристку, угодившую вместо м-монастыря в дурдом, глубок и метафоричен. А новый р-рассказ Пушкера и вообще весьма интересен. Этакая исповедь н-наивного фи-философа...

Димка перестал мучить себя терзаниями, ощутив всем естеством, что вырвался на полкорпуса вперёд по сравнению с другими участниками заплыва. Его немного тревожила только одна мысль: он не помнил, что за сцена первого поцелуя и какая такая туристка угодила в дурку. Димка списал это на очередной сбой памяти и тут же забыл.

На похвалах метров Лиса нарочито зевнула. Марат дважды моргнул. Филология вскочила с возгласом: «Да что же это такое!» — и кинулась

вниз по лестнице. Барбосы совсем разбушевались. Послышались возмущённые крики филологини, гавканье и кудахтанье дежурной: «Мешают им, видите ли! Писатели нашлись! Щас каждая профура писательница, компьютеров себе понакупали и пишут, и пишут!» Гавканье, однако, удалось унять, и филологиня вернулась слегка вспотевшая, с горящими щеками и малость съевшим в сторону животом.

— Беременная девушка спасла десятерых здоровых мужиков! — шутканул Гелеранский.

— Рассказы Пушкера сочно описывают реальность. Пусть там всё ниже пояса, но зато как обаятельно! — Окунькова одарила Димку улыбкой. — Что у вас с глазом? Дуэль из-за женщины? — Окунькова, видимо, составила себе некий романтический образ Димки, и фингал этот образ только поддерживал.

— Литературный спор... из-за женщины, — постарался элегантно отшутиться Димка.

— Знаете друзья, когда в шестьдесят первом я встречалась с Ахматовой... — начала Липницкая голосом, напоминающим дребезжание ложечки в стакане, когда под домом проезжает метро.

— Хрррррррр. Хрррррррррр-хр-ххрр, — перебил Липницкую Мамадаков. Конкурсанты попрятали ухмылки в кулаки.

— Что вы сказали, Виталий Маркович? — обратилась старенькая поэтесса к критику своей ложечкой в стакане.

— Хрююююааа. Ы-хррррррр, — ответил Виталий Маркович. Красные губы были приоткрыты, голова склонялась на грудь. Вчера его видели в беседке под соснами в компании Зотова и бутылки. Зотов оказался покрепче, а вот Виталий Маркович срубился, всхрапнул.

Липницкая застыла, глядя на Мамадакова. Зотов крикнул. Гелеранский хихикнул. Окунькова презрительно закатила глаза.

— Виталий Маркович!

— ...пardon, Маргарита Павловна? — хрюкнул Мамадаков своим носом набок, будто и не спал вовсе.

— Мне казалось, вы хотите дополнить моё резюме по части рассказов Миши Пушкера, — чопорно произнесла Липницкая.

— Нельзя... — прохрипел Мамадаков, прокашливаясь. — Нельзя во всём подражать американцам проклятым! Оккупировали нашу Россиюшку-матушку и мадонадсов везде понаставили! У нас есть свои прекрасные литературные традиции. Забористая, ядрёная, мясистая проза. Вот, например, Беззубенко, замечательный писатель. Великанище. Главный человек в сегодняшней русской литературе. Настоящий русский мужик, кадыкастый, ногастый, мосластый... — неизвестно какие ещё части тела писателя Беззубенко были бы упомянуты, не вмешайся Липницкая.

— Спасибо, Виталий Маркович. — Липницкая поджала губы. Она, видимо, как и остальные со-

бравшиеся, не знала, кто такой Беззубенко и при чём тут проклятые американцы. Поворошив бумажки перед собой, Липницкая подытожила:

— Рассказ про море показался мне интересным... однако остальные произведения Миши Пушкера... — слово «произведения» Липницкая произнесла так, как произносят название симпатичной, но ненужной вещицы, — остальные произведения слегка поверхностны, что ли... Впрочем, моя оценка положительная.

«А может, и вправду псевдоним помогает, — подумал Димка. — То-то они постоянно повторяют «Миша Пушкер», значит, нравится». Слово передали молодым литераторам.

— Вспомнился фильм «Тупой, ещё тупее»! Герои этих гасказов такие же! Как будто ногмальных людей нет, одни пгидутки! Мой дедушка таких называл спиноггызами! — авторитетно заявил драматург-революционер, сверкнув кипящими глазами. Папа у него заслуженный, бабушка лауреат, в честь деда названа улица где-то в промзоне возле МКАДа.

— Беспомощные, беспомощные попытки описать жалких, жалких бездельников! Такие истории вредны, вредны и никому, никому не интересны, — высказался Яша-Илья, который отчего-то некоторые слова повторял дважды.

— Порнуха и чернуха. Сплошное человеконенавистничество, — неожиданно осмелела лжебеременная. Она уже не так тщательно подклады-

вала подушку под одежду, отчего её живот за завтраком вполне мог оказаться одного размера, затем уменьшиться к обеду и невероятно вырасти к ночным посиделкам. Видно, запаниковала, решила, что всё и так пропало, и перестала бояться разоблачения. — Ничего удивительного, по автору самому видно, что он чёрствый, легкомысленный человек. — Лжебеременная филология с вызовом глянула на Димку и сфотографировала себя на мобильный. Чтобы получиться хорошо, она повернулась к телефону немного бочком, втянула щёчки и выпятила губки. Так делают наивные особы, впервые фотографирующиеся для светской хроники. Почему-то считается, что выпяченные губки говорят об искущённости. Сделав снимок, лжебеременная принялась внимательно разглядывать его на экране.

— Н-да, — протянул Зотов и передал слово Лисе.

— В каждом слове видна самовлюблённость автора. Он любит только себя, а других людей ненавидит, — высказалась Лиса голосом своей героини, этакой вчерашней набоковской аристократки и нынешней прачки-проститутки. Видели бы присутствующие её паспорт. Димка с томлением подумал про конверты с компроматом, спрятанные в рюкзак. Так думает снайпер, лоя мишень в прицеле. «Подожду маленько. Подпущу поближе». Лиса тем временем разошлась: — Самовлюблённость вообще свойственна молодым авторам-мужчинам. Вот у Ильи Кожина тоже само-

любование через край. Мускулы, героизм, настоящая дружба. Правды жизни не хватает.

Яша-Илья мрачно усмехнулся.

О Димкиных рассказах говорили ещё. Его назвали вчерашним школьником, инфантилом и развратником. Литераторы из других номинаций высказывались лояльнее его прямых конкурентов, а поэтесса Наташка и Армен даже похвалили. Напоследок Марат Губайдуллин проморгался и сказал:

— Прозе Пушкера не хватает нарратива. Дихотомия образов отсутствует. Пушкер обращается с сакральными литературными символами вульгарно...

Затем он оставил академический тон и искренне пожалел, что в Димкиных рассказах не хватает одного — как автора сбивает грузовик. Отсутствие «справедливого» возмездия возмутило татарского интеллигента. Марат гневно моргнул два раза, будто затвор передёрнул. Сам он, основатель и почётный председатель подросткового литературного кружка «Поплавок», аспирант юрфака, был искренне возмущён «низким моральным уровнем» Димкиных сочинений и, дай ему волю, потребовал бы привязать Димку к столбу, высечь плетью и напоить кипящей смолой.

Вечером к молодёжи подвалил Гелеранский, которого молодые литераторы за глаза прозвали Гелер.

— Здорово, молодёжь! Бухаете?

— Бухаем, — ответил Димка. Гелеру очень хотелось потусоваться с молодыми, Димка это понял и, удивляясь собственной смелости, предложил модному писателю присоединиться.

— Присоединяйтесь, присоединяйтесь! — завторили молодые литераторы и налили Гелеру. Он не отказался. Рюмка, другая, третья.

— Братва, а что у вас сейчас крутым считается? — спросил по-свойски модный писатель.

— Ну, «кайен»... — лениво загнула пальчик романистка из Тёплого Стана.

— Узкие джинсы, фоткать на «мыльницу», конверсы... — продолжили преимущественно столичные литераторы. Региональные примолкли. Оказалось, что Гелер пишет роман про двадцатилетнего парня, а сам не очень-то втыкает, что к чему у двадцатилетних. Короче, закидали его сленгом и всякой полезной инфой. Все разгорячились, разговорились, водка само собой помогла. С Гелером стали по очереди фотографироваться, а раскрасневшийся на этот раз от спиртного поэт Саша сбегал в комнату и вернулся с заготовленным экземпляром первого романа Гелеранского. Попросил подписать. Выбравшись из всей этой кутерьмы на перекур, Гелер помнил за собой Димку. Отвёл его в сторону и заговорил горячо, как любовница. Димке пришлось немного наклониться, он был на голову выше модного писателя.

— Пушкер, писательская судьба — это пиздец! Жопа! Но если ты это выбрал, при до упора, не сворачивай!

Димка сделал лицо как можно серьёзнее. Было непросто, его рассмешила банальность высказанной истины.

— Знаешь, как я начинал?! Приехал в Москву из Астаны, столицы Казахстана. Раньше Целиноград назывался. Там русским делать нечего, но я всё тянул с отъездом. Родина как-никак. Когда русских из квартир выгоняли, меня не тронули, я водителем у одной важной шишки работал. Молодой был, после армии. А потом чувствую — задыхаюсь: денег заработать не дают, везде казахи своих тащат. Я тогда уже пописывал по мелочи и однажды корешу своему послал. А он пропёрся и говорит: «Ты типа талант, Серёга. Приезжай ко мне, отсюда до издательств ближе». Он в Электростали живёт. Ну, помыкался я ещё годик-два, а потом продал свою квартирку за пять тысяч у.е. и в Россию рванул, в Электросталь. Недельку обживался и начал с дискеткой по издательствам бегать, рассказы предлагать. Ты хоть знаешь, что такое дискетки?

Димка кивнул, он знает, что такое дискетки.

— Тихо! Слушай меня! — попёр Гелеранский, хотя Димка не собирался встречать. — А в издательствах только меня и ждали! Ха! Даже читать никто не хотел. Полгода прошло, жена кореша начала гундеть, что, мол, я их стесняю. У них стар-

шему пять тогда было, а малой — полтора годика. А комната одна. Мы с Лёхой, корешем моим, за занавеской спали, Ленка, жена его, — с малой, а мальчишка — под столом. Деньги тают, блин, как водка, а перспектив ноль. Лёха мялся, мялся и говорит: «Извини, братан, но поищи-ка ты себе хату». Я не в обиде, всё понимаю. Лёха и так меня приютил. Армейский друг. Мы с ним последние полгода в Афгане застали... Теперь какие-то, блин, генералы герои России, а нам панамки раздали на память и адьё! А мы присягу принимали, клятву давали... — Гелер отбросил недокуренную сигарету и тут же зажёл новую. Некоторое время курил молча. Затем продолжил: — Год прошёл, второй, я тогда на «Газели» работал на стройрынке, и тут мне из одного замухрышного издательства звонят! Типа берём... блин... что было! Я реально охуел от счастья! Слышь, чувак?! Я, Сергей Гелеранский, всего семь лет назад охуел от того, что какой-то, блин, вшивый мудачок согласился меня издать на рабских условиях!

Димка покачал головой, вложив в это покачивание максимум понимания и сопереживания, пробившемся в литературный бизнес Сергею Гелеранскому из Целинограда, ныне Астаны.

— Тихо, блин! — Гелеранский хлопнул Димку по груди, как хлопают, не глядя, по кнопкам проигрывателя, который надо выключить. — Первая книжка, блин! Купили, суки, у меня роман на семь лет за сто баксов! Шлёпнули тиражом три тысячи. У меня

было чувство, будто меня три тысячи человек трахнули за три целых три десятых цента каждый. А я был счастлив! Первую книжку всегда приходится этим крокодилам дарить, потом уже пробиваешься, права начинаешь качать. А конца срока договора я ждал, как конца лагерного срока! Он только недавно истёк. Я теперь тендер устроил, кто больше за переиздание предложит. Соревнуются пока. — Геллер самодовольно улыбнулся. — Зато когда книжка вышла, что со мной было! — Он плеснул себе водки в рюмку, облил пальцы. Плеснул в другую рюмку, дал Димке: — За мою первую книгу!

Выпили. Димка заметил, что молодые литераторы, оставшиеся за столом, бросают на него ревнивые взгляды. Братание с членом жюри незадолго до вручения приза — дело серьёзное.

— Я начал отслеживать книгу в рейтинге продаж. Каждое утро проверял, записывал каждый день, на каком месте книга. Целый график составил, как у спортсменов. Реально переживал, когда она поползла всё дальше и дальше от первой сотни. Блин, как я извёлся! Месяц постепенно сходил с ума, а потом знаешь, что сделал? Пришёл в «Москву» на Тверской, нашёл стенд с книгой, взял свой томик с полки, будто просто интересуюсь, посмотрел, полистал и поставил на более видное место. Сечёшь? Типа я рассеянный покупатель. Поставил не корешком, а обложкой. — Геллер рассмеялся. — Сейчас вспомнишь, умора! Ты только не болтай, понял?

Димка выразил всем своим лицом, что он человек чести и чужих секретов не выдаёт. Что в принципе правда.

— На следующий день смотрю рейтинг — срабатало! Прикинь? Купили один экземпляр! Эти козлы, мои издатели, не пробашляли, чтобы книжку обложкой выложили на видное место, и её задвинули чёрт-те куда. Писатель новый, неизвестный, никто не брал. Ну ты ещё всего этого нахлебаешься. Потом я снова пришёл в магазин и давай экземпляры как бы невзначай раскладывать: один на стопку с бестселлерами, один перед кассой, один в детский отдел на всякий случай. Типа родители Вини-Пуха ищут, ну и меня заодно прихватят. Проверяю рейтинг... ни хера! Хотя бы одна падла купила! Я в мыле бегу опять в магазин, начинаю, практически открыто, свои книжки везде раскидывать. Продавщицы меня вычислили, вы чего типа беспорядок устраиваете. А я им говорю, что никакого беспорядка не устраиваю, а просто хочу книжку купить, но не решаюсь. Поэтому то откладываю её, то снова беру. Заодно спросил, как им самим книжка.

— А они?

— Не читали, говорят. Ну, назвался груздём — полезай в кузов. Взял я книжку и купил. Ждал утра, как заколдованный, рейтинг посмотреть. Вырос. Я даже себе отчёта не отдавал, что это я сам купил, так цифры на меня подействовали. И стал я книжку свою потихонечку скупать. А у меня

тогда каждая копейка на счету была. Я в ремонтную бригаду вписался, обои клеил, потолки белил. Малярка, в общем. Короче, рейтинг перестал падать. Книжка зависла где-то на полуторатысячном месте. А на Новый год я себе подарок сделал, сразу десять штук купил. Первого января интернет-кафе закрыто было, второго рейтинг магазина не обновлялся. Я чуть не рехнулся от ожидания. Зато третьего смотрю — восемьсот пятьдесят шестое!

Гелеранский налил ещё по одной, и они выпили не чокаясь и без всякого тоста.

— А интернет-магазины! Отдельная история. Они любой товар продают с чем-нибудь, и книги не исключение. С Толстым и Достоевским предлагаются лесенки в кровать, чтобы маленькие собачки могли взобраться к хозяевам под одеяло. С современными писателями — блоки икон для автомобиля, дорожные комплекты «Всё для секса» и накладные ягодицы. А с моей книгой знаешь, что впаривали? — Гелер пихнул Димку в плечо и заржал. — Угадай!

— Ёршики для унитаза с музыкой? — смело предположил Димка. Гелер заржал громче.

— Видно, ты меня ценишь, чувак! Ха-ха! Ты не далёк от истины, уважаю! Инновационный спрей-замораживатель собачьего дерьма на основе жидкого азота! Чтобы удобнее было за своим Шариком убирать, если он насрал в неположенном месте. Пшикнул, в пакетик сложил и выбро-

сил. Ты понимаешь, кто я по сравнению с Толстым по их раскладу?

Гелер снова разлил.

— А потом я решил купленные экземпляры критикам разослать. Нашёл адреса газет и журналов, пошёл на почту... блин, не знаю, говорить тебе или нет. Что-то я разоткровенничался. — Гелер посмотрел на Димку так, что стало ясно — ему хочется рассказать, очень хочется, просто надо попросить, что Димка и сделал.

— Только никому. Хотя чего там, и так не секрет. Короче, меня реально чёрт попутал, я вложил в каждый экземпляр по полтинничку баксов. Между страничками. Не знаю зачем. Шестьсот пятьдесят зелёных ухнул. Весь свой резерв. Что от продажи квартиры осталось.

— И что?

— Все промолчали, суки! Хоть бы кто слово про книжку написал! Зато один прислал ответ...

Димка заметил на полу полураздавленного таракана. Таракан прилип внутренностями к паркету и шевелил лапками. От плинтуса к таракану и обратно бежал ручеёк мелких муравьёв. Хозяйственные работяги жрали беднягу заживо. Димка представил себя на месте этого таракана: как он лежит, мучается и молит Господа Бога о том, чтобы тот поскорее даровал ему смерть.

Из-за этого таракана Димка стал слушать Гелера рассеянно. Так бывает из-за пустяка. Например, болтаешь с человеком и тут замечаешь у не-

го в носу козявку. Малюсенькую. Сущяя ерунда. Козявка в полном смысле слова. Но после этого, что бы человек ни говорил интересного, как бы красива ни была женщина перед тобой, всё равно волей-неволей взгляд притягивается к этой злощастной козявке. Сосредоточиться невозможно, хочется крикнуть: «Да убери ты, наконец, козявку из носа!» Но чтобы крикнуть такое, надо быть смельчаком. Всё равно, что в пятнадцать лет сказать родителям, что любишь их. Димка смотрел на таракана, а Гелер рассказывал про ответ, присланный ему одним из критиков:

— Получил я конверт и решил, что кто-то полтинник обратно прислал. Не прислал. Письмо прислал. Типа как вы смеете, мне ваши деньги не нужны, да и обложка у вас вульгарная. Я книжек с такими обложками не читаю! Прикинь, по обложке о книгах судит! Лучше бы я на блядей деньги потратил или на психолога. А потом он меня упомянул в статейке среди прочих начинающих. Назвал слабым отголоском великой русской литературы и отметил мой заискивающий и неискренний тон. Типа начинающий автор с каким-то заискивающим тоном. Я подумал, увижу суку — убью! Я первую книжку от души, от сердца писал. Честнее я с тех пор не был. А про него, гада, известно, он за одну бабу гламурные романчики строит, а потом сам же их хвалит в своей газетёнке. Реальный чувак, прикинь? А у меня тон неискренний и заискивающий! Я ему всё-таки ото-

мстил, узнал его имэйл и послал вирус. Чтобы у него комп, у суки, наебнулся! Нормально, да?! — Гелер толкнул Димку в плечо.

— Ага...

— Он мне потом сам рассказал, что у него все файлы накрылись. Пусть знает, гад, нельзя на творцов залупаться! — Гелер вытянул вперёд ладонь. Димка не сразу отреагировал, а, спохватившись, хлопнул по его ладони своей.

— Он сам тебе рассказал? Вы что, знакомы?

— Конечно! Это ж наш Виталий Маркович собственной персоной! А куда ты всё время смотришь? — Гелер перехватил Димкин взгляд. — Дрянь! — Гелер размазал таракана каблуком по паркету. — Виталик у нас патриот. Patriot! А жена у него ничё, да? Сочная бабёнка!

Душа насекомого полетела в иной мир, а Димка подумал, что есть люди, которым только дай когонибудь замочить. Они едва увидят муху, комара или таракана, сразу пытаются прихлопнуть. Смотрят на стаю уток и жалеют, что под рукой нет ружья.

— Потихоньку-полегоньку книжка-таки попёрла, на премию номинировали. Пошло дело. Теперь каждая баба ко мне подходит и говорит: «Вы, конечно, молодец, но вот мой муж или там моя подруга, вот они пишут реально круто. Просто не публикуются». А я спрашиваю: «Почему не публикуется ваш муж или ваша подруга?» — «А их слава не колышет, тщеславия в них нет». Вот что мне говорят. И тебе, братэлло, будут говорить.

Они думают, что я, ты и все остальные едят только из тщеславия! Эх, кто бы тебе это рассказал, здесь одни старпёры!

— Никто, кроме тебя. — Димка не заметил, что перешёл на «ты».

— Точно, чувачило! Я твой рассказик в издательство одно предложу.

— Спасибо, Сергей.

— Слушай меня! Они сборник составляют. То же старпёры. Вообще, везде старпёры. Привыкай.

— Понял.

— Заплатят мало, зато публикация. Сотня зелёных за рассказик. По нынешним ценам два барреля нефти. А до кризиса три четверти барреля. Путин сказал, эпоха дешёвых энергоресурсов прошла, значит, опять скоро подорожает. Сейчас покупай, потом продашь, а?! А пока пусть дома постоит! — Гелер расхохотался и вдруг подскочил к Димке близко-близко и встал на цыпочки.

— Чувак, ты pizdato ешь. Все остальные вчерашние сопля пережёвывают. Ты — свежак. Svejak! Я бы тебе приз дал... — сразу за тем Гелеранский оттолкнул Димку, как маленькая потаскушка отталкивает распалившегося мужика после поцелуя, и внимательно посмотрел на него. Поинтересовался реакцией. Димка же заметил, как молодые литераторы, всё это время находившиеся поблизости, уже в упор смотрят на них, испытывая нарастающую ненависть.

— С начальством мосты наводишь! — как бы пошутил Армен.

На улице снова потеплело, снег растаял, воздух приятно холодил влагой. Из рта пар. Вроде повсюду люди, машины, дома, а окажешься среди деревьев и сразу чувствуешь их силу, понимаешь, кто на планете главный. Во влажной опавшей хвое и листве, в бархатных мхах, то здесь, то там виднелись бутылки из-под пива и водки. Некоторые матовые, замшелые. Другие свежие, сверкающие. Как стеклянные рыбацкие поплавки на Сахалине. Димка потрогал заскорузлую кору сосны. На ладони осталась смола. Захотелось обнять сосну. Шелушащийся ствол, уходящий в небо. Димка огляделся, не идёт ли кто, неловко предстать в таком виде перед чужими. Прикиньте, идёте вы по лесу или по парку и видите, как какой-то чувак сосну лапает. Мягко говоря, странно. Странно-то странно, но иногда ужасно хочется к сосне прижаться. Или к какому другому дереву.

Димка решил и обнял сосну. Прислонился щекой к коре. Всем телом. Ноги скользят на корнях, пальцы в смоле. Наверху колышутся кроны и звёзды светятся, кристалликами соли на чёрном столе. Димка вспомнил, как обнимал в детстве папину джинсовую ногу, когда не хотел оставаться в

детском саду. Висел на этой ноге, чувствовал запах отца, джинсы́ и ботинок. Был в безопасности, повиснув на папиной ноге, как коала на эвкалипте.

Димка ощутил себя муравьём на дне вазы с букетом. Собы́ны и берёзы — цветы, а он копошится в самом низу. «Эх, Ра́ша, говорят, здесь скоро всё ёбнется, рухнет к чертям, посыплется. А мне всё равно здесь хорошо! Хорошо вдыхать этот влажный прохладный воздух, хорошо то прятаться от медведей и волков, то охотиться на них, хорошо копошиться на дне этого берёзово-соснового букета».

Между стволами тихо пролетела большая птица. Филин какой-нибудь. Мастерски пролетел, без суеты. И сел на ветку. Будь у Димки крылья, он бы так не пролетел. Обязательно бы в дерево врезался. И я бы не пролетел. Поросёнок, может, и пролетел бы, а может, и нет. Хотя глупо об этом думать, у Поросёнка нет крыльев и вряд ли появятся.

Димка шёл без всякой цели, сунув руки в карманы. В бассейне было пусто, юные пловцы закончили тренировки. «Надо зайти, нырнуть пару раз», — подумал Димка. Он вышел к танцплощадке, на которой позавчера мочил воображаемых литераторов. Сколько всего случилось за эти дни. На месяц хватило бы. Димка прошёлся по площадке от края до края. Он любит чувствовать под ногами доски. Вдруг он понял, что изменилось с вечера, когда он оказался здесь впервые. Снег

растаял, и его следы исчезли. В одном месте оставался слабый отпечаток, но и он скоро стечёт между досками. И тогда совсем ничего не останется. Никаких следов.

В темноте аллеи кто-то схватил Димку за плечо. Он вздрогнул от неожиданности. Это оказался русский радикал в натовской форме Виталий Маркович Мамадаков.

— Что, Пушкер, один мыкаешься, думки тяжёлые одолели?

— Гуляю просто.

— Слухай, Пушкер. Ты нормальный русский пацан, я это вижу. Ты с Серёгой осторожней.

— С каким Серёгой? — не понял Димка.

— С Гелеранским. Он мужик непростой. Он тебе рассказал уже, как в Москве мытарствовал, как с дискеткой пороги издательские обивал?

— Рассказал. — Димка почувствовал, что, с одной стороны, сдал Гелера, с другой, раз Мамадакову всё и так известно, значит, не сдал. Димка сам начал чувствовать себя подставленным.

— Это он всем плетёт. А ещё про Афган и как мне вирус прислал, и про пятьдесят баксов. Эх, Серёга, хитрая лисица! — Критик расчесал бородёнку пальцами, как гребнем, и Димка заметил, что руки у Мамадакова полные, белые. Руки куп-

чихи с картины художника Кустодиева. — Пушкер! Держи ухо остро. Пишешь ты крепко, натурально, до Беззубенко тебе далеко, конечно, но чувствуется в тебе жилка. — Мамадаков приблизился и посмотрел Димке в глаза. Димка почувствовал запах мамадаковского пота. От критика пахло, как от крупного ребёнка-переростка, перемазанного кашей и овощным пюре. Представилось его мягкое белое, безволосое тело, бока свисают над резинкой трусов, как воск оплавившей свечи, а кожа всегда немного влажновата. Мамадаков дышал тяжело, ртом, будто по лестнице только что взобрался на пятый этаж. Его чёрные зрачки-пуговицы блеснули в ночном свете. Мамадаков взял Димку за руку и сказал:

— Я думал за тебя голосовать, Пушкер, люб ты мне... А потом передумал. Фамилия у тебя что-то напоминает, никак не пойму что, тревожно мне из-за этого. Да и нерусская фамилия-то, нерусская. Не получишь ты премию.

Димка вернулся к себе. В комнате никого. Пора. Стянул футболку, подошёл к раковине. Поплескал горячей воды на лицо. Встряхнул баллон с пеной, пшикнул в руку и размазал снежок по щекам. Вытягивая шею и поджимая губы, побрился. Смазав кожу кремом, ощутил мятную прохладу.

ду. Помазал под мышками ароматным стиком, достал из сумки свежую белую рубашку, подготовленную для торжественного ужина. Надел. Застегнулся на все пуговицы до самого верха. Последний раз посмотрелся в зеркало, пригладил полосы влажной ладонью, покорчил рожи — размять мышцы лица. Повертел в руках трофейный брелок-медвежонка. Улыбнулся сам себе той улыбкой, какой в его фантазии улыбался Цезарь перед выходом к ликующим легионам. Улыбнулся и растёр ногой по полу воображаемого таракана. Теперь готов.

Димка сложил конверты с компроматом в пакет. Взялся за ручку двери и тут услышал стук костыля и шарканье одной туфли. Эти звуки Димка не перепутал бы ни с чем. Он замер, не в силах даже руки от дверной ручки отнять. Стук и шарканье приближались. Другие звуки исчезли. Одноногий призрак подошёл к Димкиной двери и остановился. Димку обдало ледяными, прожигающими мурашками, будто он возле фантастической ледяной электросварки оказался. Жуть сковала его...

Димка отмер и одним прыжком оказался у окна. Старые, заклинившие, склеившиеся от краски шпингалеты. Не помня себя, отогнул какой-то гвоздь. Рывком распахнул рамы. На золотой ножке люстры дрогнула паутина...

Внизу крыша пристройки. Димка нащупал ногой лепной дубово-фруктово-овощной веночек, перекладины звезды. Если бы фашисты захватили

этот дом, то звёзды заменили бы свастиками, а венки бы оставили. Дубовые венки вполне в их концепции. Дыни, репы и баклажаны, правда, фашистам как собаке пятая нога. Репы для колхозников ВДНХ сгодятся, а фашистам репы на что? Им пивные кружки и капусту с сосисками подавай. На свастику ногу было бы удобнее ставить, если вот так из окна лезешь... Хотя какие фашисты? «Полянку» в пятьдесят пятом построили. Фашистов уже десять лет как извели...

Димка спрыгнул на крышу пристройки. Оцинкованный лист промялся под ним, издав характерный звук. Димка поскользнулся. Съехал с крыши, удачно приземлился. Оцинкованный лист выпрямился. Снова со звуком. Димка, не оглядываясь, бросился через парк.

Казалось, что сосновые корни ставят подножки, берёзы хлещут ветками по лицу, а упругий ковёр слежавшейся хвои и листьев коварно маскирует опасные ямы и провалы. Димка проскочил через калитку, замеченную им ещё накануне, и побежал к железнодорожной станции.

Метров через двести начало жечь горло и внутренности. Давно не бегал. Димка стал часто сплёвывать тягучей слюной. Под мышками, на спине, на груди стало мокро и липко. Перешёл на

шаг. Присел отдохнуть на поваленное дерево. На станции купил билет на последний поезд и стал ждать, прохаживаясь по платформе. «Паспорт и деньги в кармане, а вещи попрошу передать в Москву. Скажу, дедушка при смерти, срочно пришлось уехать»... Тут у него тренькнул телефон. Звонил я.

— Хай! Как дела?

— Нормально, — ответил Димка, всё ещё тяжело дыша.

— Что слышно в кулуарах, шансы есть?

— Непонятно пока.

— Как с девчонками?

— Непонятно пока...

— Всё у тебя непонятно. Ты определись. Что с девчонками может быть непонятного?

— Определяюсь.

— Ты бежишь, что ли?

— Нет, запыхался просто на лестнице.

— Вижу, на долгую беседу ты не настроен. Два дня осталось. Держись. Мы с тобой. От Поросёнка привет. В любом случае ты крутой!

— Спасибо.

— Не за что. Обнимаю.

Димка стрельнул у мужика сигарету, прикурил. Он не курит, а тут захотелось. Сделал две затяжки и пошёл обратно через турникет. Раздумал уезжать.

Проходя мимо мусорного бака, Димка бросил туда конверты.

Ночью приснился кошмар. Будто он смотрит страничку с рейтингом своей несуществующей книжки и цифры скачут. 470, 326, 141 и тут сразу 6! Увидев свою книжку в первой десятке, Димка затаил дыхание, боясь спугнуть цифру. Пускай подольше там остаётся. Но шестёрка подразнила его и превратилась в двадцатку. Тут на экране появились Мамадаков с Гелером. Похабно улыбаясь, они хорошенько облапали двадцаточку, позволив себе такое, что не каждый себе позволяет даже в тайском борделе, и утащили её за пределы экрана. Вместо двадцаточки мелькнула какая-то незапоминающаяся цифра из седьмой сотни, которая тут же сменилась четырёхзначной в районе второй тысячи и полетела дальше, бесконечно далеко от списка лидеров продаж. Димка вскочил с криком.

Накануне пятого дня организаторы устроили торжественный обед.

— Всё будет очень вкусно и красиво. Антикризисное меню! — модно пошутил маршал-попечитель.

Собрались в столовой в шесть. Столы были расставлены буквой «П» и накрыты белой клеёнкой. Морговое освещение осталось прежним,

официантки в мини-юбочках и полупрозрачных блузках подавали яства: тонко нарезанную колбасу, варёную свёклу, рубленую кубиками, и шинкованную сырую капусту. Затем гостей обнесли котлетами, влажными снаружи и сухими внутри. Из напитков предлагалась водка. Десерт — шоколадные конфеты. Перед Липницкой стояла единственная бутылка коньяку неизвестной, видимо, новой, молдавской марки. Выпятив живот, маршал-попечитель взял слово:

— Ну вот, друзья, и подошло к концу наше пребывание в святом для русского писателя месте «Полянка». Завтра у нас аудиенция, а послезавтра состоится вручение премии. Не важно, кто из вас её получит, главное, помните — вы уже писатели. Молодые писатели. Ура!

Во время спича присутствующие шушукались: «У тебя налито... вам налить... ой-ой, хватит... мне чуть-чуть... пусть мужчины коньяк откроют...» К моменту попечительского «ура» все с грехом пополам обзавелись порцией выпивки и потянулись своими пластиковыми стаканчиками к маршальскому. Стаканчики потыкались друг в друга и опрокинулись в рты молодых и не очень литераторов. Ничто не нарушило праздничной атмосферы, кроме одной детали в словах попечителя. Она пролезла в сердца молодых литераторов, как плесень, и начала подтачивать их изнутри. «Вручение премии», — сказал попечитель. Он упомянул премию в единственном числе! Но ведь

премий много, а точнее, целых пять! Оставаться раздираемыми сомнениями молодым литераторам, к счастью, пришлось недолго, ситуация разъяснилась. Маршал-попечитель снова взял слово:

— Друзья, надеюсь на ваше полное понимание. В стране, да и в мире, вы знаете, непростая экономическая ситуация. Финансовый кризис коснулся всех: и богатых, и не очень, и наших спонсоров тоже. Они понимали, какое трудное решение принимают, но, поверьте, оно было единственно возможным... — Маршал глотнул воды, молодые писатели превратились в натянутые струны. — Все победители получают дипломы и статуэтки... Денежный гонорар достанется только одному... да... денежные премии с пяти урезаны до одной... Финансовый кризис, друзья... Денежная премия переименовывается в Гран-при... Ура! — Последнее слово маршал-попечитель сам произнёс не очень уверенно, а из молодых литераторов его поддержали лишь немногие. Поэт Саша крикнул «ура» громче всех, понял, что оплошал, покраснел, хлопнул стопку водки и поперхнулся.

Все без исключения молодые литераторы прекрасно поняли, в какую ситуацию угодили. Некоторые, самые впечатлительные, уставились в одну точку, потеряв интерес к колбасе, водке и рубленной кубиками свёкле. Другие вдруг сделались особенно весёлыми и говорливыми. Впрочем, показная весёлость одних в совокупности с мрачностью других давала весьма грустный эффект. За-

стольная беседа рассыпалась, как плохо склеенная сахарница. Все думали о мечтах, которые существенно отделились, о надеждах, которым, возможно, не суждено сбыться.

Члены жюри, наоборот, разомлели, расслабились и стали более открытыми. У них будто камень с души сняли. Зотов провозгласил тост: «Слава богу, что коммуняк проклятых нет». Авторша сериалов и пьес Окунькова в летящем платье с декольте, из которого, того и гляди, вывалится одна из неоправленных в лифчик груди, решила спеть под гитару. Смесь комсомольских гимнов с провинциальным рок-н-роллом. Кто-то тербил вилку, кто-то пристально изучал водочную этикетку, кто-то шептался с соседкой. Липницкая тепло улыбалась, глядя на мигающую по неизвестной причине люстру. В конце все коротко аплодировали. Окунькову сменил магнитофон, обнаружился желающие потанцевать. Димка пригубил на брудершафт с Наташкой. Закусили конфетами. Водка не лезла. Подошла раскрасневшаяся Лиса. На её блузке было расстёгнуто на одну пуговку больше, чем принято в это время суток.

— Пушкер!

— Да, дорогая. — Димка уже научился откликаться на псевдоним, не моргнув глазом.

— Гран-при дадут тебе, Пушкер! — Лиса покачнулась и уперлась ладонью в Димкину грудь.

— С чего ты взяла?

— Я конъю... конъюнктуру чувствую!

— Конъюнктура ты моя, — ласково сказал Димка, касаясь Лисьиных волос.

— Не трогать! Я в этом сраном... извините, — Лиса прикрыла рот ладошкой и оглянулась, — я в этом замечательном конкурсе четвёртый раз участвую. Понятно? И когда мне двадцать семь было, и когда двадцать восемь...

— Тихо, тихо, тихо. — Димка ни с того ни с сего поцеловал Лису, не найдя лучшего способа прекратить её неуместные откровения. Волновался ли он в этот момент о ней или всё ещё тревожился за своё эксклюзивное право на Лисьины секреты? Кто знает. Думаю, и сам Димка не смог бы ответить с уверенностью. Лиса даже протрезвела. Вокруг зашушукались.

— А может, геволуционегу или татарину дадут... — Лиса с удовольствием причмокнула губами, как бы смакуя вкус поцелуя, — у нас мужики всегда выигрывают... — Тут мигающая люстра, приковавшая взгляд Липницкой, мигнула особенно надрывно и погасла. А вместе с ней погасли и другие люстры. Надо сказать, что, судя по воцарившемуся мраку, в ту секунду погасли вообще все люстры в святом для русского писателя доме отдыха «Полянка».

— У-у-у-у! — раздался вой молодых литераторов. Игра в привидений — первая реакция представителей поколения на темноту. «Нормально!» — едко высказался Гелеранский. «Надо эле-

ктрика вызвать», — посоветовала Липницкая. Принесли свечи. «Романтика! Темнота — друг молодёжи!» — воодушевлённо воскликнул неизвестно кем приглашённый к столу лысый пожилой поэт, назвавшийся собутыльником приятеля одного из членов жюри. Какого именно — все сразу забыли. Лысый поэт, ныне проживающий в Германии и приехавший подышать родным воздухом, оказался на соседнем с Димкой стуле. Воспользовавшись темнотой, лысый прочёл стих собственного сочинения. О смерти, пришедшей за Поэтом, и о том, как он уломал её на минет. Последняя деталь подчёркивалась особо. Читая, поэт бросал выразительные взгляды на координаторшу Людмилу Степановну.

Филологиня, которая, кажется, совсем перестала разыгрывать беременную, взяла гитару. Кто-то рывком дёрнул Димку за колонну. Гелер.

— Ты чего с Виталиком треплешься?

— Да, просто. Ничего особенного...

— Смотри, он змеюка хитрая. — Гелер отскочил так же резко, как и рванул к себе Димку. С лёту подхватил Окунькову, прижал к себе и закружил в медленном танце. Обувь на ногах авторши сериалов и пьес почему-то отсутствовала. Ступни в колготках переступали по мрамору рядом с забрызганными грязью ботинками Гелеранского. Когда музыка закончилась, Гелер, хлопывая Окунькову по заду, подтолкнул её к двери.

Очень скоро Димка постарался незаметно выскользнуть из зала. Когда он пробирался между танцующими, об него невзначай потёрлась жена Мамадакова. Она танцевала одна, плавно двигая бёдрами и поглаживая руками воздух. Виталий Маркович сидел перед бутылкой. Казалось, он смотрит на Димку мрачным взглядом опричника.

Димка юркнул в дверь. Освещая себе путь светящимся экраном телефона, пошёл по коридорам. В углах слышалось шушуканье: молодые литераторы пользовались темнотой, чтобы осуществить назревшие романтические планы. Димка решил сделать то, на что до сих пор не хватало времени.

Через пять минут он был уже в бассейне. Разделся прямо у бортика. В слабом лунном свете, проникающем через окна, вода напоминала жидкое тёмное зеркало. Димка сел на борттик рядом со стальной, подёрнутой ржавчиной, лесенкой. Попробовал воду ногами.

— Не Египет, но сойдёт. — Он встал в полный рост и нырнул. Дыхание перехватило. Коснулся кафельного дна. Проплыл до противоположной стенки. Обратно. С силой вдыхал воздух ртом, когда голова показывалась над водой, и с силой выдыхал носом, погружаясь. Отдохнул, отёр лицо рукой. Снова к противоположной стенке, обрат-

но. Туда, обратно. «Премия теперь одна»... — выдох. «Вот такие вот дела»... — вдох. «На всех не хватает бабла»... — выдох.

Димка страшно вскрикнул, потому что его резко потянуло вниз. Димка даже подумал, что это призрак Тарковского в синем тренировочном костюме объединился с духом повесившегося сценариста и поэта и чёрт знает с кем ещё, они все вместе полезли в воду и тащат теперь его, бедного Димку, на дно. Димка принялся дёргаться изо всех сил. Почувствовал, наконец, человека в глубине, под собой. Ощутил, что двинул этому человеку пяткой пару раз. Неизвестный разжал пальцы, Димка отгрёб в сторону и повернулся.

Из воды вынырнула голова, облепленная рыжими волосами.

— Ты чё, совсем больной?! — взывала Лиса.

— А ты нормальная?! — Голос Димки хаотично скакал в такт сердцу. — У меня чуть инфаркт не случился!

— Ты чё, не видел меня, дебил?!

— Тут темно! Я плавал.

— Ты мне пяткой в глаз заехал!

— Квиты! — ответил Димка и прерывисто засмеялся. Смех пришлось оборвать, больно дёрганный и трусливый он вышел. Да ещё стук зубов. Сразу стало холодно. — Фингал у девушки — это романтика. Сразу видно — любят, ревнуют.

— Любят, блин!

Димка подплыл к Лисе, тронул её за плечи ласково:

— Дай посмотрю...

Лиса влепила ему пощёчину, но потом всё-таки позволила осмотреть глаз.

— Темно, конечно. Но ссадин, кажись, нет. Только синяк будет, — радостно объявил Димка.

— Мало того что премию дадут тебе, так ты мне ещё глаз чуть не выбил!

— Ты тоже мне в глаз дала! А кому премию дадут — неизвестно.

— Все видели, как ты к Гелеру подлизывался! Рассказик написал и всем раздал. Хитрюга! Прикидываешься простачком.

— Не подлизывался я, он сам поговорить хотел! А рассказ я написал, потому что меня попёрло! Что мне терпеть, что ли?! Ты же писательница, ты же понимаешь, о чём я!

— Не надо меня жалобить! Ещё про вдохновение мне расскажи, блин! И вообще, ты москвич, на хуй тебе деньги?!

— Что значит на хуй? И при чём тут, москвич я или нет? Москвичам что, деньги, по-твоему, не нужны?

— Да у вас тут денег до хрена! Только руку протяни! А у нас! Ты вообще знаешь, как простые люди живут?!

— Ты меня с кем-то путаешь, Лиса. У меня папа не олигарх. Я такой же, как и все. Кто-то в Москве родился, кто-то на Марсе, а кто-то в таёж-

ном посёлке Палатка! — Это Димка меня вспомнил. Я в посёлке Палатка родился. Мать геологом была, а отец тогда только откинулся.

— Мне эти деньги очень нужны, очень! — Лиса вдруг взвизгнула. — Как мне их заработать?! Проституткой стать?! Проходили уже, у нас знаешь, сколько проститутка получает? Пятьдесят баксов максимум, да ещё неизвестно, на кого нарвёшься! Меня парень бросил, ушёл к дочке мэра. Знаешь почему? Она себе губы в Москве сделала. У неё, как у Анджелины Джоли теперь! Сучка, блин, драная! Всем так и хочется туда хуй засунуть! И ему захотелось. Сиськи мои ему не нравятся! Большие, говорит! Так я уменьшу, будут как у пятнадцатилетней! Я рожала, у меня сыну шесть лет, в следующем году в школу... — Лиса вцепилась в кафельный бортик обеими руками и подбородком прижалась, что бы он не трясся. — Я всё знаю. Такие губы, как у неё, больше не модные, я в журнале прочла. Сейчас такие пикантные, с припухлостями по бокам самый шик, правда? — Лиса очень искренне посмотрела на Димку, будто он был специалистом в тенденциях пластической хирургии. Димка понял из всего этого только то, что губы у неё свои, не обколотые.

— Вообще-то у тебя губы красивые... ты это...

— Чё ты мне втираешь?! Я себе реальные губы сделаю, как в Москве! Я себе сисечки аккуратненькие сделаю — пипец! Живот подтяну! Я до

кризиса успела кредит взять, щас премию получу, на всё хватит! Я урою эту пизду с её двумя кусками мяса! И тебя урою...

Наскоро обтеревшись футболкой, Димка поспешил прочь от бассейна, поближе к людям. Ведь где-то сейчас народ собрался, бухнуть в последний раз. Свет успели починить. В коридоре на Димку, откуда ни возьмись, выскочила филологиня:

— Хватит меня мучить! Я всё решила, я сама всё расскажу!

Димка вздрогнул от неожиданного появления конкурентки, ничего не понял из её слов, заметил только, что живот у неё исчез.

— Не выйдет меня шантажировать, понял?! — Филологиня залепила ему пощёчину. Димка ещё никогда не получал целых две пощёчины в течение десяти минут. Да ещё от разных дам. Именно в этот момент из своей комнаты, у двери которой они стояли, вышла романистка из Тёплого Стана. Увидев сцену, она ахнула, хихикнула, извинилась и собралась захлопнуть дверь обратно.

— Куда пошла?! Сейчас я тебе кое-что покажу, не пожалеешь! — крикнула филологиня романистке.

Димка схватил филологиню за плечи и развернул к себе, чтобы отсутствующий живот не было видно.

— Извините, — обратился он к романистке, застывшей в дверях. — Извините, — сказал он ещё раз, обращаясь почему-то на «вы».

Жительница Тёплого Стана придурковато улыbnулась и захлопнула, наконец, дверь. Всё сошло за пьяную разборку двух закрутивших романчик литераторов. Димка вздохнул облегчённо, захотел отодвинуть от себя филологиню, но та крепко обняла его. Её груди расплющились о Димку, и он вспомнил её тело в каплях воды.

— Мне так нужны эти деньги... Брата менты за пять граммов взяли, откупить не на что...

Филологиня плакала.

Тем временем остальные молодые литераторы собрались на очередную и последнюю литературную дискуссию. Если бы спросить тогда каждого по отдельности, зачем он пришёл, никто не смог бы ответить ничего вразумительного. Если раньше фавориты (как им казалось) из одной номинации могли позволить себе роскошь дружить с фаворитами из другой, то теперь всех уравнили. Всё равно, что пять независимых княжеств объединили в одно, и князья и князьки со дня на день ожидали назначения одного из них главным. Литераторы пили, и некоторые уже успели порядочно нагрузиться.

— Я сейчас видел, наши в люксе у Зотова заперлись. Небось обсуждают, кому приз, — возвестил собравшимся Армен, имея в виду членов жюри.

— Квасят! Мамадаков уже третье утро жвачку жуёт, а всё равно пасёт за километр! — с крестьянским говорком добавила Наташка.

— Вот вам, Михаил, Тарковский нравится? — обратился Марат к вошедшему Димке.

— Поэт или режиссёр? — уточнил Димка, с дрожью вспоминая призрака на костыле. «Почему Марат спросил? Он что, знает про призрака? Тоже видел?» Димка вдруг понял, что никогда не читал стихов Тарковского. Не потому, что не уважал или что-то в этом роде, а просто не складывалось. Бывает, живёшь, к примеру, рядом с известным музеем, а никогда там не был. Так и у Димки с Тарковским. «Интересно, знает ли об этом призрак? О том, что я его стихов не читал. Может, если бы я читал, у меня бы с ним по-другому отношения сложились», — подумал Димка.

— Поэт, — задиристо заявил Марат.

— Хороший поэт, — дипломатично ответил Димка, думая, что призрак, возможно, его сейчас слышит, и одновременно надеясь, что Марат не попросит процитировать любимое стихотворение.

— Что значит «хороший»? — ещё задиристее настаивал Марат.

Димка пожал плечами, усмехаясь, и поглядел на остальных, как бы ища понимания.

— Моя бабушка много общалась с Тагковскими, с отцом и с сыном, оба были специфические, — высказался драматург-революционер.

— А вам Тарковский нравится? — вы́кнул Марат Лисе, не отреагировав на ремарку революционера. Не дав Лисе ответить, Марат продолжил: — Вот у вас у обоих волосы мокрые, я вижу. Вы где-то вместе вымокли, так или не так? — В его голосе стали поблёскивать искорки истерики. Филологиня мрачно усмехнулась, наигрывая на гитаре. Она успела умыться и подложить фальш-живот на место. Димка убедил её сделать это, заверив, что доносить не собирается.

— Давайте за здоровье Липницкой выпьем! — громко предложил Саша. — Хорошая она женщина, устроила этот конкурс, выбила деньги...

— Да помолчи ты, гомосек! — перебил Марат.

— Что... я... да ты... — стал барахтаться в словах Саша, весь покраснев ужасно. «Эта его манера краснеть совсем никуда не годится, — подумал Димка. — Никакого очарования, только дефекты кожи становятся заметнее и плохие зубы».

— Подлиза! За Липницкую выпить! А зачем?! Думаешь, она тебе приз даст! Не даст она тебе ничего! Соси! Со-си! Ха-ха-ха! — Марат обрадовался собственному незатейливому каламбуру. Так радуются приличненькие, затюканные мамочками отличники, когда впервые решаются вывести на стене подъезда слово «жопа». Их потом бывает трудно остановить. Марат так завёлся, что даже

его тик изменил параметры; глаза то подолгу не моргали, то моргали часто и мелко, как изображение в барахлящем телевизоре. — Спонсоры денег пожалели на нас! Поигрались в меценатов и устали. Ты, Маринка, где хвост промочила? О, да у тебя фингал! Кто поставил? — Марат подскочил к Лисе. Она добросовестно припудрила следы Димкиной пятки на скуле, но скрыть их целиком не смогла.

— А твоё какое дело? — огрызнулась Лиса. — Я тебе чё, жена, отчитываться?! Заведи себе какую-нибудь чернавку в парандже и води на шлейке, а от меня отвянь!

— Ба-а-а! Девчонки, пацаны! Санёк прав, пора накатить! — пригласил всех Армен, но было поздно.

— Чернавку в парандже?! — взвизгнул Марат. — Ты что-то имеешь против моей религии?!

— Марат, ладно тебе, расслабься, — улыбаясь как можно миролюбивее, предложил Димка.

— Вали на хуй в свой Израиль!

«Ну вот, приехали. Взял псевдоним на свою голову».

Марат разбушевался не на шутку:

— Ты мою религию не трожь, проститутка! Вы, христиане, все проститутки! Нашли кому молиться! Ха! Еврейской мамаше, которая залетела невесть от кого и впарила всему миру своего незаконнорожденного сынулю! А вы, идиоты, уже две тысячи лет плачете от умиления!

— Эй, братан, притормози... — возразил Армен. — Мы, армяне, первыми христианство приняли.

— Сосёшь всем подряд! — выкрикнул Марат.

— Это ты мне? — уточнил Армен.

— Не тебе, а ей! А ты что, тоже сосёшь?

— Щас ты у меня схлопочешь! — Армен встал со своего места.

— Чего вскочил?! Денег небось до хуя, армяшка! Первые они христианство приняли! Везде вы первые, и Шекспир армянин, и хуй у армян самые большие!

— Началось!

— Признайся, твой папаша тебя сюда засунул?! Ты же вообще писать не умеешь, чего ты лезешь?! У меня хлеб отбивать?! — обличал Марат, брызгая слюной и бешено крутя окулярами. Димка начал даже опасаться, как бы у Марата глаза из глазниц не выскочили и не покатались бы по натёртому паркету. — Мне очень нужны деньги! Очень нужны деньги мне-е-е!

— Ну, чего раскричался, и мне нужны!

— Мне нужны эти деньги!

— Типичный пгимег деггадаци на почве общей гламугизации! — авторитетно прокартавил драматург-революционер. — Дом-два надо меньше смоттеть.

— Заткнись, почвенник хренов! — гаркнул на революционера Марат. — С голытьбой заигрываешь, с гопниками?! А сам с няньками да служан-

ками рос, икру из министерских заказов жрал! Тебя ведь дедушка твой заслуженный икорочкой солёненькой кормил на ночь, чтобы ты не ссался, а?! А хочешь скажу, почему ты в народ подался?! Хочешь?! Ты же ботаником рос, задротом! Мамочка тебя от всего берегла, а пацаны во дворе чмарили. Вот ты и выслуживаешься теперь перед ними, чтобы они тебя в футбол взяли погонять!

Революционер стал просовывать палец в пуговичную петельку своего чёрного кожаного пиджака. Зачем он это делал — непонятно.

— Деньги всем нужны, мне, например, очень нужны. Знаете, сколько я на кризисе потерял?! — надулся поэт с кастильской бородкой.

— А мне что, не нужны?! — будто из комы вышел Яша-Илья, лжеветеран, принявшийся по обыкновению загонять нож в паркет.

Скоро уже со всех сторон доносились вскрики и требования: «деньги, деньги». Кто кричал всерьёз, кто в шутку. Многие жестикулировали, объясняли, зачем и сколько им нужно. Другие просто нараспев повторяли «деньги, деньги», будто мантру или тост, и выпивали в промежутках. Началось рассуждение о деньгах, кто и как потратил бы миллион. С большим отрывом преобладала покупка квартиры, затем шли машина и отдых на море.

— Протестую! Вся эта премия какой-то заговор против литегатугы! — возмутился революционер. — Если бы мне дали деньги, я бы огганизовал

геволюционное движение против бандитской власти, привлёк бы внимание общества...

— Ты только и думаешь, как внимание к себе привлечь! — не дал ему договорить Марат. — Ты только ради этого и пишешь про революцию, а кость тебе кинут, в телик пустят, сразу заткнёшься!

— Чего?! Да я недавно в тюгьму хотел сесть! — вскочил революционер из-за стола.

— В «тюгьму»? — передразнил Марат. — И чего ж не сел?! Молодого гения посадили! Отличный пиар! Сможешь себе новую футболку заказать: «Я, великий, в тюрьме!»

Глаза драматурга-революционера сузились, в них забулькал кипящий гудрон. Ещё немножко, и можно будет зачёрпывать и щели в асфальте замазывать. Он вскочил, рванулся к Марату.

— Стоп, стоп! Давайте просто договоримся, что победитель поделится с остальными! — предложил Димка. — Ведь все на эти деньги рассчитывали, будет справедливо, если победитель поделится!

«Дело... бред... идея... демагогия», — отреагировали молодые литераторы.

— У нас ведь пять номинаций. В каждой номинации народ бросит жребий и выберет, таким образом, победителя. А тот, кому достанется премия, поделит её с этими победителями.

— А ты бы сам поделился? — язвительно спросил революционер.

— Ну, если мы все примем решение, то я бы поделился, — неожиданно для самого себя легко и просто ответил Димка. Внутри же он сразу заругал на чём свет стоит свою инициативу. Стоило столько рваться к призу, чтобы предложить разделить его с другими ни с того ни с сего. Кто его за язык тянул!..

— Ты бы поделился?! Ты?! — завопил Марат.

— Поделился бы, — буркнул Димка, как бы пытаясь отбросить Марата. Так отбрасывают липкую наклейку, защищающую экран нового мобильного.

— А откуда ты знаешь, что премия достанется тебе????!!!

— Да не знаю я ничего! Я говорю, что поделился бы в случае выигрыша. В слу-ча-е!

— Ты блатной, я сразу просёк! Он блатной, пацаны! Видели, как он с Гелером сюсюкал?! Подлизывался!

Димка понял, что влез в трясиину, которая вполне может засосать его с головой. Тем временем дискуссия вихрем закрутилась вокруг возможного раздела премии. Одни доказывали, что это предложение разумное и справедливое, другие, считавшие себя фаворитами, спорили, заявляя, что не собираются делиться с людьми бесталанными. «С какой стати я должна делиться с какими-то графоманами!» — возмущалась поэтесса из Читы. «Кого ты считаешь графоманом?!» — маниакально повторял поэт с кастильской бородкой.

— Да вы что, с ума все посходили?! — вдруг крикнул кто-то. — Позор какой! Вы же... вы же... — Это был сказочник. Он весь клокотал, руки тряслись.

— Ну, скажи, скажи, что мы писатели! Про вдохновение расскажи!

— А что?.. Разве не так?.. — Сказочника всего колотило. — ...Писатели... вам денег мало?! — В его голосе послышались всхлипывания.

— Мало! Мало!

— Тебе мало? — крикнул сказочник мужеподобной Наташке.

— Не помешали бы! Я бы домик в деревне купила и устроила там коммуны для поэтов. У нас, в Ивановской области, знаешь, сколько домик стоит? Тысячу долларов всего. Но нет этой тысячи, хоть ты тресни.

— А я бы, я бы... — перебил Саша-поэт. — Я бы адвоката нанял, а то меня сельсовет засудит и посадит за оскорбление власти!

— Стишки-то у тебя хреновые, обидно небось за них садиться! — съязвил поэт с бородкой.

— Ну, хреновые, и что?! При чём тут это?! — Саша опять некрасиво покраснел.

— А мне на опекацию надо, — задумчиво произнёс драматург-революционер.

— Аппендицит?

— Не у меня, у собаки.

— Слышали, нашему Ленину на собачью операцию не хватает. Совсем с дуба рухнул!

— Вы не понимаете, мне Линду отец подагил, ещё в школе.

— Ничего, новую Линду подарит.

— Не подагит, умег... а тепегь вот и у Линды опухоль...

— А мне тоже нужно! — выскочил вперёд Марат. — У меня проклятие!

— Дайте ему уже валерьянки кто-нибудь!

— Меня мать проклала, когда я в мусульманство ушёл! Она у меня верующая, православная! Сказала, пока я новый иконостас в церкви, где она свечками торгует, не поставлю, проклятье на мне будет. А где я денег на иконостас соберу, а?!

«Ты ж мусульманин, тебе не плевать на православное проклятие»? — удивились одни. «Материнское проклятие страшная вещь», — покачивали головами другие.

— Страшно... так страшно... — глядя в пустоту, произнёс Марат, но никто его особо не слушал.

«По всему выходит, у меня вообще нет никакой серьёзной причины получать приз... — подумал Димка. — Спасти собаку от рака, а себя от проклятия — это причина»... Димке стало жаль Марата. Так жаль, что даже слёзы на глаза навернулись. Ужасно жаль этого неказистого моргальщика. Жаль и стыдно за собственную ненависть к нему. Стыдно за презрение к его внешности и убеждениям, к его диссертации и литературному кружку «Поплавок». И остальных стало жаль. И собравшихся молодых литераторов и вообще всех. Ла-

рѣчника, Людмилу Степановну, беспризорных мальчишек околачивающихся на станции. Всех людей. Захотелось тут же сделать Марату что-нибудь хорошее. Ерунду какую-нибудь. Слово доброе сказать, рюмку налить. И всем людям тоже.

Тем временем сказочник разговаривал сам с собой:

— Что же делать... деньги всем нужны... что же делать... Я дам! — вдруг воскликнул он, додумавшись до чего-то. — Возьмите! — вытащил из кармана несколько смятых десятков. — Возьмите! Возьмите! — Сказочник почти плакал. Он вытащил ещё какую-то купюру и протянул всё молодым литераторам. Сказочник не хотел никого обидеть, не хотел что-то продемонстрировать, ему просто стало очень грустно и тоскливо от страданий, которые испытывали люди вокруг. Он захотел помочь, ну хоть как-то... Сказочник протягивал деньги каждому, все отказывались, дошло до Марата.

— Не нужны мне твои подачки! — измученно заголосил Марат и вдруг вцепился зубами в дающую руку. Свалка началась невообразимая. Несколько молодых литераторов пытались разжать Маратовы челюсти, другие — высвободить руку сказочника. Читинская поэтесса бухнулась в обморок, а романистка из Тёплого Стана просто улизнула за дверь. Сказочник врезал Марату по лицу. Тщетно, Марат вцепился, как бультерьер. Кто-то гоготал, Яша-Илья замер с ножом в руке и, казалось, думает: что отсечь — палец сказочника

или голову Марата. Саша-поэт кричал: «Ну не надо, пожалуйста, не надо!» Весь этот кошмар продлился несколько секунд, не больше. Димка схватил со стола бутылку «Столичной» и заехал со всей дури Марату по башке.

Когда в конце перестройки в Тбилиси начались беспорядки, внук дедовского однополчанина Эмзари участвовал в демонстрациях. Для драк с милицией использовались бутылки из-под шампанского — они, в отличие от водочных бутылок, от ударов не разбивались и выполняли роль бит. Возможно, головы тбилисских ментов были покрепче, а может, стекло для «Столичной» стали лить потолще, но только бутылка отскочила от плоского затылка Марата, чуть не вывихнув Димке запястье, и осталась целёхонькая. Глаза татарского интеллигента вздулись и опали. Содержимое головы от удара не вылетело через них, а удержалось в черепе. Марат замер, а затем повалился на пол мешком картошки. Рядом упало что-то маленькое. Мизинец сказочника.

Сказочник неожиданно ловко наложил себе жгут.

— Где научился? — спросил Димка.

— Когда Ичкерию зачищали... уффф ёлки-палки... — буркнул сказочник, шипя от боли. Он ни-

когда не говорил, что воевал, и теперь не стал развивать эту тему. Поднять палец с пола не решались. Скакали вокруг него, кричали «не наступи, не наступи!», а прикоснуться боялись. Сказочник сам положил мизинец в прозрачный файл, из которого вытряхнули подборку чьих-то пьес. Очнувшийся Марат сидел в углу, вытирая с губ кровь сказочника, тогда как на его плоском затылке волосы набухли от его собственной крови. Стали звонить в «скорую». По телефону сообщили, что свободных бригад нет и врачи смогут приехать не раньше, чем через часа два-три. Пришлось сообщить Людмиле Степановне. Она побелела лицом, но организаторских способностей не утратила. Маршал-попечитель с водителем, как назло, уехал. Оставался старый «жигуль», принадлежащий волосатому ларёчнику из седьмой. Ларёчник к тому моменту уже раздавил полбутылки коньяка и за руль сесть не мог. Кто умеет водить? Оказалось, что только сказочник и умеет, но, во-первых, он без пальца, а во-вторых, поддатый.

Димка успел только пригубить из пластикового стаканчика, а права у него есть. Права в паспорт вложены. Глядя на бледного сказочника и капающий затылок Марата, Димка понял, что надо срочно что-то решать.

— У меня права есть... — сказал он, не успев как следует подумать. Позже Димка признавался, что поразмысли он тогда хорошенько — ни за что бы не высунулся.

— С собой? — спросили Димку.

— Вот.

Тут до Димки дошло, что на правах указано его настоящее имя, и он показал документ лишь издали. Впрочем, никто не вглядывался. На ларёчника поднажали, и тот согласился пустить Димку за руль с условием, что сам сядет рядом.

Провожали всей толпой. Людмила Степановна, квочча и охая, разместилась сзади. Она колебалась, решая, с кем сесть рядом: с кусачим Маратом или с обкусанным сказочником. Села в итоге посередине.

Ларёчник сам повернул ключ зажигания, сам снял с ручника.

«Снять с ручника, посмотреть в зеркальце заднего вида, рычаг переключения скоростей на первую, сцепление легонько отпускаешь, газ нажимаешь... — говорил в Димкиной голове голос инструктора. — А, ну да, с ручника уже сняли». Двигатель заревел, корпус автомобиля дёрнулся несколько раз, и «жигуль» рванулся вперёд.

— Сцепление мнэ нэ сожги! — завопил ларёчник, закурил и тут же выбросил сигарету. Видела бы Юлька.

В пути Димка несколько раз не замечал красный сигнал светофора, то и дело путал газ с тормозом. Заглох в левой полосе на Кутузовском, подрезал «Хаммер» на Третьем кольце. «Ты что, только с гор спустился?! Куда гонишь?! Тихо ехай! — орал ларёчник. — Водишь, как чурка!»

Димка орал в ответ, что не надо на него орать, а то он щас вообще врежется. Димка очень стеснялся своего плохого вождения не только перед пассажирами, но и перед всеми остальными водителями на дороге. Улыбался виновато, пробовал шутить. Ларёчник время от времени хватал руль, порывался дёрнуть ручник, скурил всю пачку и грыз волосы, растущие на тыльных сторонах собственных ладоней. Под конец пути он так вымотался, что просто откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Вопреки всему, примерно минут через сорок «жигуль» подкатил к больнице, которую посоветовали в «скорой». Здесь и пальцы на место пришивают, и головы бинтуют.

Приехавших ждал сюрприз — оказалось, что ни у сказочника, ни у Марата нет при себе страховых медицинских полисов, из-за чего их отказались лечить бесплатно. Людмила Степановна устроила было скандал, тщетно. Начали рыться по карманам. У сказочника обнаружилось шестьсот тридцать рублей с копейками, у Димки — двести пятьдесят, у Марата ничего не обнаружилось. Людмила Степановна, подумав, вынула из кошелька две тысячи. Димка сбегал к машине, в которой остался ларёчник, и тот неожиданно пожертвовал тысячу. Вынул купюру из кармашка в откидной заслонке от солнца и бросил, как игрок карту.

Тряся деньгами и ненавязчиво угрожая мировым скандалом в случае отказа помочь, Людмила

Степановна уломала принять пострадавших на лечение. Часа через полтора сообщили, что мизинец приделан на место, а на голову Марата наложен шов. Оба жить будут.

Глубоко за полночь, оставив сказочника и Марата в больнице, Димка, ларёчник и Людмила Павловна вернулись в «Полянку». Обрато вёл ларёчник. Людмила Степановна очень волновалась за репутацию конкурса. Что скажут о литературном собрании, на котором участникам откусывают мелкие конечности, а головы пробивают бутылками. А что, если в следующий раз кто-нибудь лишится уже не мизинчика, а целой руки? Отвратительная, скандальнейшая история, непоправимо порочащая святое для русского писателя место. Вернувшись в «Полянку», Людмила Степановна протрубила общий сбор и настоятельно попросила о случившемся молчать. Произнесла речь перед умолкшими молодыми литераторами, Людмила Степановна забрала недопитую бутылку, которой Димка треснул Марата, и заперлась в своём номере.

На следующий день, пятый от начала семинара, настало время аудиенции. Молодые литераторы стали грузиться в старый, покрытый коркой грязи, подгнивший «Икарус», который выглядел су-

щественно хуже того, что привёз их сюда. У каждого в руках пожитки — после аудиенции литераторов свезут в гостиницу, из которой забрали утром в понедельник. В «Полянку» никто больше не вернётся, завтра вручение премий. Накрапывал дождик. Метры прощались с молодыми.

— Было очень приятно с вами познакомиться... очень приятно... — говорила Липницкая каждому, пожимая руки. — Обязательно приходите завтра, — сказала она на прощание Лисе. Также приглашение получили ещё несколько человек, в том числе Яша-Илья.

«Икарус» принял молодые тела в своё нутро, покачиваясь и проседая. Салон оказался не опрятнее бортов: кресла ободраны, из-под обивки торчали остовы спинок и сидений, пахло дешёвым куревом. В таких «Икарусах» лет тридцать назад возили интуристов, теперь возят рабочих на стройку и обратно. Димка старался ни к чему не прикасаться. Дышать скупно, неглубоко. «Икарус» вздрогнул и тронулся. Водитель включил радио, и из трещащих колонок полились песенки про то, как мужика посадили, а баба его не дождалась, а мужик вышел, зарубил топором и бабу, и её нового и снова сел. После вчерашнего молодые литераторы приуныли и не смотрели друг другу в глаза. Все старались поменьше разговаривать и не вспоминать прошлый вечер. Столько лишнего про себя понарасказывали. Да и палец этот, откушенный, и башка пробитая.

По пыльным окнам ползли ручейки, дождь усилился. Окошко напоминало стенку аквариума. Димка подумал, что всю жизнь люди проводят в аквариумах. В аквариумах автобусов, машин, квартир, самолётов. У кого-то аквариумы почище и поновее, у кого-то — поплоче и позамызганнее.

Проехали редкий хвойный лесок, обрыв с мусорным «ледником», даль за ним. Смеркалось, видимость ухудшилась. Сосны, дачи, панельные девятиэтажки окраин, сторбленные люди, спешащие к светящимся супермаркетам, погасшие навсегда вывески игровых клубов. В глаза бросалось множество закрывшихся магазинов, в витринах которых вместо товаров красовались надписи: «сдаётся» и «продаётся». Кризис. «Икарус» тормознул в переулке. Пассажиры повалили наружу.

Мокрые камни мостовой ходили на рыб, уложенных на прилавке одна к одной. Камни-рыбы отражали огни и дрожащие силуэты зданий. Маршал-попечитель двинулся вперёд, немного загребая правой ногой. Поёживаясь от дождя, молодые литераторы подняли воротники, как будто воротник может помочь. У дагестанского фантаста нашёлся зонт. Многие успели слегка поддать. Кто для смелости, кто от скуки.

Подожли Марат и сказочник. У одного на затылке выстрижены волосы и марля налеплена, у другого — рука в повязке. Литераторы обступили

обоих, закидали вопросами. Сказочник был словоохотлив, Марат отмалчивался.

— Я с сестричкой договорился, отпустила... Пришили, как миленького, в носу ковырять смогу, ха-ха... — веселился сказочник. — Курить нельзя целую неделю и бухать... и шоколад нельзя... и осмотр каждые три часа... — Сказочник посмотрел на часы. — Два осталось... Наверное, припозднюсь маленько, ну ничего...

Приблизились к маленькому тёмному ходу в стене, похожему на ход в жилище Джерри, возле которого Том вечно караулит с динамитом или молотком. «Норка», — подумал про себя Димка.

— По пятеро подходим, — приказал молодой охранник в тёплом комбинезоне, с коротким автоматом на плече. Парень моложе многих пришедших. Молодые литераторы послушно выстроились пятёрками, пропустив вперёд литераторов женского пола. Откуда ни возьмись, возникла покорность. И только самые анархисты и буяны нарочито громко пошучивали, демонстрируя, что они вовсе не волнуются. Пока стояли — продрогли, руки грели в карманах. Неместные рассматривали достопримечательности: разухабистый древний храм, похожий на скомороха, большущий магазин, каждый контур которого подсвечивался лампочками.

— А это что? — спрашивали москвичей жители дальних уголков страны, кивая в сторону то одной, то другой достопримечательности.

— Не узнаете? — подкалывали москвичи.

— А вы там были?

— Были, конечно.

— Ну и как?!

— Ничего особенного, — задирали нос москвичи.

— Эх, жаль, уже поздно, не попадём, — переживали жители дальних уголков страны.

Со стороны норки раздался шум. Оказывается, Яша-Илья и сюда прихватил свой ножик.

— Извините, мужики. Забыл выложить, — оправдывался крепыш. — Можно у вас оставить?

— Хорошо, что я нашёл, — пошутил старший охранник-толстяк. — Внутри бы скрутили. Ребята в подвалах скучают — пытаться некого! Ха-ха-ха!

Все с готовностью подхватили. Смешная ведь шутка.

— Тут один с ножом, куда его? — уточнил толстяк по рации. — Запускать? — Нож пришлось просто положить на землю возле урны, после чего Яшу-Илью под особым присмотром препроводили внутрь, в темноту хода Джерри.

Осталась последняя пятёрка.

— Ко мне, ко мне! — подозвал толстяк, словно молодые литераторы были месячными щенками, которых он собирается покормить. Но молодые литераторы оказались не щенками, просеивание через сито бдительности выявило газовый баллончик у драматурга-революционера, моток стального шнура у дагестанского фантаста и

складной штопор у Димки. Охранник не верил своим глазам. Ему давно не приходилось конфисковывать столько железяк. Отобранное сложили горкой рядом с Яшиным ножом, на обратном пути вернут. Повязку сказочника, который шёл последним, просканировали с особой тщательностью.

Пройдя второй этап вычёсывания запрещённых предметов, молодые литераторы лишились мобильных, оставшись при фотоаппаратах и диктофонах. Все эти обыски наводят на размышления об орудиях убийства. Что можно применить в преступных целях, если штопор и нож отобрали? Можно отнять у дагестанского фантаста очки и воткнуть душку противнику в глаз, а карандашик вонзить в горло. Смертельный удар можно нанести фотоаппаратом. Можно заставить противника проглотить несколько монеток, отчего он наверняка задохнётся. Собственные запломбированные зубы, на худой конец, могут стать опасным орудием, как доказал накануне Марат.

Алюминиевые застеклённые двери с большими круглыми ручками вели в длинные коридоры, ковровые дорожки устилали паркет светлого дуба. Гостей пригласили по трое садиться в два маленьких лифта и подниматься на третий этаж. Подъём мало-помалу осуществился, хотя некоторые молодые литераторы ненадолго потерялись: Наташка, драматург-революционер и романистка

из Тёплого Стана перепутали кнопки, высадились на четвёртом и некоторое время блуждали по пустым коридорам.

Литераторы прошли коридорами, стены которых были обиты ярко-синей тканью. Местами висели картины, изображающие берёзы и кустарник. Кроме картин, интерьер украшали застывшие по стойке «смирно» рослые мужчины в парадной форме и деревянные белые панели, отделанные богатой резьбой. Димка вспомнил, как бабушка забирала его из детского сада, и по дороге домой они заходили в мебельный — полюбоваться на роскошные и недоступные спальные гарнитуры. Пышные кровати, шкафы до потолка с зеркалами. Гэдээрловская мебель. Вся в резьбе и лаке, белая-белая. Димка мечтал о такой. Глядя теперь по сторонам, он понял, что мечтал не он один.

После череды залов гости оказались перед овальным столом, уставленным сверкающими бокалами с зелёной газировкой. Здесь попросили подождать. За распахнутыми дверями следующего, последнего зала виднелся длинный стол. В торце стола стоял стул со спинкой выше, чем у остальных, а на стене позади стула распахнул крылья двуглавый орёл.

Первым делом гости накинулись на зелёную газировку, а потом уж, с бокалами в руках, выстроились в очередь к стулу со спинкой выше, чем у остальных. Заработали вспышки фотоаппаратов. Писательницы, и особенно поэтессы, начали принимать на стуле довольно развязные, а порой даже медицинские позы. Литераторы мужского пола оказались скромнее, делая упор на серьёзное выражения лица. Отснявшиеся отправлялись обратно к овальному столу за новой порцией зелёной газировки и, напившись, снова позировали на стуле. Фотосессия проходила бурно, под аккомпанемент шипящих газов, вырывающихся из-под крышек откупориваемых бутылок, и икоту молодых литераторов.

Уставшие от съёмок и питья ходили по залу и щупали канделябры, шторы, обивку. Постукивали по дверям, подковыривали обои. Димка постукивал по пластмассовой, под мрамор, столешнице стола. Оказалось, настоящий мрамор. Круто! Как это им удалось добиться от мрамора эффекта пластика? Драматург-революционер домовито помял ботинком мягкий ковёр с узором.

— Умеют люди жить.

Незаметно появился невысокий мужчина с остановившимися вытаращенными глазами. Нос

картошкой изъеден крупными апельсиновыми порами и красными прожилками. Щетина с утра отросла. На шее складки. Сначала Димке показалось, что мужчина удивлён видом молодых литераторов. Присмотревшись же, Димка понял, что никакого удивления мужчина не испытывает, всему виной его вытаращенные глаза.

— Он сядет здесь, — указал мужчина на один из стульев, расставленных вдоль стола, а отнюдь не на тот, что с высокой спинкой. — Прошу занимать места.

Молодые литераторы, заглатывая оставшуюся зелёную газировку, с шумом стали рассаживаться. Димка замешкался, и вскоре все расположенные близко к указанному стулу места оказались заняты. Пустовал лишь стул прямо напротив указанного. Судя по всему, никого особо не тянуло оказаться непосредственно напротив «него», перед самым «его» носом. Даже смелый крепыш Яша-Илья тронул было спинку этого стула, подумал и сел справа, на соседний. Димка помыкался, понял, что располагаться далеко смысла нет, решил не преувеличивать значение ситуации и уселся на обойдённый остальными стул. Сделал это даже несколько развязно, всячески демонстрируя своё безразличие к окружающему пафосу. Тут «он» и вошёл.

Рост выше среднего, корректные движения, предупредительная пластика, сложен пропорционально, ноги немного выгнуты. Костюм тёмный, в

меру щегольской, туфли начищены до зеркальности. Поздоровался за руку с маршалом-попечителем, сел напротив Димки и сразу пошутил:

— Когда я узнал, что молодые литераторы хотят со мной поговорить — понял, жди проблем.

Молодые литераторы засмеялись. Димка попытался припомнить, когда случилось так, что они выразили желание с «ним» поговорить, но так и не припомнил. Речь полилась складная, без запинок и слов паразитов. О стране и мире, об ответственности писателя перед обществом, о патриотизме. Поэт Саша, устроившийся слева от Димки, беспрестанно фотографировал. Фотоаппарат каждый раз издавал противный электронный звук. Говорящий от этого слегка морщился. Димка принялся, сначала исподтишка, а потом уже откровенно, рассматривать его. Лицо белое, гладко выбритое. Рот тонкий. Глаза цвета синевы с сажей, в тон галстука, завязанного под белым воротничком широким узлом. Волосы русые, немного вьющиеся, зачёсаны назад, как у итальянского футболиста. Руки держит перед собой на столе, сцепляя и распцепляя белые, с полированными ногтями, пальцы. Разговаривая, вроде смотрит на собеседников, а вроде и нет.

Димка почувствовал чей-то взгляд. Посмотрел левее и наткнулся на немигающие глаза распорядителя, сидящего тут же. Почему он остался? С ним-то уж точно никто встречаться не хотел. Димка обыкновенно может выдержать чужой

взгляд, а тут не выдержал, отвернулся. В глазах распорядителя была пустота. Не было интереса, агрессии, презрения, злости. Глаза застывшие, как у лягушки. Кажется, что, если заговорить с ним на человеческом языке, он не поймёт, а квакнет, стрельнёт длинным, липким языком и затащит в пасть. И будет сидеть, переваривать как ни в чём не бывало. Димка ещё раз взглянул на распорядителя и опять встретил его страшные глаза.

Тут Димке стало не по себе. Показалось, что распорядитель почувствовал в нём писателя неблагонадёжного, безответственного и для общества вредного. «Для чего распорядитель здесь сидит? Вычисляет тех, кого после встречи надо скрутить и пытать?!» Белые пальцы сцеплялись и расцеплялись. В полированных ногтях блеснул хрусталь люстры и золото орла. Ужас пополз по Димкиной спине. Как же он влип! Димка уже видел, как белые пальцы вцепляются ему в глотку... Никогда ему больше не увидать родного дома, маму, папу, деда, Юльку, меня с Поросятком! Понёс же его чёрт на этот конкурс! «Всё Костян с Поросятком насоветовали! Это они за меня всё написали! Я бы не додумался! Я ни при чём! Я ничего не знал!..» Только теперь Димка вспомнил, что не является единственным автором «своих» рассказов. Лучше поздно, чем никогда. Самоистязания продолжились. «Славы захотелось! И ведь никто теперь не поможет, меня не найдут! А я ведь даже

не писатель!.. За что, Господи?!» Зал показался ему казематом из золота, хрусталя и синтетических тканей. Почудилось, что стены стали сдвигаться, потолок давил сверху. Навеки суждено ему быть заточённым здесь, плутать по синим коридорам с белыми панелями...

Опустившись на самое дно страха, Димка вдруг вспомнил, что, если он начинает чего-то бояться настолько сильно, значит, опасности нет. Всё его фантазия, бред. Димка вспомнил, как однажды простыл и кашлял целую неделю. На седьмой день он поставил себе диагноз — туберкулёз, а значит, скоро суждено покинуть этот мир. Практически прощаясь с жизнью, Димка предложил первой попавшейся однокурснице срочно завести ребёнка, рассудив, что после смерти хоть ребёнок останется. Было бы кому утешить бедных Димкиных родителей, которые наверняка выплачут себе все глаза на его могильном холмике. Как родители тургеневского Базарова. В остальном на Базарова Димка и тогда похож не был и сейчас не похож, но могильный холмик вполне мог бы их объединить. Однокурсница неожиданно предложение приняла, и они несколько дней не вылезали из постели. Вскоре появился новый повод для волнений — однокурсница не беременела. Кашель тем временем прошёл, но Димка решил, что бесплоден, и нервничал до тех пор, пока не оказалось, что они просто выбрали неудачное время относительно женского цикла. Когда это

обнаружилось, настроение продолжать авантюру исчезло у обоих.

Димкины страхи устроены своеобразно, а из-за нервного напряжения последних дней они резко усилились: он, например, боится инфекций, но запросто пробует немытые фрукты на рынке, боится медведей, которые якобы проснулись, но не задумывается о гопниках, которые никогда и не засыпали, ну и так далее. Страхи у Димки какие-то абстрактные, никакой логики. Я вот, например, боюсь старости. Это, по крайней мере, не фикция, а надвигающаяся реальность. А Димка так и живёт — от одного приступа фантазии к другому. И по-моему, жить будет довольно долго.

Вспомнив всё это мигом, Димка расслабился. Страхи осыпались с него, как короста с чудом излечившегося прокажённого. Он как бы невзначай поднял голову и бросил взгляд на распорядителя. Тот уже тарачился на кого-то другого и не казался таким уж жутким. На Димкиного соседа похож, Павла Константиновича, который постоянно, преимущественно зимой, что-нибудь привязывает к крыше своей ржавой «копейки». То старые оконные рамы, выставленные во двор после чьего-нибудь ремонта, то какие-то доски, то стул со сломанной ножкой. Всю зиму привязывает, а на майские на дачу отвозит. А тот, что с сажевыми глазами и белыми пальцами... Тоже вполне обыкновенный, типа Димкиного журнального начальника.

— Нам очень хочется остаться в истории людьми, сделавшими для России всё. Мы предотвратили продажу крупных компаний иностранцам. Мы боремся с кризисом, укрепляем суверенитет и обороноспособность страны. Теперь Россия сильна, и вы можете гордиться ею. Вокруг много враждебных сил, которые только и ждут, когда Россия снова ослабнет, чтобы раздробить её на части и тянуть ресурсы, а народ превратить в рабов. Пора научиться нести ответственность за родину. К сожалению, молодые писатели часто забывают об этой ответственности...

Молодые писатели насторожились, а Димка подумал, что Россия для него типа семьи, типа родителей и деда. А семья у Димки самая обыкновенная. В смысле, что гордиться особо нечем. То есть у деда, конечно, все три ордена Славы, отец кандидат наук, а мать школу с серебряной медалью окончила, но... Короче, есть семьи поуспешнее, познатнее, побогаче. Есть родители, которыми можно сильнее гордиться. Но Димка как-то не привык гордиться, он привык просто любить. Гордость — это для спортсменов.

— Нельзя забывать, где ваша родина, нельзя ластиться к Западу, надеясь на какой-нибудь грант. Надо воспитывать в себе патриотизм. В себе и в других. Вот вы говорите, мы о культуре мало думаем. — Сажевые глаза оглядели присутствующих, никто из которых ничего подобного не говорил. — А мы думаем о культуре! Не поднаж-

ми мы на некоторых бизнесменов, не было бы такой замечательной премии, как «Золотая буква». А мы дали сигнал, и наш сигнал услышали...

Поэтесса Наташка перебила:

— Извините, у нас, кстати, премию сократили. Говорят, из-за кризиса. Вы бы могли им снова сигнал дать?

— Как это сократили? — Сажевые глаза обратились на маршала-распорядителя. Тот соорил неопределённую физиономию и что-то промычал.

— Вместо пяти денежных премий теперь осталась всего одна, — разъяснила Наташка.

Белые пальцы взяли ручку и что-то пометили в блокнотике. Слово взяла романистка из Нижегородской области.

— Вы меня, конечно, извините. Я вот живу в Нижегородской области, работаю медсестрой. Вы знаете, какая зарплата у медсестры?

— Знаю, пять тысяч, — сухо ответил тонкий рот.

— У меня четыре с половиной. Не знаю, как там обороноспособность и суверенитет с патриотизмом, но как прожить на эти деньги?

— Мы делаем максимум... Всё, что в наших силах... Надо переезжать в другие регионы, менять профессию... По факту мы часто платим людям пособие по безработице... — Орёл и люстра снова сверкнули в полированных ногтях.

Тут Яша-Илья не удержался:

— Моя жена врач, она принимает до восьмидесяти человек в день, по-вашему, она получает пособие по безработице?

Не успел Димка удивиться тому, что Лидусик, мышонок с маленькими сиськами, принимает по восемьдесят больных в день, как у него громко пробурчало в животе. Напился халявной газировки! Все покосились на Димку. Сажевые глаза посмотрели в упор. Димка всем лицом выразил своё глубочайшее сожаление по поводу нелепого звука, прервавшего беседу.

— Вы... вы считаете, что... что моя жена получает пособие по безработице? — волнуясь, повторил Яша-Илья.

Димка крепко обхватил живот. Не хватало снова сорвать острый вопрос.

— Я не знаю лично вашу жену, уверен, что она работает добросовестно, но в этой сфере пригрелось слишком много бездельников, — уверенно произнёс тонкий рот. Белые пальцы стали рисовать ручкой в блокнотике одинаковые рисунки. Танчики. Как в детстве, когда сидишь на скучном уроке, начинаешь рисовать звёздочки или танчики. Мальчики делятся на тех, кто рисует танчики, и тех — кто звёздочки. Девочки рисуют цветочки или сердечки. Димка всегда рисовал звёздочки. Литераторы не унимались, вопросы сыпались всё более щекотливые. Число танчиков стремительно росло. Тут долговязый сказочник, ветеран Чечни, любитель спирта с жидким азотом из Петропав-

ловска-Камчатского, сидевший всё это время в отдалении молча и обхватив лоб здоровой рукой, вскочил и горячо заговорил:

— Я готов уважать эту страну...

— Нашу страну, — поправил тонкий рот. Повисла пауза. — Простите, что перебил. Это выражение немного раздражает. Есть в нём какое-то презрение. Давайте говорить «наша страна».

— ВАША страна, — неожиданно для всех и, кажется, для самого себя, сострил поэт Саша. Некоторые гоготнули. Тонкий рот криво улыбнулся, белые пальцы провели по волосам. Сказочник стал мерить ковёр большими шагами:

— Как можно говорить об экономике и патриотизме, когда в НАШЕЙ стране дети живут на улице! Когда по улицам ходят нищие старики... Вы вообще в окна выглядываете?

Белые пальцы сжались и разжались.

Сказочник схватил бокал с зелёной газировкой, отхлебнул:

— Жалко Россию, никто её не любит на самом деле!.. Вы говорите, что любите, а ведь не любите! И вы, и вы! — Сказочник уже обращался к молодым литераторам, к Димке. Одни смотрели на него с ироничным любопытством, другие потупились. Распорядитель глазищи опустил. — Не любите, только прикидываетесь! Мусорите, обираете, обращаетесь неуважительно, как будто девушку изнасиловали, ограбили да ещё гадостей наговорили. А она вам снова и снова даёт. Ду-

ра!.. — Сказочник заплакал. Его слёзы сверкали точно капельки хрусталя в люстре. — Обещайте мне убрать детей с улицы! Слышите, обещайте мне убрать детей... с... улицы!

Сказочник бегал вокруг стола и потрясал рукой в гипсе. Так как все потупились, то никто не видел сказочника, только шаги его были слышны, прерывистое дыхание и всхлипы. Сказочник перестал метаться и ринулся к щегольскому костюму, белым пальцам и зачёсанным волосам. Самые смелые робко подняли глаза, предчувствуя недоброе. Сказочник занёс свою гипсовую повязку с торчащим, пришитым мизинцем. Почувствовав опасность затылком, голова с зачёсанными волосами втянулась в плечи. Димка зажмурился. Сказочник размахнулся своей загипсованной рукой и треснул голову по макушке. Да так, что белые гипсовые крошки в стороны полетели. Сказочник взвыл, схватившись здоровой рукой за больную. Удар пришёлся на свежепришитый медиками палец, гипс треснул, палец сорвался со швов и болтался на ниточке.

Димка открыл глаза. Сказочник почему-то всё ещё бежал к голове с зачёсанными волосами, будто ничего не произошло. «Опять воображение», — успел понять Димка перед тем, как ска-

зочник внезапно упал. В здоровой руке сказочник держал бокал с зелёной газировкой, несколько капель из которого выплеснулись на щегольской рукав. На этот раз вполне реально.

Сказочник поднялся с пола. Рука в гипсе была невредима. Сказочник посмотрел на драматурга-революционера, будто видел его впервые. И был неприятно поражён тем, что видит.

— Ты сам за мою ногу зацепился! — ответил революционер, хотя сказочник ни о чём его не спрашивал.

Все с любопытством посмотрели на забрызганный рукав. Казнит? Помилует? Короткая тишина тянулась ужасно долго.

— Мы уберём детей с улицы, — тихо произнёс тонкий рот, а белые пальцы промокнули рукав салфеткой.

Снова наступила тягостная тишина. Белые пальцы черкали в блокнотике, поэт Саша ёрзал, сказочник шмыгал носом. Димка вспомнил, что в детстве мама гладила его по спине, когда он плакал или переживал из-за чего-нибудь. Маме на йоге объяснили, что на спине у каждого человека расположены успокоительные точки. Димке очень захотелось погладить по спине и сказочника, и того, кто черкал теперь в блокноте. Чтобы они не нервничали. Они же оба нормальные ребята, чего им ссориться, всё будет хорошо... Но Димка даже подумать особо на эту тему не успел, потому что икнул. Органы пищеварения решили

подставить своего хозяина по полной. Однако этот произвольный и непредвиденный ик сработал на пользу. Все переглянулись, не поверив своим ушам. Переглянулись и увидели друг у друга в глазах одно и то же. Пушкер икнул! И захотали. И распорядитель, и маршал-попечитель, и Яша-Илья, и Лиса, и Марат, и драматург-революционер, и сказочник, и даже тонкий рот растянулся в неподдельной улыбке. Все покатывались на разные лады. Яша-Илья всхлипывал и охал, Наташка басила, поэт Саша подвывал, драматург-революционер смеялся тонким отрывистым смешком.

— А что у вас с глазом? — спросил у Димки тонкий рот, сажевый глаз подмигнул остальным. Все снова заржали.

— А что у м-еня? — На последнем слове Димка опять икнул. Тут вдобавок снова пробурчало в животе. Протяжнее и громче прежнего. Димка густо покраснел. Молодые литераторы залились совсем уж без удержу.

— Вы вообще все какие-то пораненные. У вас глаз подбит, у вас рука, у вас голова, у вас, — сажевые глаза вгляделись в Лису, — тоже синяк. Можно подумать, что не литературный конкурс, а чемпионат по регби.

Этим словам тоже смеялись. И долго ещё смеялись все вместе, а потом ещё некоторые, самые смешливые, по отдельности дохохатывали. Так бывает после дождя, когда с неба уже лить пере-

стало, а с деревьев ещё капает. Наконец, когда литераторы устали смеяться, драматург-революционер, уже некоторое время постукивающий ботинком о перекладину стола и набирающий то и дело воздуха в рот, решился на вопрос. Долго не решался. Нельзя же просто так задавать вопросы, когда ты революционер. Надо марку держать; выглядеть достойно, но не хамовато, быть прямым, но гибким. Революционер начал спрашивать, вспомнил, что забыл включить диктофон. Включил. Извинился зачем-то и задал вопрос целиком. Тонкий рот переспросил, задавая вопрос, революционер стучал ботинком по перекладине громче прежнего, а громкость голоса убавил. Революционер повторил, но уже совсем разнервничавшись. Слова перепутались, картавость усилилась, и нельзя было совсем ничего понять.

— Он спрашивает, почему вы не пишете, если всем известно, что вы любите литературу! — не утерпела Наташка, сидевшая поблизости. Революционер смутился и буркнул «спасибо».

Сажевые глаза улыбнулись:

— Ну как же не пишу! Пишу... по-своему. Вы себе не представляете, какое удовольствие, когда, занимаясь политикой, просчитываешь ходы, прикидываешь, как и что сработает, а в конце получается именно то, что ты задумал. Это и есть настоящая литература!

— Извините, пора заканчивать, — сказал распорядитель. Первые его слова после «он сядет

здесь», когда речь шла о стуле. Все засобирались, почувствовав себя заигравшимися детьми.

На прощание драматург-революционер подарил белым пальцам номер литературного журнала со своей публикацией, поэт Саша вручил дискету с собственными сочинениями, дагестанский фантаст — листик с коротким рассказом про высадку на Марс. Потом все выстроились, чтобы сфотографироваться. Золото и хрусталь блеснули в зеркально начищенных ботинках. Лиса, поёживаясь, пристроилась рядом.

— Замёрзли?

— Чутьочку, — низким голосом ответила Лиса. — Ой, у вас волос на плече. — Она сняла с щегольского рукава волос. Вот проныра, ей бы и этот пиджак накинули на плечи, но маршал-попечитель, державший фотоаппарат, попросил всех улыбнуться. Димка замешкался, и его оттеснили. Он потыкался в плотно сомкнутые спины молодых литераторов, попробовал встать на цыпочки. Тщетно. Втиснуть свою физиономию в историческое фото Димке не удалось.

После аудиенции с зелёной газировкой все побежали в туалет. В писсуаре Димка увидел прикольную штуковину — маленькие футбольные ворота с пластмассовым мячиком величиной с

вишню, прикреплённым на леске к верхней штанге. Задача в том, чтобы попасть струёй по мячику. Димка включился в игру. Несколько секунд мячик подрагивал в глубине ворот. Димка даже пожалел о том, что выпил недостаточно зелёной газировки. Ширинку застегнуть забыл. Об этом ему сказал поэт с бородкой гранда.

— В мячик заигрался.

— Отлил в таком месте, нечего больше желать. — Поэт пригладил бородку перед зеркалом.

— Ребят, а может, он скажет, и премии вернут? — воодушевлённо воскликнул крашенный поэт Саша, но никто не ответил.

Провожая молодых литераторов по коридорам, распорядитель попросил ступать по краю ковровой дорожки, там, где узор.

— Посередине первые лица ходят, а мы по краям, чтобы не затапывать.

Проходя мимо замерших стражей, через различные уже металлоискатели, забирая возле урны конфискованный штопор, Димка подумал, что власть осуществляют не люди, власть осуществляет сама себя. Она вселяется в людей, как инопланетяне в фильмах вселяются в человеческие тела: выбирает подходящее и через него действует, а когда его ресурс вырабатывается, отбрасывает, как пустой пакетик из-под сока, и находит следующего. Власть влюбляет человека в себя, подсаживает на себя, постоянно держит в напряжении, вертит человеком, как стержовная

баба вертит каким-нибудь подкаблучником: «Не подаришь колечко — уйду к другому». Ей нужны постоянные подношения, «подтверждения любви». Она подстрекает, провоцирует, подталкивает. И ты посвящаешь всю свою жизнь тому, чтобы её удержать. Но никакие жертвы не гарантируют её верность. Всё равно отвалит, когда высосет до дна. Кажется, что люди, стоящие у власти, решают вопросы, но они делают лишь то, что должны, что ОНА им нашёптывает. И никакой отсебятины. Всё равно, что лежать под несущимся поездом и думать, будто ты машинист, рыпнешься — отрежет руки, ноги и голову.

Иногородние литераторы погрузились в «Икарус», который повёз их в гостиницу. Жители столицы, в том числе и Димка, попрощавшись со всеми до следующего дня, направились кто куда. Димка пошёл к метро.

В интервью одного кинорежиссёра Димка вычитал, что на всяких фестивалях и конкурсах обычной практикой является предупреждение победителя заранее. Если номинанту светит приз, то накануне его недвусмысленно просят обязательно прийти на церемонию награждения. А то мало ли что, человек разнервничается, запьёт или не явится просто, чтобы не видеть,

как награду вручают другому. Весь день Димка ждал, что кто-нибудь из жюри подойдёт и шепнёт на ушко заветные слова: «Обязательно приходи завтра». Тщетно. Все молчали, Гелер прятал глаза. У Димки из головы не шло, что Липницкая попросила прийти Яшу-Илью и Лису. Неразбериха какая-то, зачем она пригласила двоих? Приз решили разделить между ними? Димка пытался себя успокоить; это ведь просто игра, попробовал и всё, на этой премии свет клином не сошёлся... Но негодование пересилило. «Вашу мать! Я ведь не хуже других! Что, этот врун Яша-Илья со своими выдуманскими героическими писульками про войну достойнее меня?! Мошенник, даже имя не настоящее! Или хитро-жопая Лисица, скинувшая себе три годика?! А она небось букву и получит! Старпёры все эти мотивы из русской литературы обожают! Берёзки, плачущие бесприданницы, гимназисты синеглазые...»

Хватило недели, чтобы Димка поверил в то, что он писатель. И не просто писатель, а самый достойный из всех съехавшихся на конкурс. Раньше жил и в ус не дул, а тут... Он успел привыкнуть ссать в раковину, бегать по ночам на станцию за водкой, выпивать в прокуренной комнатушке, засыпать на полу... Не просто привык, а полюбил. А теперь его хотят всего этого лишить! Поиграли и выставили за дверь, да?! «Хуй вам! Я ещё повоюю, я буду упираться, цара-

паться, кусаться, но меня не вытурить с этого бала! Я ещё почитаю вслух на стадионах, кубики моего пресса будут блестеть, а тысячи девчонок получат свои первые оргазмы именно от моих строк! Я ещё спрошу со сцены, какой рассказ они хотели бы услышать. Ещё уточню: «Что? Громче!», когда сорванные глотки будут реветь названия. Я ещё увижу тысячи губ, шепчущих мои строки в унисон со мной. Я ещё утру вспотевшее лицо майкой и брошу её в обезумевшую от счастья толпу. Красавицы ещё будут слизывать икру с моего тела. Президент ещё приедет ко мне, трясущемуся старику, на чашку чая. Известие о моей кончине облетит весь мир, в честь меня назовут улицы и города, на домах, которые я хоть раз освятил своим визитом, повесят мемориальные доски. Повсюду учредят фонды имени меня, а за право изваять мне памятник будут биться лучшие скульпторы! Я теперь молодой писатель, бля! Поняли, вы?! Правда, придётся бороду отрастить: русский классик должен быть при бороде. Но это вопрос времени...»

Тут в животе у Димки что-то упало камнем и тревожно заурчало. Нарушение диеты рано или поздно должно было привести к кризису. Только не сейчас! Димку мигом прошиб пот. Он ускорил шаг.

Вскоре он уже внутренне бился в отчаянии. В центре города, среди праздных зевак, и вот-вот прорвёт. Синие кабинки туалетов, как назло, за-

перты. Что делать?! Чёртова зелёная газировка! Не надо было к ней прикасаться...

Напиток булькал и пузырился в кишках и подталкивал их содержимое к выходу. Так пьяный мужик пихается в автобусе, пролезая к дверям. Димка побежал, потом замедлился. Начал медитировать, как мама в детстве научила, когда у него случилась похожая ситуация. «Какать не хочу, какать не хочу, не хочу...» Лоб взмок. Вот уже двери метро... «Какать не хочу, какать не хочу...»

— Что, молодой человек? — спросила неизвестная тётка.

— Извините, я не вам... — Димка кинулся вниз по эскалатору. Со всех сторон неслись радиопредупреждения: «...сообщать о местах, где продают или употребляют наркотики... в метрополитене установлены приборы видеонаблюдения... сообщайте о подозрительных личностях»... «Что же поезда так долго нет?!» Под агитационный аккомпанемент Димка вскочил в вагон. Вцепился вспотевшей ладонью в поручень. Отпустил. Прислонился к двери. Перенёс вес тела с одной ноги на другую. Сжимал-разжимал кулаки. Народу битком, час пик...

Остроносые белые сапоги обтягивают ступню с толстенькими пальчиками — провинциалка. Каракулевая шуба, меховая шапка, очки — пенсионерка. Короткая чёрная куртка, облегающая шапочка — гастарбайтер. Бордовое синте-

тическое пальто и головной убор, похожий на раздутый берет с козырьком, — жена гастарбайтера. Вельветовые горчичные брюки, ухоженная седина — иностранец. Золотые кроссовки, солнечные очки, щетина — кавказский фронт. Белая рубашка, галстук, дорогое короткое пальто — топ-менеджер, спустившийся в метро из-за пробок...

Радиоголос настиг и в вагоне: «Уступайте места инвалидам...» А как поступить, если инвалид одновременно является подозрительной личностью? Уступать ему место или сообщать куда следует? Или сначала уступить, а самому незаметно нажать кнопку прибора для связи пассажир — машинист и сообщить...

На станции в дверь попыталась закатиться девушка-попрошайка без ног. Попасть в вагон ей не удалось, народу много. Безногая крепилась к дощатой тележке с четырьмя колёсиками, в руках она держала специальные чушки, которыми отталкивалась от пола. Чушки очень похожи на пресс-папье, широко применявшиеся в старину, когда писали перьями и чернилами. Выглядела безногая подозрительно, у неё даже культей не было, она заканчивалась прямо на талии. Разве такое бывает? Подозрительно. Интересно, нужно уступать место такой?.. Она ведь всё равно не сможет вскарабкаться на сиденье... Димка вспомнил рассказ Гелера про прикроватные лесенки, по которым маленькие собачки могут взобраться

под одеяло к хозяевам. Надо бы безногой такой лесенкой обзавестись...

«Боже, ну и околесица! Как же мне отвлечься?! Как? Как? Как?» — отчаянно думал Димка, внутри его всё бурлило. Казалось, что чёртова газировка расширяется и вот-вот взорвётся. Он поднял глаза и увидел в просвете между чужими плечами, локтями и головами девушку с красивыми длинными волосами. «Господи, что же за момент ты выбрал?! Зачем теперь??!! Обещаю, я буду хорошо относиться к людям, буду любить людей! Если получу приз, то сразу отдам деньги кому-нибудь... Лисе. Пускай она себе грудь уменьшит, если так уж неймётся... Или Саше-поэту отдам, или... как в туалет хочется! Только бы дотерпеть, только бы дотерпеть... Наташке могу отдать, она коммуну лесбийских поэтесс организует... или сказочнику, он детям бездомным поможет... Господи, только не дай мне обоссаться прямо здесь, среди людей, на глазах у этой красивой тёлки!!!»

Тут у него в животе забурчало так, что стоящие рядом услышали даже сквозь шум поезда. Как будто татары пошли на последний приступ Рязани. Таранят ворота бревном, того и гляди, пробьют.

Димка заметил в углу спящего бомжа. Скулы выпирают, губы вздулись, как от избытка силикона, веки набрякли. На обмороженных пальцах толстые жёлтые ногти. От бедолаги сильно воня-

ло, и люди близко не подходили. Вокруг образовался своеобразный круг отчуждения. Как волшебная лампа отгоняет злобных пауков в сказках, так бомжовская вонь отогнала добропорядочных пассажиров. Димка бросился в этот свет, как в спасение.

Сел рядом. Некоторые покосились, типа, может, сообщить, как радиоголос велит. Приличный с виду парень уселся рядом с вонючим бомжарой. Подозрительно. «А мне по́ фиг, — твёрдо решил Димка. — Я только пукну разок... из-за бомжа никто не поймёт... а если не пукну, то взорвусь». Ну он и пукнул...

Когда потом Димка рассказывал нам с Поросянком эту историю, мы ржали, как сумасшедшие. Поросянок даже на пол сполз с дивана и попросил временно не рассказывать, так у него живот от смеха заболел. А рассказ свой Димка начал вполне по-писательски: «Жизнь полна иллюзий. Кажется, пукнешь маленько — и всё образуется, а выходит... в прямом смысле, по полной программе». Вместе с пуком из Димки вырвалась часть плохо переваренной пищи, приготовленной на кухне святого для русского писателя места. Эта субстанция оказалась прямо под ним. В трусах потеплело. Такой дух пошёл — бомжу и не снилось. Димка же неожиданно для себя почувствовал весёлость, свойственную тем, кто впутался в авантюру, и пути назад нет. Терять нечего, карты вскрыты, и, если посмотреть на ситуацию со сто-

роны, то станет ужасно смешно. Он скроил невинное лицо с оттенком лиризма. Ему полегчало не только от того, что он избавился от части дерьма в себе, а вообще. Он как бы перестал корчить из себя кого-то, перестал играть чужую роль. Он был уже не молодым писателем, не финалистом известной литературной премии, не шантажистом, шпионящим за конкурентами и алчущим славы. Димка был самим собой, обыкновенным жалким и смешным человечком, соблазнившимся на даровую зелёную газировку и обосравшимся из-за этого в переполненном вагоне метро. «Вот умора, новую молитву сочинил против поноса, — посмеивался над собой Димка. — «Господи, не дай мне обосраться!» — передразнивал он сам себя. — Во как припёрло. Наобещал сколько... призом поделюсь, исправлюсь... Какой же я трус, ужасный трус...»

Оставшиеся четыре остановки он проехал с просветлённой улыбкой на лице. На Димку снизошло спокойствие. Народ отступал ещё дальше от Димки с бомжом. «Круг света» увеличивался. Димка сам поначалу морщился, а потом решил не корчить из себя принцессу и вдохнул полной грудью. Пускай воняет, зато свобода. Девушка с красивыми волосами куда-то подевалась. Бомж проснулся, глянул на Димку осовело и буркнул:

— Это от тебя... — бомж рыгнул, — от тебя воняет?

Ночью Димка лежал у себя за шкафом, слышал сопение спящего деда и смотрел на бегущую по потолку тень от статуи работницы с книгой в руках. Тень мелькала каждый раз, когда проезжала машина.

Димка спал безмятежным ангельским сном. На следующее утро взял материнскую пудру, замаскировал синяк под глазом и надел любимую рубашку. Юлька в начале их романа подарила. Если уж Димка что полюбит, то надолго. Так и с рубашкой. Он обожает её плотную, тянущуюся ткань, которая приятно обтягивает грудь и плечи. Любит её цвет маринованного имбиря.

Рассматривая рубашку теперь, Димка заметил, что ткань на плечах вытянулась, цвет утратил первоначальную насыщенность, а петельки для запонок обтрепались. Димка берёт эту рубашку, стирал всегда вручную и только несколько раз, когда требовали обстоятельства, положил в машинку, да и то в специальном предохраняющем мешочке.

Может, рубашка и полиняла, но Димка любит её не меньше. Да и не одна рубашка полиняла. Ведь и Димка тоже наверняка полинял, обтрепал-

ся. Пусть едва заметно, но... И их с Юлькой отношения полиняли...

Стало совсем тепло. С синего неба сползла серая пелена облаков. Как чехол сдёрнули с нового автомобиля на презентации. Светило солнце. Пели птички. В назначенный час Димка сел в мою тачку. Я вызвался подбросить его до театра, где должна была произойти церемония вручения. Мы с Поросёнком тоже хотели пойти, поболеть за Димку, но не получилось. У Поросёнка в офисе учения по эвакуации в случае теракта, от которых не отвертеться, а у меня в кои-то веки свидание наметилось. Думаю, Димка не обидится.

— Ну что, не жалеешь, что съездил?

— Правильно вы меня выпихнули.

— Как там то да сё? Девчонки? — Я подмигнул Димке. Он надменно усмехнулся.

— Нормально.

Мы заржали.

— Ладно, потом расскажешь. А у меня праздник.

— Кто такая?

— Оля. Помнишь мою клиентку, ну ростовскую? Из «Балчуга» которая. Я тебе рассказывал...

— Проститутка, что ли?

— Почему проститутка?! Не важно, короче. В общем, мы с ней... — Я соорудил выразительную физиономию.

— Да ладно!

— Кризис реально людей лучше делает. У неё клиентов много слетело. Она мне и говорит, помнишь типа наш разговор. А я ей, типа у нас много какие разговоры были. А она — ну про секс.

— Ну и чё?! — Димка весь извертелся.

— Короче, предложила возить её месяц бесплатно за один раз.

— А ты?

— Сказал, что месяц до кризиса можно было, а сейчас максимум десять дней.

— Правильно!

— Мы с ней, короче, бухнули, она расслабилась... — Видимо, на моём лице мелькнуло отражение той ночи. Олины бархатные изгибы, тёмные губы, контур которых очерчен чётко, как контур шляпки гриба-подосиновика, упругая грудь с кошачьими носиками, брови, распахнутые, как крылья хищной птицы, переливающаяся грива цвета кока-колы... Я сжимаю её узкие ступни с тёмно-красными ногтями... Сжимаю её щиколотки, могу раздвинуть, могу свести... Провожу ладонью по её спине, по шее, пальцами, как гребнем, разделяю волосы, вязну в густом загривке, держу крепко... Она дрожит, я не выпускаю... Задница у неё такая, что никакой вид из окна не нужен, никакой телевизор. Можно толь-

ко и делать, что часами смотреть на эти две половинки. И балдеть. Да что там, часами, всю жизнь можно смотреть, забыв про всё и даже про свежий морской ветер. Только просить, чтобы она иногда поворачивалась то так, то эдак. Ух... О чём я? Ну да, короче, Димка, глядя на меня, буквально взвыл.

— Она даже на следующий день работу продинамила. Сегодня вот в кафе идём вместе, — закончил я с гордостью и вытер выступивший на лбу пот.

— Блин! У меня даже встал! Пока я там с литературными фрикерсами копошился, ты тут с ростовской королевой зажигаешь!

Тут в приоткрытое окошко в машину влетела здоровущая муха. Пожужжала по салону, уселась на приборную панель и давай задние лапки потирать. Представляю, если бы я или Димка, или Оля моя ростовская, потирали бы не руки, а ноги. Хотя если бы Оля потирала... А если бы у нас вместо рук и ног было по шесть конечностей с присосками? И мы бы не ходили, как нормальные люди, а летали с жужжанием и в стёкла башкой бились. Глупо бы смотрелось. И муха смотрится глупо и несуразно. В природе вообще много всякой несуразицы.

Муха, видно, почувствовала моё к себе отношение и вылетела обратно в окошко.

— Ты к женщинам слишком много претензий предъявляешь... — сказал я Димке. — Что значит

фрикессы? Подход надо найти. Мне вот в принципе все женщины интересны.

— Однако нашёл ты себе краю за штуку в час.

Я не стал спорить. Мне почему-то было неприятно, что Димка постоянно упоминает, что Оля проститутка. Мало ли что людям в жизни делать приходится, не это главное.

Дальше ехали молча.

— Слушай, у меня с памятью что-то, — потёр Димка лоб, когда мы добрались до места. — Вы ведь с Поросёнком меня редактировали. Не помнишь, где у меня сцена такая, первый поцелуй за школой и ещё... это... туристка в сумасшедшем доме?

Я засмеялся. Последний раз я так смеялся в кинотеатре на американской комедии с неприличными шуточками. Га-га-га! Димка ткнул меня в бок: «Чего ты ржёшь?» Я успокоился, утёр слёзы и обнял друга:

— Про первый поцелуй я написал, а про туристку — мы вместе с Поросёнком.

Димка реально опешил. Не удивился как-нибудь там слегка, а рот аж раскрыл.

— Мы ж тебе говорили, что компоновали твои истории, редактировали и кое-что от себя сочинили.

— Не понятно ещё, кто из нас писатель, — усмехнулся, наконец, Димка, приходя в себя.

— А что это у тебя за розовая рубашка? Купил?

- Она не розовая, это цвет маринованного имбиря. Ей сто лет уже.
- О`кей, я думал, новая. Ну всё, ни пуха!
- К чёрту!

Оказалось, что Димка явился сильно загодя и, так как заняться было нечем, прогуливался теперь по скруглённым театральным коридорам, увешанным портретами артистов труппы. Артисты были запечатлены в момент исполнения своих лучших ролей. На их лицах были написаны хитрость, коварство и тщеславие. Они льстили, наушничали, искушали.

Димка заглянул в зал. Ряды кресел спускались к сцене амфитеатром, сверху нависали балконы, потолок скрывали гроздь прожекторов и звуковых колонок. В холле перед залом накрывались столы с угощением. Сюда один за другим стали подтягиваться молодые литераторы. Весь день они гуляли по столице, раскраснелись, немного вспотели и были слегка ошеломлены. Драматург-революционер облачился в чёрную кожаную куртку. Наташка втиснулась в яркое расписное китайское платье. Яша-Илья остался верен грубому свитеру с тельняшкой в вырезе. Саша-поэт повязал шейный платок, а Марат — белый шарф. Димка пристально вглядывался в

лица Лисы и Яши-Ильи. По его теории кто-то из них должен был получить приз. Яша? Лиса? «Может, всё-таки Лиса?» — размышлял Димка, разглядывая красивое серое платье, подчёркивающее фигуру его противницы. Однако никто себя не выдавал.

Прибывали гости. Важно проплыл маршал-попечитель. Димка сказал «здравствуйте» и поклонился. Маршал ещё сильнее выпятил губу, но на приветствие не ответил. «Может, невзлюбил за что-то... Могут ведь и премию из-за этого не дать...»

Телевизионщики расставляли штативы и монтировали камеры. Стали подтягиваться и члены жюри.

— Здорово, братан! Прикольная рубашка, розовый сейчас в моде! — Гелер крепко пожал Димке руку.

— Здравствуйте. — Без рюмки, в свете ярких ламп Димка не знал, как обращаться к Гелеранскому: на «ты» или всё-таки на «вы»? Про цвет собственной рубашки он решил с Гелером не спорить. Бывают люди, которые живут в мире трёх-четырёх цветов, кровь у них всегда красная, трава зелёная, а небо обязательно голубое. Пытаться разуверить их в этом бессмысленно и порой опасно.

— Настрой боевой?

— Боевой! — как можно боевитее улыбнулся Димка.

— Правильно. Что бы ни случилось, унывать нельзя! — Гелер выдержал многозначительную паузу. — Ты ведь не расклеишься, если премию не получишь? — Гелер отступил от Димки на шаг и внимательно взгляделся в него. Реакцией интересовался.

— Не расклеюсь, — ответил Димка. Пол качнулся под ногами, словно палуба подбитого эсминца. Пришлось собрать всю внутреннюю силу, чтобы выглядеть беззаботно. — Чего унывать-то?!

— Как, чего унывать?! Менее талантливый человек получит премию, а ты останешься с носом! — продолжил наступление Гелер, и Димка не выдержал:

— А кто получит?

Гелер весь расплылся в улыбке. Хотел добиться реакции и добился. Разбирается в людях.

— Не могу сказать, сам через полчаса узнаешь.

— Тогда я кое-что скажу! — выпалил Димка.

У ошибочных поступков есть что-то гипнотическое — понимаешь, что так поступать не надо, а всё равно делаешь, будто заколдованный. Как с табличками на дверях «на себя» и «от себя»: прочитал и всё равно толкаешь, когда нужно дёрнуть, и дёргаешь, когда требуется толкнуть. Раз за разом. Какая-то фатальная обречённость.

— Филология наша кровавая вовсе не беременна! Разыгрывает, чтобы разжалобить жюри! Илюша-ветеран, во-первых, не Илюша, во-вторых, никогда не воевал, а в-третьих, он пишет

только ради денег, не светило бы пять штук зеленью, не писал бы! А Лисе...

— Тссс, не шуми — народ вокруг, — шипел Гелер, приплясывая от радости.

— ...Лисе вообще тридцать лет, она не имеет права участвовать! А Марат сумасшедший! На людей бросается, ему место в дурдоме! Понятно?! — Димка задыхался. Он чуть не плакал, голос срывался, как у женщины. Он был уверен: скажи он всё это, и полегчает. Не полегчало. Наоборот. Будто снегом в горах завалило. Ни вздохнуть, ни пошевелинуться.

— Кто такая Лиса, Маринка, что ли? Так про неё мы знаем, про беременную и про Яшу тоже. Получили твои конвертики.

— Откуда ты... вы знаете? Почему мои? — Димка почувствовал, что вот-вот сорвётся в пропасть.

— А разве не твои? — Гелер наблюдал за Димкой со вкусом, как наблюдают гурманы за приготовлением блюда.

— Не мои! Почему обязательно мои? Чего вам надо от меня вообще!

— Извини, извини. Не хотел тебя нервировать. Пускай не твои конвертики. Пускай. Просто там всё точно так же описано. А с разоблачением ты опоздал. Раньше надо было, всё уже решено. — Гелер пощекотал Димке живот и с распостёртыми объятиями поспешил навстречу только что вошедшему Мамадакову с супругой.

«Как конверты попали к Гелеру?! Я же их выбросил! И как он вычислил, что я автор????!!! Марат! Конечно, Марат! Кто ж ещё. Он, сука, выследил и сдал! Как стыдно! Боже, как стыдно! Перед Гелером стыдно, перед всем жюри. Они, наверное, думали, что я благородный романтик, а оказался — трусливый стукач и паникёр»... На душе было гнусно, кислогато и мерзко. Он совершил непоправимое. Окружающие огни и праздничные наряды только усиливали неприязнь к самому себе. Димка пошёл, не разбирая пути, наступил на ногу какой-то даме... Ему казалось, что Зотов отводит глаза, Окунькова смотрит с жалостью, а Липницкая вообще сделала вид, что не узнала...

Молодых литераторов сначала несколько раз организовано вывели на сцену, отрепетировать перед камерами, объяснили, как и что делать, когда объявят участников очередной номинации, и заперли за кулисами наедине с девушкой-фотографом. Она принялась всех запечатлеть для истории. Конкурсанты нервничали и не могли расслабиться, поэтому у девушки-фотографа быстро собралась коллекция фотографий, годящихся разве что на документы. Когда дело дошло до Яши-Ильи, он предложил обыграть свои мускулы. Не успела фотограф возразить, как Яша-Илья скинул свитер и тельняшку, обнажив бугристый

бледнокожий торс и поросшие волосами плечи. Знаете, бывают торсы привлекательные, а бывают какие-то неказистые. Вроде мышцы есть, но некрасивые. Жить, конечно, с таким торсом можно, но вот выпячиваться с ним не стоит. Фотограф прикусила губку, но решила сделать несколько кадров для виду.

— Я только пооджимаюсь немного. Чтобы мышцы в тонус вошли, — вдруг сказал Яша-Илья, упал на пол и принялся порывисто отжиматься. Слышно было его дыхание: уже сфотографированные и ждущие своей очереди молчали. Кто пристально рассматривал собственные ногти, кто прохаживался вдоль стен. Сказочник, снова улизнувший из-под присмотра врачей, беззвучно кусал губы, дагестанский фантаст делал дыхательные упражнения, драматург-революционер шевелил губами, засунув левую руку за борт куртки на манер Сталина, Димка то и дело вытирал стремительно запотевающие ладони о джинсы, Лиса крутила в пальцах какой-то волос, иногда поднося его к губам и что-то шепча. Наконец Яша-Илья перестал отжиматься, вскочил на ноги и сделал ещё одно творческое предложение:

— А давайте я с ножом буду? — Он молниеносно выхватил из накладного кармана штанов нож и принял с ним зверско-героическую позу. Фотограф проверила вспышку, навела резкость и собралась было нажать на кнопку, но Яша-Илья снова запрыгал:

— У меня есть нож побольше! Попробуем? —
И он вытащил из-за голенища тесак, напоминаю-
щий мачете.

Тут фотограф не выдержала:

— Наденьте, пожалуйста, свитер обратно и
спрячьте нож.

Яша-Илья сник и принялся униженно одеваться.

Димка подошёл к Лисе.

— Колдуешь? — шутя спросил он, намекая на
волос в её руках.

— С такими людьми раз в жизни рядом оказы-
ваешься, — серьёзно ответила Лиса, и Димка по-
нял, что это тот самый волос, который был снят
вчера с щегольского пиджака во время фотогра-
фирования. — Я волосок заговорю, и он моим му-
жем будет.

Димка улыбнулся на всякий случай и прекра-
тил расспросы. Лиса продолжила нашёптывания.
Гул за дверями усилился.

Скоро заиграла музыка, и ведущие вёчера —
молодой актёр, кумир девочек-подростков, и за-
дугая автозагаром до мулатной смуглости звезда
реалити-шоу — объявили церемонию открытой.
За кулисы заскочила Людмила Степановна:

— Готовы? Выстраиваемся, как репетировали!

Молодые литераторы встали друг за другом
перед дверью, ведущей на сцену. Чувство было,
что, как только створки двери распахнутся, на
шеренгу обрушится град пуль. Димка такое видел
в фильме про высадку американцев в Норман-

дии. Катера с двумя большими створками подошли к берегу, а когда створки распахивались, первые ряды десантников скашивало пулемётным огнём.

— Начнём с будущих Толстых и Достоевских! Номинация «крупная проза»! — донёлся голос кумира девочек-подростков. Створки распахнулись, ударил свет, первая группа пошла.

— Для вручения приглашается... — перечислив все регалии, вызвали Зотова. Заиграла браваурная музыка, сопровождающая проход Зотова на сцену. Музыка стихла, Зотов взял слово. Он не стал рассусоливать и только отметил, что нынешнему поколению писателей живётся лучше, так как нет стукачей и КГБ.

Премия досталась сказочнику.

Кумир девочек перечислил спонсорские организации и отдельных меценатов. Смуглая звезда реалити произнесла:

— Мудрые говорят, что суть содержится в малом... Рассказы!

Тут-то Димка вспомнил своего деда-ветерана и окаменел весь. Что же он наделал! Что натворил!.. «Только бы я не получил никакого приза! Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы мне не дали приз. Марату лучше или Лисе. Яше, филологине, кому угодно! Только не мне. Пожалуйста!!!» Столь странный поворот Димкиных мыслей объясняется просто: деда, как уже отмечалось, Димка обожает. А дед, в свою очередь, не

любит мата и излишней откровенности. Весь этот «секс и тампексы» его буквально до белого каления доводят. Что делать, другое поколение, война, репрессии. Отложилось всё, короче, не перевоспитаешь. А волноваться деду вредно, соуды, контузия. Восемьдесят семь лет старику.

Дед живо интересуется новостями. Читает регулярно по три-четыре газеты, вырезает самое, по его мнению, важное и подсовывает Димке. С тех пор как Димка поселился с дедом в одной комнате, от его вырезок спасу нет. Дед уверен, что Димка без этих вырезок совсем контакт с действительностью потеряет. А знать, что в стране и мире происходит, надо. Если Димку угораздит получить премию, то наверняка напечатают фото, тут-то дед всё и узнает. Мимо него не проскочишь. Сначала спросит, зачем такой дрянной псевдоним взял, чем его семейная фамилия не устраивает, а потом потребует рассказы. Прочтёт и... У Димки ведь и секс там есть, и слова всякие. Мы с Поросёнком их ещё подсократили. А вот секса, наоборот, добавили. Эх, забыл Димка про фактор деда во всём этом литературном раже.

Из оцепенения Димку вывели собратья по перу. Конкуренты. В своей группе Димка стоял первым, но задумавшись, не услышал призыва выходить на сцену и застопорил общее движение. Ему шикнули, он не понял, тогда его толкнули и крикнули в самое ухо. Димка опомнился и

дёрнул дверь на себя. Дверь не поддалась, Димка толкнул её и, улыбаясь, как гипсовый слепок, ступил в проём. В лицо ударил свет. Красный, белый, жёлтый. В черноте зала скакали пятна лиц. Димка чувствовал, что идёт не он, а робот, которым управляют со стороны. Только заняв заранее указанное место на сцене, он смог осмотреться. Увидел усмехающихся журналистов, чёрные дыры объективов, мохнатые, как шмелиные жопы, микрофоны, вытянутые на длинных удочках. Увидел тётенок из литературных кругов в шальях с народными узорами, фотографов, профессиональных халявщиков-стололазов, пришедших ради фуршета и свесившихся теперь с балконов. В ложе расположился маршал-попечитель со свитой.

— Для вручения приглашается неподражаемый... — начал кумир девочек.

— ...стремительно ворвавшийся в русскую литературу... — добавила по бумажке звезда реалити.

— Сергей Геленский! — выкрикнули они хором.

Возникла мгновенная пауза. Запинка. Из первых рядов крикнули: «Гелеранский!»

— Что? Прошу прощения... Сергей Гелеранский! — в одиночку исправился кумир девочек.

Гелер вбежал на сцену, как боксёр на ринг, подпрыгивая и поводя плечами. В ярком свете обнаружилось, что Гелер обут в новенькие ботинки. Если лично меня спросить, какой предмет гарде-

роба может хорошенько подставить человека, я отвечу — новенькие ботинки. Более броской и притягивающей взгляд штуковины ещё не придумали. Даже если быть абсолютно голым и обуться в новенькие ботинки, то все смотреть будут именно на них, а не на что-то другое. Всё равно, что светофор на ноги нацепить. Ботинки Гелера выглядели порядком веселее, чем лицо. Путаница с фамилией дело весьма неприятное, особенно если ты «неподражаемый» и «стремительно ворвавшийся».

Димка скопился на филологиню, на Яшу-Илью, на Лису и Марата. У каждого нервозность проявлялась по-своему. Яша-Илья, стоявший рядом с Димкой, переминался с ноги на ногу и слал кому-то эсэмэски. На зал Яша-Илья даже не смотрел. Можно было подумать, что крепыша и лжеветерана вытащили сюда против воли и его мучает смертельная скука. Однако Димка видел, что экран телефона крепыша мёртв. Яша-Илья слал эсэмэски с выключенного телефона. За Яшей стояла филологиня, на её лице застыла презрительная, вальяжная улыбка. Пальцами филологиня сжимала свой бутафорский живот. Так качки тискают резиновые мячики для тренировки запястий. Будь она беременна взаправду, можно было бы опасаться за то, что ребёнок появится на свет с вмятинами от её пальцев. Лиса, казалось, чувствует себя спокойнее всех. Фингал почти не заметен, лицо расслаблено, лёгкая улыбка, в глазах ос-

мысленность. Ничего бы не выдавало Лису, если бы не поминутное движение плечами. Лиса то и дело покручивала ими, как будто лямки платья доставляли ей неудобство. Марат стоял не шевелясь, с лицом каменным и бледным. Остекленевшие глаза смотрели в одну точку, не моргая. Если раньше Марат хлопал веками чаще нормы, то теперь они не закрывались вообще. Димка вдруг осознал, что ни Яша-Илья, ни филологиня, ни Лиса, ни Марат не знают ничего заранее. Никому не намекнули. Все были на грани обморока. «Что же делать? Может, просто прятаться от камер, а деду завтра правильные газеты подсунуть, а? Не могу же я из-за его сосудов всё потерять! Я его люблю, конечно. Он со мной в поле воздушного змея запускал. Синего с алой лентой... Когда я мелкий был... Да и терять пока нечего... Надо настроиться. Победа! Победа! Победа! — принялся заклинать про себя Димка. — Успех, слава, женщины, благодарственная речь, как на «Оскаре», прыгнуть через голову, как футболист после гола... Прыгнуть вряд ли получится, но вот пошутить, чтобы зал грохнул смехом, это можно. — Он почувствовал, как дрожат колени. Переступил с ноги на ногу, всё равно дрожат. — ...Чтобы толпа журналисток с цветными едаками микрофонов осаждала, чтобы лицо на глянцевых обложках по всему городу. Мне нужна эта чёртова БУКВА! Я заслужил её больше остальных! Обещаю отдать деньги другим, мне они не нужны, Юлька всё равно ушла, но статуэточку...

статуэточку мне!.. Кому бы отдать деньги? — Димка добросовестно стал всеми своими мыслями показывать Богу, что он взаправду поделится, не кинет. Не ради денег он здесь. Дед со своими сосудами и воздушным змеем затерялся где-то в дымке прошлого. — Лисе, Яше-Илье, филологине, поэтессе Наташке. Всем понемногу. Но если раздать всем, это всё равно никому не поможет, проще себе оставить»...

— Я долго говорить не буду. Все ребята талантливые, с большим будущим, — произнёс Гелеранский, вертя золотой буквой «А» на мраморной плашке. Вживую буква оказалась больше, внушительнее, чем Димка ожидал. Две палки «домиком» и одна поперёк. Крепкая конструкция.

— Победитель в номинации «рассказы»...

«Если Гелер начнёт с «Ми...», значит, это я, Димка Козырев, то есть Михаил Пушкер, если с «Ма...» — Маринка-Лиса или Марат...» Ожидание приговора по призу сродни ожиданию, когда дантист надвигается на твой разинутый рот с бор-машиной. Ты пристёгнут и покорен. Вот-вот жужжащее жало коснётся тебя. Будет больно или не будет? Боль или не боль... И когда понимаешь, что машинка уже буравит твой зуб, а боли нет, испытываешь счастье.

— По... — начал Гелеранский.

«Всё! Полина Гончарова! Филологиня!» — рухнуло Димкино сердце, и весь он полетел в тартарары.

— ...Пушкер Михаил! — выстрелил Гелеранский, перескочив с «по» на «пу», и резко протянул Димке золотую букву.

— Пушкер?! Пушкер???! — тупо переспросил Димка и выбросил руку за статуэткой. Тут он заметил, что из-под ногтя большого пальца течёт кровь. Очень быстро и обильно. Капля, стремительно налившись, сорвалась на пол. Ещё. Ещё. И Гелер увидел кровь. И вот Димка стоит, протянув руку к статуэтке, и не берёт её. Цвет у крови такой весенний, яркий, свежий. Ещё капля.

Это он руки теребил, пока решение жюри объявляли, и содрал корочку с ранки. С той ранки, которая получилась, когда он перед приездом в «Полянку» ноготь неудачно отстриг. Не почувствовал даже, как содрал. Ещё капля.

Димка схватил, наконец, букву за золотую перекладину, как хватаются спецназовцы за перекладину верёвочной лестницы, брошенной с родного вертолёта, когда задание выполнено и герои бегут от разъярённых варваров. Лиса крутанула плечами, вроде метательницы молота перед броском, и вся покраснела, и как-то набухла. Марат не шелохнулся, только стал моргать частой очередью. Филологиня смяла свой живот так, как мнут женские груди после армии. Яша-Илья что есть мочи нажал на клавиатуру. Громко заиграла стартовая мелодия Nokia. Телефон, наконец, включился. Новая капля сбежала с пальца, повторила золотую линию буквы, за-

мешкалась на мраморной плашке и плюхнулась на паркет.

Димка неловко подпрыгнул. И ещё. На этот раз прыжок получился эффектнее. Димка подпрыгнул снова и снова и так раз десять, не меньше. Букву держал высоко над головой. Мелькали лица тётенок из литературных кругов с холодными улыбками, оживившиеся лица фотографов и телеоператоров, наводящих объективы, лица ведущих с улыбками, застывшими и профессиональными, лица бывших, побеждённых уже, соперников. Димка был счастлив. Кровь теперь текла по его сжимающему желанный металл кулаку. Кровь пересчитывала его пальцы. Финишная лента была сорвана его пульсирующей от надрывного бега грудью.

Как контуженный, он сошёл со сцены. Видел картинку вокруг, но не различал голосов. Только сказал «спасибо» и больше ничего. Все намеченные слова позабылись. Его догнала девушка с красным пакетом. Подарки от спонсоров.

Вручения продолжились. Димка сосал раскрово­лённый палец. Объявляя выходящих на сцену, кумир девочек и звезда реалити постоянно сокрушались об отсутствии министра культуры, который очень хочет обратиться к собравшимся, но задер-

живается на совещании. В промежутках между молодыми на сцену вызывали стариков, которых поощряли за заслуги перед литературой. Старики шли к сцене медленно, опираясь на палки. Это были седые сухие мужчины с лысинами и большими горбатыми носами. Многие принимались говорить мимо микрофона, и тогда им кричали из зала и делали знаки, дескать, не слышно. Выступающие не понимали, и кто-нибудь из ведущих подталкивал очередного старика к микрофону. Они благодарили срывающимися хриплыми голосами и троекратно целовали ведущих, особенно задерживаясь на мулатистой звезде реалити-шоу. Ведущие же говорили со стариками нарочито упрощёнными фразами и довольно громко, как разговаривают с детьми, иностранцами или умственно отсталыми. Несмотря на финансовый кризис, старики получали конверты с наличными и пакеты с подарками от спонсоров, с удовольствием прикладываясь к девице, которая эти пакеты подтаскивала.

Димка приткнулся на первое свободное кресло рядом с двумя типами: один усатый и в очках, а другой усатый и бородатый, но без очков. Имя каждого удостоенного награды пенсионера они комментировали тихими возгласами «старый мудака и пьяница».

Один из удостоенных в благодарственной речи через слово поминал великого русского поэта:

— Если бы не Пушкин... Я и Пушкин... Пушкин духовно меня благословил...

— Пока ты о Пушкине думал, рубль падал и рынки чуть не наебнулись, — ехидно шипели Димкины соседи.

В качестве развлекательных вкраплений между вручениями выступали отдельные певцы и небольшие коллективы. Здесь тоже оказались свои опоздавшие и заболевшие. Кумир девочек-подростков и звезда реалити ссылались на пробки и внезапные гастроли, оправдываясь зачем-то перед гостями за то, что вместо заявленного известного артиста выступит другой, неизвестный. Первым из второго состава на сцене оказался донжуан не первой и даже не третьей молодости, весь как-то подобранный кверху. Как будто его кто-то невидимый всегда за шкирку держит. Брюки не прикрывают щиколотки, но зато натянуты почти до груди и застёгнуты в районе солнечного сплетения на топорщащуюся пуговку. Туловище и шея при этом очень короткие. Пел донжуан, естественно, о любви и собственном непостоянстве. Исполнив что-то на бис, он послал в зал залихватский воздушный чмок и удалился за кулисы. Зрители проводили исполнителя овацией.

Представление пользовалось успехом у почтенных дам, составлявших большую часть публики в зале. Аплодировали дамы увлечённо, а местами, пожалуй, фанатично. Со стороны могло показаться, что они пытаются прихлопнуть зависшего в воздухе комара. Того и гляди, повскакивают с мест и начнут продвигаться к сцене, на-

ращивая силу хлопков и размах рук. А затем окружают очередного певца и захлопают до смерти. На лицах у дам застыли радостные улыбки.

Надо отметить, что хлопки не отражали качества исполняемой музыки. Хлопки являлись сотворчеством, а не одобрением. Аплодировали всему более или менее ритмичному. Лирическая музыка заставляла дам плавно покачиваться, а любой ритм — аплодировать. Они только и ждали повода поаплодировать в такт хоть чему-нибудь. Певцы это хорошо знали и под первым же предлогом подавали зрительницам знак, а те, как спортсмены с низкого старта, бросались хлопать. Многие аплодировали даже под короткие проигрыши, звучащие на выходе очередной порции номинантов, и заметно расстраивались, когда музыку обрывали, чтобы дать слово выступающим.

Дамы, опоздавшие к началу, а потому не успевшие переобуться из сапог в туфли и спрятать затем сапоги в поношенные пластиковые пакеты с истёртыми ручками, пританцовывали между рядами и возле стен. Затапывали пыльные ковровые дорожки. К счастью, никто им не запрещал ступать по центру ковровых дорожек, а не только по краешку. Вместо партнёров дамы обнимали пакеты с непригодившейся сменкой. Строгие гардеробщицы пакеты со сменкой не принимали. Только пальто. Пакеты шуршали, словно в них бились пойманные мыши.

Приз в номинации «поэзия» достался Наташке. Вручала лично Липницкая, прочитавшая стихи собственного сочинения. Музыкальную эстафету принял молодой человек, явно злоупотребляющий косметическими процедурами. Молодой человек был облачён в белые брюки и яркую расписную рубашку. Такие парни встречаются в ресторанах черноморских курортов. Пел расписной красавец трагическую песню о войне и о тех, кто с неё не вернулся. Димка сначала даже подумал, что происходит какой-то розыгрыш, настолько внешность певца не вязалась с темой песни. Неподалёку от Димки сидела авторша сериалов и пьес Окунькова с мамой. Мама, глубоко пожилая и, видимо, глуховатая старушка, громко спрашивала у Окуньковой, о чём поётся. Окунькова орала маме в самое ухо, пересказывая содержание. Орала так, что половина зрителей не могла слышать само пение. К счастью, настал черёд номинации «драматургия», и Окунькова побежала вручать приз.

Победителем стал революционер. Он произнёс речь:

— Бгатья и сётгы! Сегодня для Госсии настал гешающий момент! Предотвгащена пгодажа кгупных компаний иностганцам. Пога подумать о патгиотизме, о духовности, о беспгизогных детях! Настало время новой импегии! Великой и непобедимой! — Драматург-революционер ловко смешал все услышанные вчера слова с пароч-

кой призывов собственного сочинения. Ленинская картавость, сталинское «братья и сёстры», левая рука за бортом чёрной турецкой куртки придавали речи театральный оттенок. В конце драматург обещал не подвести тех, кто оказал ему столь высокую честь, и гордо нести знамя лауреата, не роняя его ни при каких обстоятельствах.

Тётеньки из литературных кругов, бывалые журналисты и профессиональные халявщики-стололазы, почуяв близящийся конец вручений, потянулись прочь из зала, туда, где фуршетные столы ломились от вожделенных тарталеток и жульенов. Спешащих поесть, однако, отогнала некая мадам в пиджаке. Шуганула, как свиней из огорода. Пока культурная часть не закончится — жрать не получите! Пришлось досматривать культурную часть, апофеозом которой стало выступление группы студенток. Студентки некоторое время выглядывали из-за занавеса, и когда ведущие их поманили, организовано вышли на сцену, как дрессированные дети. Они были обтянуты белыми полупрозрачными кофточками и брючками. Рост и вес студенток разнились от очень малого до весьма внушительного, в одной руке каждая держала микрофон, в другой — букетик оранжевых цветочков. Двигались студентки энергично, подражая американским чир-лидерам, выступающим в перерывах баскетбольных матчей. Песня посвящалась пи-

сателям, оказавшимся на войне и в разных других неприятностях. Вообще, вся культурно-развлекательная часть преимущественно почему-то касалась войны. Писатели выходили у юных певиц какими-то неестественно фанатичными, бронзовыми, как памятники. Зомби, совершающие бесконечные подвиги, соразмерные скорее целым отрядам пожарных или спасателей. Настроение этих выдуманных писателей было стабильно героическим. В конце поющие студентки умудрились приплести Брест и Сталинград. Образ писателя получался такой — Терминатор с простым и честным лицом, с несколькими детьми на руках, с бластером, попирающий сапогом поверженного графомана. Димка поёжился от одной перспективы повстречать такого писателя на узенькой дорожке, вступить с ним в литературный спор, а уж тем более оказаться в одной номинации...

Под конец песни на сцену выбежали два студента в серых костюмах. Девушки перешли с американского стиля пения и пластики на русский народный и образовали вокруг вставших на одно колено студентов сложную фигуру, используя микрофоны и букетики в качестве оформления. В такой позе они и приняли аплодисменты. Проголодавшиеся зрители с облегчением вздохнули и во второй раз ринулись штурмовать столы с едой, но не тут-то было...

На сцену с достоинством поднялись маршал-попечитель и Мамадаков.

— Коллеги, или, как принято теперь говорить, господа! — начал Мамадаков, сменивший натовский наряд на чёрную пару с золотой нитью. Обращение «господа» в ходу уже много лет, но Мамадаков почему-то решил оправдаться за это своё «господа» перед залом. Он улыбнулся и сделал паузу, оставив место для смеха. То есть он решил, что его оправдание за «господа» вроде как шутка. Кое-кто и вправду ухмыльнулся.

— Как вы знаете, мне не нравится современная литература... — продолжил Мамадаков, щупая рукой гульфик. Это он проверял, застёгнута ли ширинка. Почему Мамадаков надумал сделать это именно на сцене, не ясно. Лучше стоять на сцене с расстёгнутой ширинкой, чем на сцене её застёгивать. Хотя Димке вот никогда не доводилось бывать на сцене с расстёгнутой ширинкой. Может, если бы он оказался с расстёгнутой ширинкой на сцене, он бы тоже принялся её застёгивать. Кто знает. Дело в том, что до этого дня Димка был на сцене всего-то разок, да и то в детстве. Дело было в районном доме культуры, Димка пел в школьном хоре, стоя в заднем ряду с краю. Подозреваю, что взяли его в хор для массовости, а не из-за каких-то там вокальных способностей. Будь у Димки вокальные способности, он бы стоял в

первом ряду посередине. В общем, они строем вышли на сцену, довольно громко исполнили несколько бравых песенок, выслушали аплодисменты и собрались было уходить за кулисы, когда всё дело застопорилось. Я уже упомянул, что крайним сзади стоял именно Димка. Место вроде незаметное, не блатное, хреновое, откровенно говоря, место для неудачников без слуха, голоса и влиятельных родителей, но вдруг оказалось, что и оно может повлиять на судьбу выступления, на судьбу всего хора. Дело в том, что выходил Димка на сцену последним, а уходить должен был первым. Они это репетировали сто раз, не меньше. «Отпели, вам похлопали, и уходим!» — дрессировала хоричка. Отпеть-то они отпели, но Димку так вштырило, так на него все эти софиты, аплодисменты и чёрная пустота зала подействовали, что он застыл, как скифская статуя в степи. Уход со сцены скомкался, началась свалка, и в зале уже начали посмеиваться. Короче, пока хоричка Димку за руку не дёрнула, он не двигался. Была ли у него ширинка в тот день застёгнута или расстёгнута, сейчас, разумеется, не установишь. А больше его на сцену никто не звал... Н-да... В общем, ширинка Мамадакова оказалась застёгнутой. Сообщив о своей антипатии к современной словесности, Мамадаков попал в цель. Зал грянул одобрением.

— Я стараюсь не читать современную литературу. Не люблю я её. Мы, — Мамадаков покло-

нился маршалу-попечителю, — стоим на страже прекрасного! На страже великой русской литературы! Обещаю вам торжественно, что не пропустим ни одного прощельгу, ни одного нахала. Мимо нас мышь не проскочит! — Зал взорвался аплодисментами. Странно всё-таки, что, говоря об охране прекрасного, некоторые представляют себе это самое прекрасное в виде золотой чушки, которую можно запереть в сейф и охранять. Всё равно, что пытаться охранять солнечный зайчик или блик на воде. Выждав, пока аплодисменты утихнут, Мамадаков продолжил:

— Нынешняя литература измельчала, уходит эпоха бронтозавров, к которой мы принадлежим... — Высказавшись про бронтозавров, он снова поклонился маршалу-попечителю, подчеркнув тем самым, что и его он благосклонно причисляет к вымирающим бронтозаврам. Зал отозвался одобрением. Видимо, многие гости тоже считали себя ископаемыми животными. — На смену гигантам приходит мелюзга, ёжики всякие, тушканчики... — Зал снова одобрил.

Димкино воображение, подстёгнутое животными сравнениями Мамадакова, нарисовало слизняков, которых Димка видел на даче под камнем. Слизняки и жужелицы живут под тяжёлыми камнями, в темноте, тишине и покое. Жиреют, набираются важности, решают какие-то свои слизняковские и жужелицыньские вопросы и, что самое смешное, полагают, что так будет вечно.

Они становятся самодовольны, горды, сочиняют собственные летописи, сотворяют собственных богов. Их бока лоснятся, разбухают. Их панцири отливают, как борта венецианских гондол, как крышки консерваторских роялей. Однажды какой-нибудь дачник, подгоняемый супругой, которой хочется на этом месте беседку, переворачивает камень, и все ценности слизняков, вся их философия, памятные юбилеи и награды летят в тартарары. Набегают куры и расклёвывают несчастных, что и следа не остаётся.

— Виталий Маркович шутит, — царственно вмешался маршал-попечитель, прервав таким образом рассуждения критика, грозящие перейти все разумные рамки.

«Только бы получить этот Гран-при, только бы получить...»

— Приглашаем на сцену...

«Пушкер! Пушкер! Пушкер!» Димка сжал в кармане брелок-медвежонка.

— Михаил Пушкер!.. — провозгласил маршал.

«Боже, это ведь я! Гран-при! О, боже!!!» — Димка, вконец ослеплённый, встал с места и направился к сцене.

— ...и Марат Губайдуллин! — подхватил Мамадаков.

«Что?.. Зачем Губайдуллин?! Какой, на хуй, Губайдуллин?!»

Димка почувствовал себя в центре какого-то розыгрыша. Ему подарили путёвку в Таиланд, а

когда Димка уже приехал в аэропорт, таможенник подленько рассмеялся и сообщил, что его снимает скрытая камера. Не так Димка представлял свой триумф. На сцену они с Маратом поднялись с разных сторон.

— Друзья, мы пригласили вас, чтобы вручить Гран-при конкурса...

— ...и приз писательских симпатий!

«Какой приз? Каких симпатий?» Тут Димка вспомнил, что перед отъездом из «Полянки», наутро после торжественного вечера, по инициативе жюри было проведено тайное голосование среди номинантов. Участникам конкурса предложили выбрать лучшего из собственных рядов. Димка тогда проголосовал за Марата, бросил в шапку, пущенную по кругу, бумажку с его именем. Сам не знает, почему. Из чувства вины за удар бутылкой, наверное.

— Начнём с главного. — Маршал-попечитель вскрыл конверт. — Гран-при седьмого конкурса молодых писателей «Золотая буква» присуждается... Михаилу Пушкиеру!

«Да-а-а-а-а!.. Так... отдам Марату... Прямо здесь и сейчас... Реально царственный жест получится. Все знают, что он меня ненавидит, а я ему деньги... На снятие проклятия... Позавчера бутылкой по темечку, а сегодня пять косарей!.. Величественно, благородно, народ запомнит, журналисты напишут...»

— Приз писательских симпатий присуждается Марату Губайдуллину!

— Поскольку кризис внёс изменения в нашу, так сказать, финансовую корзину, мы решили вручить денежную премию лауреату писательских симпатий. То есть Марату Губайдуллину, — авторитетно произнёс маршал-попечитель.

Димке вручили диплом, Марату — статуэтку и конверт. Рукопожатие маршала-попечителя наминало рукопожатие оперной дивы, снисходительное и сытое.

— Справедливо, если деньги получит тот, кого выбрали сами писатели. Марат, кстати, опередил конкурента всего на один голос. Примите, на заживление ран, так сказать, — закончил разъяснение Мамадаков, а повернувшись к Димке, сказал тихонько: — Это он ТЕБЯ, кстати, обошёл на один голосок.

«Как так?! Пойдите! Чё за разводка! Какой один голосок?! Я же всё равно хотел ему отдать!.. Голосок, ха!... Я сам за него и голосовал... Это мой голосок! То есть голос! Голос, слышите?! Я передумал!» Но поезд ушёл. Димка с трудом сдерживался, чтобы не закричать. Зрители кинулись прочь из зала, как будто начался пожар.

— Михаил, можно мы у вас интервью возьмём? — обратилась к Димке журналистка, красивая брюнетка. Вся такая худющая, плоскогрудая,

в стиле шестидесятых. За её спиной стоял парень с камерой. Димка не успел отказаться или дать согласие, как брюнетка задала первый вопрос:

— Что для вас литература?

Накануне, ворочаясь в кровати, Димка разговаривал сам с собой и объяснял, что для него литература. Так делают дети, когда играют в одиночестве. Сами стреляют из пистолетика в воображаемого врага, сами падают, сражённые собственной пулей. Фактически Димка репетировал интервью. Но не из-за расчётливости, а просто мысли для микрофона накатили. «Вот что для меня литература? — задавал себе вопрос Димка и тут же пускался в развёрнутый ответ: — Литература — это попытка выразить себя через слово, через язык. В своих произведениях... нет, не годится... в своём творчестве я стараюсь подчеркнуть... что же я стараюсь подчеркнуть в своём творчестве?..» Так, на разные лады, Димка рассказал о себе, несколько раз с лёту подмигнул воображаемой журналистке и удачно шутил про кризис. У него родилась довольно гладенькая теория про литературу вообще, про её роль в его жизни и его собственную роль в ней, но стоило ему увидеть камеру, её расширенный амфетаминовый зрак, как всё из головы выветрилось. Димка стал бубнить и путаться.

— Литература... да что там, написал и всё... — выдавил из себя Димка и замолк.

Журналистка подождала ещё несколько секунд и продолжила:

— А откуда черпаете вдохновение?

К сожалению, Димка не обсудил сам с собой, откуда он черпает вдохновение. А если бы обсудил, то вряд ли смог бы воспользоваться наработками. Всё из головы вылетело.

— Вдохновение... откуда черпаю... — Он огляделся. — Конфетные фантики, например. А что?! Очень красивые бывают фантики! Или бирки у одежды сейчас делают, как отдельное произведение... — Димка заметил в глазах журналистки разочарование и скуку и осёкся.

Журналистка подала Димке знак продолжать, но он уже стал сильно сомневаться в собственных мыслях, подмигивать расхотелось, а шутка про кризис при свете люстр и на людях показалась убогой. Щёки горели, на лбу выступил пот.

— Что вы открыли для себя, пока были в «Полянке» и общались с другими молодыми писателями? — подгоняла журналистка.

— Что открыл... Ну я, честно говоря, думал... я думал, что я лучше... ну в душе и всё такое, понимаете?

— Уточните, пожалуйста.

— Ну, типа, думал, я хороший парень, весёлый... Раньше я лучше к людям относился, что ли. А тут я врать стал, завидовать... короче, всякая хрень из меня попёрла... извините...

— Вы рады, что получили Гран-при?

— Конечно, очень рад! Гран-при — самое главное... Извините, не то... Сами понимаете, столько событий... — Димка усмехнулся, но вышло как-то жалко.

Димку поблагодарили и оставили сожалеть о сказанном. Первое в жизни интервью он позорно, с треском провалил. Надо срочно звонить родителям, просить, чтобы новости деду не давали смотреть...

Почётные старики-писатели, важные персоны из минкульта и литературных журналов, молодые литераторы и многочисленные неизвестные личности уже расположились за столами. Некоторые приветствовали знакомых и обменивались долгими ласкающими поцелуями, но большинство гостей просто сваливали в тарелки все угощения подряд, жуя на ходу. Димка подумал, что со стороны, наверное, вся деятельность человечества выглядит примерно так же: беготня, суета, трогательное желание хапнуть побольше. Халявный фуршет — отличная модель бытия.

— Вы кто? — спросила официантка запоздавшего Димку. Димка никогда не знал, как на такой вопрос отвечать, и теперь не нашёлся. Этот вопрос всегда ставит Димку в тупик, даже литературная премия ничего не изменила.

— Я... Пушкер.

— Я понимаю. Вы лауреат?

— Да.

— Тогда вам туда. — Официантка указала на один из столов в самом дальнем углу зала. Лауреатов и почётных гостей рассаживали персонально. За столом пустовало одно место. Димка хоть и пребывал в шоке, эйфории и перевозбуждении, но отметил, что пятеро сидящих за столом ни капельки ему не обрадовались. Пожалуй, даже холодок какой-то пробежал по их лицам: не его, не Димку, хотели они видеть рядом с собой.

— Здравствуйте, — обратился ко всем Димка и представился. Его ближайшими соседями оказалась семейная пара, состоящая из всклокоченного молодого мужчины, напоминающего старый, серой шерсти, свитер в катышках, и полной складчатой женщины неопределённого возраста в обтягивающем наряде. Далее располагался жёлтый мужичок лет пятидесяти, у которого волосики вокруг лысины походили на истёртый, побитый моллю, грязненький мех с полы какой-нибудь заношенной шубки. Щёки, лоб и нос мужичка покрывали горошины бородавок, очень похожие на пузыри, какие возникают на блинах во время жарки. Чертами и всем выражением лица мужичок напоминал положительного советского офицера, не сделавшего карьеры из-за трусоватости и нерешительности. Его сосед был лет на десять старше, обладал кожей розовой и гладкой, словно

фарфоровой, а щёчки, губки и носик и вовсе, казалось, были похищены с личика добротной немецкой куклы. Пышная седина ещё сильнее подчёркивала эту кукольность. Только правый глаз подкачал, он заметно косил, как если бы куклу привезли из Германии после войны, но правый глаз кокнули в дороге, и какой-нибудь наш Кулибин вставил новый. Лицо кукольного застыло в гримасе оскорблённого достоинства, типа осквернённая немецкая кукла с негодованием озирает окружающее варварство. Последним, сидевшим прямо напротив Димки, оказался обладатель физиономии, напоминавшей целый колбасный прилавок. Лоб — полбатона варёной «телячьей», нос — свиная сарделька, губы — сосиски «молочные», щёки — попки от «докторской». Варёнокопчёная лысина просвечивала, из-под старательно начёсанной и закреплённой лаком седой у корней, крашенной хной, пряди. Очень похоже на бутылку кьянти, оплетённую соломой.

— Добрый вечер! Красовский, — быстренько и с готовностью протянул руку серо-шерстяной. Его супруга состроила лицом улыбочку и подалась вся вниз, вроде как в реверансе, отчего складки только увеличились, и женщина превратилась в игрушку-пирамидку для малышей от года до трёх. Ребёнок должен насадить на палочку несколько выпуклых цветных колёсиков: снизу самое широкое и так постепенно до самого маленького наверху. Логическое мышление разви-

вает. Бородавочник, кукольный и колбасный представляться не стали. Только кукольный благосклонно поинтересовался, лауреат ли Димка. Лауреат.

Начали подносить основные блюда. Димка предложил выпить. Откликнулись только серошерстяной с супругой. За знакомство.

Димкиных приятелей по «Полянке» рассадили вразброс. Лиса оживлённо беседовала со своими соседями по столу в противоположном конце театрального холла, дагестанский фантаст скучал через пару столов от Димки и так далее. Серошерстяной предложил снова выпить, Димка согласился. За литературу.

— А вы писатель? — поинтересовался серошерстяной.

— Ну... премию вот получил... Ещё не писатель, наверное.

Колбасный вперил в Димку стеклянный взгляд.

— Я вот тоже писатель, — заявил серошерстяной не без запальчивости. — Пишу биографии никому не известных писателей. Все говорят, зачем писать биографии плохих писателей, а я говорю, что они не плохие, а просто неизвестные. — Димка кивнул с уважением. Серошерстяной продолжил:

— Пока не публикуют, но я надежд, как говорится, не оставляю, а вы о чём пишете? — Он задал вопрос ненавязчиво, вдогонку к предыдущей фразе. Как бы в нагрузку. Хотелось ему узнать, за что премии получают.

— Я про жизнь пишу. Просто разные истории.

— А... — как-то удовлетворённо протянул серошерстяной, будто удостоверившись, что Димка очередной графоман, который описывает недавние подростковые похождения, воспоминания о которых скоро иссякнут, писать станет нечего и о Димке забудут. Его же труды будут помнить и оценят спустя века, как всё великое. Колбасный подал первое за вечер слово:

— Что вы знаете о жизни, юноша?! Я вот пятьдесят лет уже пишу! Столько всего написал, что и не вспомнишь! — Колбасный бросил несколько книжных названий, из чего стало ясно, что он Димкин кумир. Автор множества прекрасных детских книжек про приключения шалопаев и врунов. Небо там всегда ясное, а конец — счастливый. Димке эти книжки читал вслух дед.

— И что я знаю о жизни, ничего! — продолжил колбасный. — Меня должны были посадить вон за тот стол. — Он мотнул своим носом-сарделькой в сторону далёкого стола, за которым разместились маршал-попечитель со свитой. Ещё и пальцем указал. Кривоватый артрозный палец так и целился в кажущиеся на расстоянии маленькими фигурки сидящих. Палец поворачивался, будто давя эти фигурки. — А посадили меня сюда, на самую галёрку. Я член Союза писателей СССР, лауреат премий, в том числе и международных, герой соцтруда, сижу здесь, а на почётных местах чёрт-те кто! Друзья и родственники спонсоров,

телевизионный кривляка и очередной формалист, актуальный писатель! Тьфу! — Колбасный залпом выпил бокал вина, сразу за ним рюмку водки, которую запил вторым бокалом, стоявшим перед жёлтым бородавчатым соседом.

Димка тоже выпил. Подали суши. Супруга серо-шерстяного схватила сразу две штуочки.

— А горячее будет? — поинтересовался у официантки бородавочник.

— Будет шницель.

Бородавочник сладострастно причмокнул.

— Я недавно удивительную телепередачу смотрел, — заговорил, вглядываясь косящим глазом в суши, кукольный. — Сейчас, оказывается, везде поддельный васаби продают...

— Чего? — встрепенулся бородавочник.

— Васаби. Японский хрен. Вот он, зелёный. Ты что, Палыч, не ел никогда?

— Может, и ел, не помню. У меня жена всё запоминает.

— В этой телепередаче сообщили, что от сырой рыбы и поддельного васаби в нас поселились шестиметровые глисты и образовали коллективный разум. Представляете!

Все притихли. Каждый стал прислушиваться к собственному организму, коллективный разум уже успел там крепко угнездиться или только зарождается? Супруга серо-шерстяного даже жевать перестала, замерев с набитым ртом. «А что, если этот разум давно управляет всеми на-

ми?...» — подумал Димка. В детстве врачиха сильно напугала его глистами. С каким удовольствием маленький Димка выпил таблетку, гарантирующую гибель этих гадких существ. Маленький Димка представил себе, что цивилизация глистов гибнет безвозвратно, как цивилизация каких-нибудь инков или майя. Ему как раз попалась книжка с красивыми картинками про древних индейцев. А может, индейцы погибли тоже из-за того, что кто-то таблетку выпил?..

Димка оглядел своих новых знакомых. Серошерстяной меленько жевал селёдочку, вытягивая изо рта тоненькие косточки, его супруга плотоядно смотрела на последний оставшийся на блюде ролл, жёлтый бородавочник вычищал языком застрявшие в съёмной челюсти кусочки пищи, кукольный облизывал вилку своим ротиком-бантиком, колбасный кумир Димкиного детства не отрывал налившихся кровью глаз от далёкого стола. От выпивки его нос-сарделька побурел, проявились красные запятые сосудиков. Димке стало казаться, что окружающие его люди ведут себя странно. Ёрзают, извиваются...

Димка присмотрелся к далёкому столу, во главе которого восседал маршал-попечитель. В рассадке гостей и вправду присутствовал едва уловимый смысл. Самые ловкие, те, что покинули зал церемоний первыми, заняли места поблизости от главного стола. Главный стол предназначался для министра культуры и приглашённых арти-

стов-звёзд. Ни министр, ни звёзды так и не явились, но все по инерции стремились оказаться поближе к этому столу. Стол был занят, как уже отмечалось, маршалом-попечителем и несколькими мужчинами и дамами. Актуальным писателем, естественно, был Гелер, рядом сидел телеведущий, автор программы о культуре. К нему ежесекундно кто-нибудь подходил. Поздороваться, улыбнуться, напомнить о себе. Телеведущий излучал тепло, делал вид, что помнит всех поимённо, но чувствовалось, что ему очень хочется спокойно поесть. Этого сделать не получалось, всё новые и новые почитатели подобострастно теребили его.

Димка захмелел, и ему стало казаться, что многие гости отчётливо напоминают классиков. То ли градусы Димке в голову ударили, то ли некоторые мужчины осознанно или бессознательно копировали внешность великих. Виднелись три-четыре Толстых и примерно столько же Гоголей. За соседним столом в угаре спора размахивал руками всклокоченный Достоевский. Чеховы всасывали жульены, Зингеры рвали на части шницели, Хемингуэи жрали суши. Один Чарльз Буковски собрался, было, закурить, но его одёрнули, курить положено строго в отведённых местах. Кроме того, Димке стало казаться, что колбасный похож на его деда. Командира пулемётной роты. Чем больше Димка пил, тем больше нежности он испытывал к варёно-копчё-

ной физиономии. Только дед волосы не красит и на лысину не начёсывает. Может, это не дед читал ему книжки вслух? Может, сам колбасный читал?..

Стало душно, включили кондиционеры. Порыв воздуха задрал начёсанную на лысину прядь дедовского двойника. Он звучно прихлопнул её на место, продолжая сверлить взглядом лица тех, кто без всякого права расселся на почётных местах. Дамы за столом маршала-попечителя залиристо хохотали, хлопнуло шампанское. Жёлтый бородавочник набрал полный рот чаю и принялся звучно полоскать, устраняя таким образом застрявшие во вставной челюсти остатки десерта. Димка уже собрался обратиться к колбасному, сказать, как он его обожает, как он похож на его деда, который очередями своего «максима» кучу фашистов вывел из игры, но колбасный Димку опередил.

— Вот паршивцы драные... — тихо и безнадежно выдавил он. Его нос к тому моменту превратился из розовой сардельки в кирпично-бордовую «краковскую». — Паскудники, сволочи! Витьке денег дали, а про меня забыли... — Из налитого глаза выкатилась слеза.

— Евгений Николаевич, не расстраивайся, — тронул его за руку кукольный, обратив наконец внимание на депрессию колбасного. — Ну не пригласили тебя за стол, ну и что? Делов-то! А деньги в следующем году вручат, они же по ал-

фавиту работают. Я вот недавно одну телепередачу смотрел...

Колбасный обронил ещё несколько слёз и вдруг откусил край бокала. Раздался хруст, какой бывает, если наступить на прихваченную утренним ледком ноябрьскую лужу. Кукольный застыл с приоткрытым ротиком, даже пышная седина слегка опала, как сливки на просроченном торте.

— Евгений Николаевич...

Сквозняк снова поднял начёсанную прядь на черепе колбасного, но он уже не обращал на это никакого внимания. Прожевал стекло и сплюнул. Хрум-хрум, тьфу. Несколько мелких осколков повисло на нитке слюны. Супруга серо-шерстяного огляделась с испуганной диковатой улыбочкой. Жёлтый бородавочник так и остался сидеть с надутыми, как у хомяка, щеками, полными чаю. Пока все приходили в себя, Евгений Николаевич куснул бокал ещё разок. Тут бородавочник, наконец, проглотил своё полоскание и вцепился в руку Евгения Николаевича, держащую искалеченный бокал. Некоторое время они молча боролись, а потом Евгений Николаевич, колбасный кумир Димкиного детства, по-дурацки улыбнулся и плюнул жёваными осколками в морду бородавочнику. И в остальных принялся плевать. Сосиски дрожали, орошая окрестности стеклянно-слюнявыми брызгами. Так плюются маленькие детки, когда хулиганят за столом. Сидит капризный бутуз на своём стульчике и, вместо того чтобы гло-

тать пюре из тыквы, с силой разбрызгивает его ртом. Губы при этом вибрируют. В более позднем возрасте бутуз таким манером будет имитировать звук мотора, играя в машинки.

Прикрываясь одной рукой, а другой затыкая колбасному пасть, бородавочник и кукольный кое-как скрутили и утихомирили буяна. В рамках приличий, с уважением к возрасту и литературным заслугам. Утёрли его сосиски салфеткой. Примечательно, что никаких порезов на сосисках не обнаружилось. Пожиратель бокала отделался бескровно.

Кое-кто за соседними столиками инцидент заметил, началась суматоха, не особо, впрочем, шумная. Все засиделись, хотелось покурить, пообщаться. Гости принялись переходить от стола к столу, подсаживаться к знакомым. Димка, пошатываясь, встал из-за стола.

— Дайте-ка приз, пожалуйста, — попросил подошедший Зотов.

Димка протянул метру статуэтку. Зотов взвесил букву в руке, просунул пальцы между золотыми перекладинами, примерился к удару.

— Х-хорошая штука. Можно какого-нибудь кэ-кэгэбэшника по фуражке, значит, так... — Зотов вернул букву Димке.

Стол маршала-попечителя опустел, как и многие другие. Один мужчина, озираясь воровато, подкрался к этому столу и стащил пирожок. Благо блюда с пирожками и закусками, вазы с фруктами

остались почти нетронутыми. Убедившись в безнаказанности своих действий, мужчина стибрил второй пирожок, третий. Через считанные секунды он уже достал из кармашка пакетик и бесцеремонно ссыпал туда поднос пирожных. Кремовые розочки с вишенками размазались, но мужчине это не смутило. Он обернулся. Лицо, как у маньяка-педофила, насилующего украдкой первоклассницу. Присмотрев ловкача, многие тоже метнулись к главному столу. Очень быстро образовалась давка, людские спины в пиджаках, расписных платках и разных других нарядах копошились вокруг стола, как щенки, борющиеся за материнский сосок. Димка, хоть был уже сыт, но поддался общему стремлению и полез в самую гущу. Протиснуться сквозь спины оказалось не проще, чем во время вчерашнего фотографирования на аудиенции. Но одно дело фотография, а другое — еда. Димка вынырнул из-под чьей-то подмышки и подцепил первый попавшийся кусок осетрины.

— Моя тарелка! — рявкнул мужчина с бородой Льва Толстого. Димка отшатнулся, но кусок «Толстому» не отдал.

Появилась Лиса.

— Ладно, Пушкер, мир.

— Мир.

— Дай статуэтку посмотреть, раз у меня своей нет. — Лиса заботливо оправила воротничок Димкиной рубашки.

Димка протянул ей «Золотую букву».

— Какая красивая! — Лиса повертела букву в руках, сделала вид, что проходящий «Чехов» толкнул её, и выронила статуэтку из рук. Мраморная плашка расколосась, буква от неё отломилась. Стоявшие вблизи ахнули, но, поняв, что ничего опасного не произошло, вернулись к разговорам.

— Ой, мамочки, извини! Меня толкнули, извини! Ой, что же делать! — лопотала Лиса. Помада с губ слегка испачкала её передние зубы, размазалась по ним. Выглядело так, будто на зубах проступили сосуды.

— Зачем ты это сделала?

— Я же сказала, случайно, — улыбнулась мстительно Лисонька.

— На хуй ты это сделала?!

— Чего орёшь, больной?!

Димка зашептал свирепо прямо в её клыкастое личико:

— Ты, сука!..

— Не груби! Сам бабу выебать не можешь! — с какой-то бешеной радостью хлестнула Лиса.

— Дрянь, пизда, ты специально!..

— Эй, лауреат, ты что себе позволяешь! — пришёл на помощь Лисе Марат. Нашёлся заступник.

— Сам лауреат! Отвали! Не твоё дело!

— Моё! — назойливо вякнул Марат и дважды моргнул. Губки дрожат, покраснел весь. Сразу видно, парень того и гляди совершит поступок.

— Твоё? — Перед Димкой мелькнули жребий из-за кровати, секс Марата с Лисой, его гадкие слова про Димкины рассказы, доставшиеся Марату деньги, конверты с компроматом... Ведь это он Гелеру рассказал про конверты! Выследил Димку и донёс. Кто же ещё, если не он...

Димка схватил Марата за горло и сдавил. Лицо врага миготом потемнело, кадык под пальцами забился пойманным воробушком.

— Твоё??? Ты, гад, за мной следил?! Как я конверты выкинул! Ты, мразь, меня подставил! Ты мои деньги забрал! — шипел Димка, сжимая пальцы на Маратовой глотке. У Димки рефлекс какой-то первобытный — людей за горло хватать. Помню, ещё в школе мы повздорили, и Димка схватил меня за горло таким же макаром. Ужасно неприятно, дышать невозможно, в горле потом целый день першит. А со стороны смешно смотрится, оба в оцепенении, один держит, другой трепыхается, ничего боле.

Оказавшийся поблизости Гелер сфоткал сцену на мобильник. Подбежал сказочник, отодрал Димку от Марата. Марат кашлял, Лиса фыркала, кривя губы, но видно было, что боится. В толпе шуршали вопросы «кто?», «что?», «почему?». Марату подали стакан морса.

Крашенный поэт Саша помог Димке собрать осколки мраморной плашки и саму золотую букву, сложил их в пакет со спонсорским коньяком.

— Отнеси в металлоремонт, починят, — посоветовал Саша.

Димка откупорил дарёный коньяк, налил Саше, выпил сам.

Подошла неизвестная дама. Ярko покрашенная, с лицом, щедро смазанным кремом. Не представившись, дама заговорила:

— Читала вас. Бойко. Но скажите мне, зачем вы пытаетесь нас удивить? Мы всё знаем про этот секс, матерком можем покрыть. Зачем всё это в литературе? Это мы боролись за свободу, которой вы пользуетесь, мы делали сексуальную революцию, слышите?! Мы! — Димка разинул рот. Впустую. — Про секс он пишет, нашёлся, секса мы не видали, ха! Не скажете вы ничего нового! Всё уже до вас сказано. И не тужьтесь, а то лопнете! — Дама потрепала Димку по щеке и удалилась, так и не дав ему ответить. С чего она решила, что Димка ставил себе задачу её удивить? Никого Димка удивлять не планировал. Зачем ему кого-то удивлять. Он что, фокусник. Удивлять...

«На хера мне ваш замшелый мирок! Удивлять я вас буду, да пошли вы! Неужели эта лоснящаяся от крема, невоспитанная тётка решила, что я пишу для того, чтобы её удивить?!»

Димка вдруг люто возненавидел не только Лису, Марата и смазанную кремом тётку, но и весь

мир. Он озирался по сторонам, челюсть сводило от злости. Жёлтый бородавочник незаметно вынул изо рта вставные зубы и протирал их уголком занавески. «Толстой», тот, что не хотел делиться рыбкой, как бы невзначай пересчитывал рукой складки супруги серо-шерстяного. Маршал-попечитель, скосившись на своё плечо, стряхивал с пиджака перхоть. Какие-то толстяки, видимо меценаты, кокетничали с официантками. Их дорогие костюмы были так набиты плотью, что швы пиджаков и брюк трещали. Рубашки не сходились на животах, раздувшихся, как переполненные мусорные мешки, в которых забродили помои. Меценаты, все, как один, были похожи на Троцкого, только разжиревшего и трусливого. Ещё вчера вечером Димка мечтал лишь об одном — стать одним из этих людей, а сейчас боялся этого больше всего на свете. Боялся войти в этот клан, стать частью их коллективного разума. Состариться и однажды, лет через пятьдесят, сидеть за дальним столом, с завистью высматривая конкурентов, усевшихся на места получше, а потом грызть бокалы от бессильной злобы.

Лиса заметно повеселела и снова оказалась в центре внимания мужчин. Главным утешителем стал Марат. Он пригласил всех попозже отметить

за его счёт. Голоса говоривших слились в неразборчивый гул. Димка заметил поблизости чужую статуэтку, придавливающую белый конверт.

— Чья это? — спросил он у Саши. Буквы были одинаковыми, не именными.

— Губайдулина. Ему же за симпатии вручили.

Саша достал из заднего кармана какие-то сложенные исписанные бумажки, скомкал, бросил в тарелку и поджёг.

— Второй том «Мёртвых душ»? — вяло пошутил Димка.

— Не получился из меня поэт...

Саша мрачно смотрел на листы, которые корчились и гнулись, точно танцоры современного балета.

Димка увидел певицу. Она вот-вот должна была начать выступление перед гостями. Завершающая часть культурной программы вечера. Певица ему сразу понравилась. Длинные волосы, ноги, платье цвета долларов. Карамельные ступни со слегка припухшими змейками-венами крепко схвачены чёрными туфлями. Не она ли накануне была в метро? Певица стояла поодаль и тоже поглядывала на Димку. Ему показалось, что она поманила его взглядом. Димка уже решил подойти к певице, когда появился Гелер.

— Чё, кокнули? — усмехнулся он. — Не парься, бери любую взамен, они ж одинаковые! — Гелер схватил губайдуллинскую статуэтку и ткнул её Димке в грудь. — Бери!

— Да не, Сергей, ты чё...

— А это что у нас здесь?! — Гелер потянулся за конвертом. — По одному виду чую — кэш! Тссс! — Гелер, воровато озираясь, заглянул в конверт. Сунул под нос Димке. Стодолларовые бумажки. Много. Те самые пять штук. — Кто ж так деньги бросает?! Совсем голова у лауреата закружилась! Не знаю, чего ты вафлишь. Живём только раз... — Гелер бросил конверт обратно на стол и скрылся в кутерьме праздника. Поэт Саша, как специально, тоже куда-то подевался.

Самураи принимают решение в течение семи вздохов. Димке хватило трёх. Он быстро сунул губайдуллинскую статуэтку в красный пакет, конверт — в карман и вышел из зала ни с кем не прощаясь. Свою поломанную букву Димка оставил под столом.

Димка не сразу нашёл выход из театра, метался по скруглённым коридорам, переходам и лестницам. Вспотел, разнервничался, стали мерещиться голоса преследователей. Портреты артистов насмеялись и гаденько подмигивали со стен.

Перед дверями, на полу, валялся алый бутон тюльпана. Кому-то букет принесли, и бутон оторвался. Димка вспомнил певицу. Жаль, не познакомились... Поднял бутон и вышел.

«Ах, как легко и весело. Удалось всё-таки продержаться молодцом до конца. Хотели, суки, меня обломать напоследок, не вышло! Ебись всё пылесосом, я своё возьму!» Пакет с золотой ашкой приятно тяжелел в руке, конверт грел сердце через ткань. Димка пританцовывал на ходу. Даже напевал что-то. Он радовался, что уделал и Лисичку, и Маратика. Радовался, что дал волю инстинктам. Решился на то, на что не мог решиться с того зимнего вечера, когда они с дедом везли на саночках десяток кирпичей. И вот он, Димка, прыгнул в дамки!

Вертя в руке бутон тюльпана и весело покачивая пакетом, как влюблённый школьник портфелем, Димка прошёл мимо стриптиз-клуба. Протиснулся между стеной и бамперами припаркованных «Мерседесов». Шоферы ждали хозяев: индивидуалисты спали на откинутых сиденьях или смотрели дивиди, компанейские же стояли кучками и лузгали семечки. Шелуха с шелестом опала на шофёрские чёрные туфли с длинными носами. Дурацкие люди в дурацких туфлях. Вот, например, ботинки Гелера дурацкими не назовёшь, просто слишком новенькие, а шофёрские — просто ужас. По туфлям можно всё о человеке сказать, всю дурь видно. Димка подумал, что по туфлям можно, пожалуй, даже будущее предсказывать. Тут я ним согласен.

Димка шёл мимо старой монастырской стены. В свете фонарей виднелись многочисленные бумажки, всунутые в щели между кирпичами. По преданию, это место обладает чудодейственным свойством, и люди приходят сюда оставить записочку. Димка предание слышал от одного азербайджанца на рынке и, проходя теперь мимо, вспомнил. Записки выглядели так, будто ими хотели заткнуть поток, готовый хлынуть из стены. «Думаю, Бог не обидится, если я прочту одну. Обещаю никому не болтать», — почти игриво подумал Димка, положил бутон в пакет и вытащил первую попавшуюся записку. Почерк аккуратный, женский. Отличница писала. «Помоги мне найти хорошего спонсора, Господи. Помоги устроить мои фотографии в журнал, Господи». «Смешная какая! Она что, думает, Бог и вправду приходит сюда ночью, забирает всю эту мутанть, а потом читает в своём кабинете на небесах?!» Димка не удержался от искушения развернуть второе послание. «Помоги мне найти новую, высокооплачиваемую работу и честного мужчину». Развернул третье: «Помоги выиграть конкурс танцев и стать знаменитым», «Помоги выплатить кредит». Димку стала раздражать всеобщая алчность и тщеславие. Они что, ни о чём другом попросить не могут?! Он облизал губы, провёл языком по зубам. Вместо гладкой эмали ощутил шершавость. Зубы грязные. Ел и пил много, мясо, фрукты... «Помоги... моему сыну защи-

тить кандидатскую, моей дочери развестись и найти нового, непьющего, богатого мужа, снять квартиру, получить грант, отбиться от налоговой, оформить наследство, найти сегодня на улице тысячу рублей»... Димка перестал засовывать бумажки обратно в щели, а просто комкал и бросал на асфальт. Ничего, Бог не обидится, он и так всё знает. Не надо быть Богом, чтобы прочухать, о чём попросят люди. Всё предсказуемо... «А может, Бог хотел, чтобы я эти письма прочёл?.. Может, эти письма адресованы мне? Может, я и есть Бог?.. Если бы мне пришлось ответить на такие письма, я бы написал... Какие вы мелочные! У вас у всех страх! Страх, страх, страх...»

В тёмной густоте растущего у стены можжевельника раздалось знакомое цоканье. Димка пригляделся. Белка. Не может быть! Центр Москвы — не место для белок. Однако в прогалине среди влажных ветвей сидела именно рыжая хвостатая бестия и никто другой. В чёрном беличьем глазу отражались старые дворянские усадьбы, превращённые в стриптиз-клубы, калек-попрошайки, ползающие у роскошных витрин, демонстранты, которых трамбуют в милицейские фургоны, как подростков цыпят на фермах, трамбуют в мешки. Запихивают как попало. Мешки потом ещё некоторое время шевелятся. Отражалась чудодейственная стена монастыря, законопаченная людскими мольбами, писательский дом отдыха, одноногий призрак в синем тренировоч-

ном костюме, крюк в стене. Отражался весь со-
сново-берёзовый букет, просвечиваемый крас-
ными лучами кремлёвских звезд, как лучами про-
жекторов. В середине этой катавасии нелепо тор-
чал маленький одинокий человечек, Димка,
писатель и вор.

— Знаешь, белка... Раньше я спокойно жил.
Как нормальный человек. А вся эта писатель-
ская херня меня полностью выбила. Я не хотел
быть писателем... просто хотел оплатить Юлькин
кредит...

Белка, разумеется, не отвечала.

— А ведь пишу я обыкновенно... Не лучше дру-
гих... А приз... это лотерея, стечение обстоя-
тельств... Вот, спёр у Марата букву... и бабки...

Белку исповедь задолбала, и она моргнула. От-
ражающийся мир перезагрузился. Белка юркну-
ла в гущу дерева. Димка ещё некоторое время
смотрел на то место, где она сидела, а потом по-
вернул обратно.

Из-за угловой башни чудодейственной стены
вышли трое. Димка мог бы перейти на другую
сторону улицы под каким-нибудь предлогом. Не
перешёл. Почувствовал, что предстоит искреннее
общение. И не захотел от него отказываться. Случайно задел плечом крайнего. Или тот сам подста-

вился. Теперь и не разберёшь.

— Извините...

— Чё сказал?!

Димка обрадовался тому, что после самоистязаний и переживаний оказался лицом к лицу с вполне реальными собеседниками. Физиономии у всех троих были круглые, красноватые. Головы крепкие. Запах людей пьющих, курящих, питающихся мясными консервами и супами быстрого приготовления.

— Чё ты сказал?! — повторил тот, кто, видимо, считался главным.

— Я сказал, извините. — Димка старался совладать с севшим от нервов голосом. Внутри его подбрасывал страх и разгорающееся озорство. Тело стало приятно покалывать, как после контрастного душа. Появилась энергия. Димка даже начал едва заметно пританцовывать.

— Куда торопишься? — Одно из круглых лиц вплотную приблизилось к Димкиному. Димка заметил на губе у собеседника шелуху от семечка. Захотелось эту шелуху снять или хотя бы сказать о ней, а то ходит человек по улице и не знает. А выглядит некрасиво. Но Димка, разумеется, ничего про шелуху говорить не стал, а просто ответил на вопрос:

— На вечеринку.

— Опа! Чё за вечеринка?

— Вручение литературной... литературной премии.

— Ты чё, литератор, бля?!

— Ага, — с какой-то диковатой улыбочкой кивнул Димка, который и сам только понял, что он, бля, литератор.

— Лавэшки есть?

— Как грязи! — с каким-то уже издевательским отчаянием заявил Димка. В детстве дворовые пацаны однажды отобрали у него копеек десять мелочью. Ещё и пёндаль дали. Теперь в кармане снова позвякивали монетки. Этот факт почему-то очень Димку рассмешил. Он подумал, что будет ужасно щекотно и смешно, если его начнут ощупывать.

— Ты чё, страх потерял?

Димка пожал плечами.

— Чё в пакете?

— Приз.

— Покажь.

Димка достал статуэтку.

— Дай сюда, — сказал второй пацанчик и взялся за статуэтку. Димка не отпускал.

— Не быкуй! — Пацанчик дёрнул статуэтку на себя. Димка не отпускал.

— Чё розовую рубашку напялил?! Пидор, что ли?!

— Это цвет маринованного имбиря! — процедил Димка и резко дёрнул головой, достали его дальтоники. Двинув пацанчику лбом в нос, Димка вырвал из его ослабевшей руки букву и врезал главному по лицу:

— Маринованный имбирь!

Третьему по яйцам. Димке врезали. Отнесло к стене, ухом скребанул по старинной кладке. Ударил, не целясь. Упал. Ладонь разодрал об асфальт. Увидел бутон, выпавший из пакета. Схватил. Поднялся. Получил по зубам...

Вообще Димка не спец в драках. Бойтся, что зубы выбьют, нос расплющат, изуродуют. А тут он что-то бояться перестал. По пьяни, наверное. Не понятно даже, почему. Димка осмелел и открыл для себя много нового: во-первых, неумело дерущиеся взрослые люди представляют собой довольно смешное зрелище, а во-вторых, реальная драка разочаровывает отсутствием эффектных звуков ударов, какие бывают в кино. Только крик, ойканье и шлепки какие-то. Вот если бы в драках использовали мячик, звуки были бы поинтереснее.

Главный корчился и подвывал на асфальте, а Димке хотелось смеяться. Он наносил удары, но не чувствовал злости, напротив, ему даже хотелось обнять пацанчиков. Но те размахивали руками и не оставляли на обнимания ни малейшего шанса. Когда Димка окончательно понял, что нежничать с ним никто не собирается, он побежал. Легко. Быстро. С удовольствием. Он бежал, открыв грудь холодному воздуху, и смеялся. По-детски. Счастьливо. Пересчитал языком зубы, все на месте. Только внутренняя сторона губы саднит и ухо жжёт, и ладонь. Позади ругалась, стонала и сплёвывала круглого-

ловая тройца, а Димке казалось, что там корчатся и кукожатся заклеенные им конверты, его зависть и злость...

В правой руке тяжелела выдержавшая бой золотая буква, в левой... Алые ошметки лепестков, жёлтая пыльца, чёрная пудра тычинок размазались по расцарапанной ладони вместе с грязью и кровью.

Димку обдало духотой и грохотом. Певица пела. Большинство мужчин и женщин танцевали. Усидеть на месте было невозможно, поэтому в пляс пустились люди, обыкновенно этого себе не позволяющие. Марат Губайдуллин танцевал с той самой ярко накрашенной дамой с лицом, умащённым кремом, Лиса извивалась среди нескольких разновозрастных мужчин, сказочник с рюмкой в здоровой руке рассматривал присутствующих диковатыми глазами, драматург-революционер выделял хип-хоповские движения вокруг красивой журналистки. Один Мамадаков ходил, покачиваясь и кого-то высматривая, его жены нигде не было видно.

Димка долго не мог отдышаться, потом вошёл в зал. Желание крепко всех обнять нахлынуло снова. Яшу, Гелера, Мамадакова, тётку в креме. Певица прервалась и принялась пить воду. Димка

подошёл к тому месту, где осуществил кражу. Поставил букву на место, подложил под неё конверт.

— Ты что делаешь?

За его спиной стоял Марат.

— Я украл твои деньги и статуэтку... Извини... Возвращаю... — Димка пожал плечами и неуверенно улыбнулся. Стали собираться зеваки, вытирающие взмокшие после танца лбы. Многие перешёптывались, бросая на Димку любопытные взгляды.

— Я тебе говорила, спрячь деньги! — назидательно сказала Марату Лиса. — Пересчитай. Может, он себе часть взял!

Марат ничего не сказал. Лиса забрала у него конверт и принялась сама пересчитывать. Димка переминался с ноги на ногу, показывая всем лицом, что происходящее его веселит и развлекает. Вокруг уже собралась толпа.

— Тут меньше! Тут только три! — взвизгнула Лиса.

— Чего ты лезешь везде?! — шикнул на неё Марат.

— Чего я лезу?! Он тебя обокрал! Две штуки спёр!

— Я ничего не брал! — заволновался Димка. Ошеломление и ужас, тут уже не до беззаботного внешнего вида. Он ведь правда ничего не брал... Он за эти деньги дрался! Это какая-то чушь! Провокация! Вы что, ребят, это же я!..

— Михаил Пушкер, — продекларировала Лиса, — спёр у Марата две тысячи долларов США! Все слышали?!

Взгляды, полные восторженного и испуганного ожидания, обратились к Димке. Народ ожидал хорошенькое шоу, как на шпагоглотателя пришли посмотреть. Операторы заново настроили камеры, собравшиеся уходить журналисты включили диктофоны. Сквозь толпу протиснулась координаторша премии Людмила Степановна.

— Тихо, господа, тихо. Пушкер ни при чём.

Димка никак не ожидал помощи от Людмилы Степановны. Она прояснила ситуацию:

— Денежную премию пришлось урезать. Кризис. Просто на сцене об этом решили не заявлять. Всё официально. У меня есть бумаги. — И зачем-то добавила: — Прошу разойтись.

К счастью, певица, которая успела отдохнуть и вдоволь напиться воды, перебрала голосом несколько нот и запела. Публика тотчас переключилась с Димки на танцы, не пожалев ни капельки о зрелище, которого её лишили.

Димка тоже танцевал: прыгал, махал руками, выкидывал ноги в стороны, тряс головой. Приоткрывал глаза только, когда чувствовал, что скакнул кому-то на туфлю или зацепил рукой. Минут десять бесновался и только после этого понял, что певица реально круто поёт. То есть она не просто красивая женщина, она офигительная, подсоеди-

нённая к космосу тёлка. Когда Димка это понял, то остановился и повернулся к певице. И чуть не отскочил от неожиданности.

Певица склонялась к нему с невысокой сцены. Так склоняются, заметив в траве мелкую симпатичную маргаритку, так склоняются к божьей коровке, ползущей по листку. Обернувшись, Димка оказался с ней лицом к лицу. Расстояние между ними равнялось длине микрофона. Певица вытянула последнюю ноту и убрала микрофон ото рта. Её тёмные глаза смотрели из-под тяжёлых, пушистых, как крылья мотылька, ресниц.

Иногда что-нибудь происходит — и сам не понимаешь, как и почему. Вроде ничего не делал для этого, а случилось. Глядя в глаза певицы, Димка ощутил её плотные, упругие губы. Певица в этот момент опустила веки и ощутила губы Димки. Короче, они поцеловались. А потом она отпрянула и принялась петь дальше.

Из толпы вынырнул Гелеранский. Водка его не брала, только глаза покраснели. Гелер потащил Димку подальше от сцены и шума.

— Ты, я вижу, пацан непростой! Почему ухо красное? Пора тебя посвящать, раскрыть бесценный литературный секрет. Ты, конечно, прикольно пишешь, но это не надолго. Скоро молодость закон-

чится, и надо будет что-то придумывать. И не для нашей Рáши, а для всего цивилизованного мира. На Западе отлично идёт *zagadochniy russkiy dusha*. Вся эта неопределённость, неуверенность, сомнения. Все эти барышни воздушные с большими печальными глазами. Туманы, мальчики в лодке, весь этот, блядь, Тарковский с Буниным на современный лад классно продаются. У них там есть своё представление о России, и они очень не любят, когда его разрушают. Дай им то, чего они ждут, и они назовут тебя новым Толстым, Достоевским и Пастернаком, вместе взятыми. Прибавь капельку Чечни, пусть федералы немного позверствуют. На Западе любят получать подтверждения русского варварства. И готовы это хорошо башлять. — Гелер сластолюбиво подмигнул и потёр большим пальцем об указательный. — Покритикуй власть, умеренно, не зарывайся, и выйдет *zaebiss!* Дай людям ниточку, и они размотают весь клубок. Люди ведь как негры — кинь им мячик, они его сами разыграют. Усёк?

— Усёк.

Гелер погрозил Димке пальцем и, напевая что-то, ввинтился обратно в толпу...

Димка собрался было обратно к сцене, но прямо на него вывалился пьяный Мамадаков с каким-то круглым человеком под руку.

— Пушкер! Хочу тебя познакомить с прекрасным писателем! Олег Сергеевич, мэр города... (Димка сразу забыл какого), Герой России, полковник в отставке! — пышно отрекомендовал круглого Мамадаков. Круглый пожал Димке руку и улыбнулся аккуратными усиками. — Олег Сергеевич поздравляет тебя с премией.

— Спасибо.

— Олег Сергеевич книжку написал, — продолжил Мамадаков. — Народная трагедия, типа «Войны и мира». Вся правда про то, как американцы с нашими либералами чуть Россию не развалили. Про тяготы простых людей. Надо бы прочитать с карандашиком. Что думаешь?

— Не совсем понимаю, что от меня требуется.

— Чё ты не понимаешь?! — Мамадаков взъерошил Димке волосы. Больно.

— Не понимаю, — упёрся Димка.

Аккуратные усики всё улыбались. Мамадаков придвинулся:

— Надо помочь Олегу Сергеевичу... поделиться литературным опытом... сделать творческие предложения. Чтобы помолодее было... Олег Сергеевич оценит, не бойсь.

Тут в Димкином кармане зазвонил телефон. Давно он так не радовался телефонному звонку.

— Извините, — воспользовавшись звонком, Димка отошёл подальше от Мамадакова и Олега Сергеевича...

— Козырев-мудак, здорово!

— Здорово.

— Поздравляю!

— Спасибо. Откуда узнала?

— Тебя только что по телику показывали. Ты что-то про фантики плёл.

— Это интервью...

— Ты понимаешь хоть, кто тебя сделал писателем?!

— Кто?

— Я! — Юлька в трубке рассмеялась своим густым, певучим смехом. Так крыжовенное варенье с ложки стекает, густо-густо. — Если бы я тебе язву не устроила, ты бы не попал в больницу, а в больнице у тебя было полно свободного времени, дурила, там ты и начал писать. Всё тебе разжёвывать надо!

Несколько лет назад, как только Димка закончил свой экономический, ему вручили повестку. Он тогда уже с Юлькой встречался. Она сказала, что никуда Димку от себя не отпустит, что она жить без него не может и всё такое. Пообещала Димке откосить его от армии, деловая девка. Димка, надо заметить, ничего против не имел. Юлька отправила его к знакомому врачу, специалисту по язве. Дело было утром, натошак. Врач попросил Димку проглотить шланг, нажал на какую-то кнопочку, и Димка почувствовал лёгкое внутреннее жжение. Военкоматовские отправили Димку на обследование в боль-

ницу, где он пролежал неделю и от скуки стал записывать свои наблюдения. В больнице у Димки обнаружили язву. Самую настоящую. И отпустили с миром. А язва была фальшивой. То есть не совсем фальшивой, а как бы временной. Ерундовый ожог, заживающий через месяц. Надо было только диету соблюдать. Но Димка не очень-то диету соблюдал, и язва стала настоящей. Юлька потом проболталась, что Димка не первый, кому она таким образом помогла. Правда, писателей среди её бывших пока не обнаружилось.

— Спасибо, — поблагодарил Димка.

— Меня тоже скоро по телику покажут. Я в программе про недвижимость ситуацию на рынке анализирую.

— Молодец.

— Через неделю покажут. По Рен-ТВ.

— Клёво.

— Что — клёво?..

— Клёво, что тебя по Рен-ТВ покажут.

— В союз писателей не желаем вступить? — обратился к Димке подвыпивший субъект, похожий на спекулянта...

— Извини, не могу говорить, — сказал Димка в трубку и убрал телефон. — А зачем? — спросил он подвыпившего.

— Авторитет, статус, трёхпроцентная скидка в закрытом кафе. Ваши товарищи уже заполнили анкеты. — Субъект махнул вокруг себя неопределённо.

— А что для этого надо?

— Анкету заполнить, ну и первый взнос.

— Взносы надо платить?

— А как же. Сейчас вступительный, а потом ежемесячно...

— Здравствуйте, Михаил! — оттесняя спекулянта с анкетами, протянул Димке крепкую ладонь высокий, немного сутулящийся джентльмен. — Мне о вас Серёга рассказал.

Димка ответил на рукопожатие, соображая, что посоветовавший его Серёга это, видимо, Гелер.

— Мы сейчас сборничек хотим выпустить, а вокруг скукота сплошная. Не знаем уж, кого печатать. Простите, забыл представиться. — Высокий протянул Димке картонную визитку, на которой значилось, что звать его Пётр Иванович и что он главный редактор одного маленького, но заметного издательства. Того, где впервые опубликовался Гелер. — Вот только вчера продали права на Серёгу итальянцам. Тридцать тысяч евро, — как бы невзначай поделился Пётр Иванович.

— А вы мои рассказы читали? — спросил Димка, стараясь сохранять солидное спокойствие и не скакать от радости. Сам факт того, что столь уважаемый и опытный человек сам изъявил желание с ним познакомиться и опубликовать его рассказы, просто ошеломлял.

— Пробежался, пробежался. Я Серёге доверяю полностью. Все такую муру пишут, скучно, а у вас свежий взгляд.

— Я очень рад, очень... — Димка с тоской смотрел в сторону сцены, по которой скакала певица.

— Можем контрактик прямо сейчас оформить. По-быстрому, — спрашивая и предлагая одновременно, заглянул Пётр Иванович Димке в лицо. А сам изогнулся весь, как кобра.

— Ну... я... подумать надо, контракт почитать сначала. Я так сразу важные решения не принимаю, — чувствуя себя почему-то виноватым, отодвинулся Димка.

— Ох, эта слава! Только предложили, а уж и загордились.

— Да не загордился я... — Со стороны Димка напоминал девятиклассницу, накрасившуюся для школьной дискотеки и нарядившуюся в сапоги старшей сестры, а Пётр Иванович — выпускника, первого школьного соблазнителя, который нагло кадрит бедняжку и вот-вот лишит её невинности в туалете. Они даже стали кружить, как токующие голуби. «Ну я не знаю, надо подумать», — «Да чего тут думать, решайся!» Пётр Иванович

даже бумажки какие-то уже совал и ручку — кад-
рила ширинку расстегнул...

Димка плохо соображал, перестал слышать об-
ращённые к себе слова и просто пятился подаль-
ше от Петра Ивановича. Из Димки как будто отка-
чали много-много крови. Он не мог отличить виде-
ния от яви. Позвонил школьный приятель, сказал,
что видел Димку по телику, а заодно поделился но-
востью — у него теперь новая тачка. Пётр Ивано-
вич куда-то делся, но вместо него появилась одна
из тёток в шалях, которая шептала, что вся эта
премия — американская удочка, на которую ло-
вятся юные русские умы. Она чувствует это инту-
итивно. Сейчас премии раздают, а потом попро-
сят шпионить, влиять. Тётка озиралась трусливо,
как если бы за каждой колонной и вправду сидело
бы по шпиону ЦРУ. Позвонила бывшая однокурс-
ница — предложила вместе сходить на кинопре-
мьеру. Рядом приземлилась леди с пушистыми зо-
лотистыми волосами и лисой на плечах. Леди
предложила Димке опубликоваться в литератур-
ном альманахе, который издаёт её фонд.

— Только нехорошие браные слова вычеркнем
и всю чернуху, — оплетала она Димку, будто ли-
сой своей ласкала. За её спиной мелькнул, сделав
выразительный знак, Гелер. Тоже его протек-

ция. — У нас пустоует место редактора молодёжной прозы. Возможно, мы предложим его вам. Вы ведь москвич?

Димка кивнул.

— Я сама всю жизнь внутри Садового живу. Приезжие, конечно, бывают талантливы, но чего-то им не хватает. Они старательные, трудолюбивые, но, чтобы формировать культурный слой, надо иметь чувство прекрасного в десятом поколении. Я чувствую, в вас это есть. — Леди откинула волосы с шеи и подставила её Димке. Он не понял, что следует делать, и замер, как канатная дорога в разбомбленном курортном городе. Леди артистично поводила по шее пальчиками. — Оцените, Левый Берег, маленькая парфюмерная лавка на рю Дантон. Димка приблизил нос и корректно вдохнул.

— Теперь вы сразу узнаете меня по аромату. — Леди переливчато рассмеялась. Она то и дело подзывала знакомых и представляла им Димку как своего, как новопосвящённого. Димке казалось, что мёртвые глазки её лисы загорелись, коготки заострились, что пропитанный ароматом парижского парфюмера мех обвивает его с ног до головы, туго стягивает, затыкает уши, глаза, рот.

Леди коснулась Димкиной руки и грациозно удалилась, сразу появился Мамадаков. Он был уже без Олега Сергеевича:

— Серёга мне пятьдесят баксов не присылал! Это хуйня! Я сам ему сто баксов одолжил. Серёга

забыл, сука. Мы во Франкфурте на книжной ярмарке были, водку купили, так Серёга даже не вложился, а пил наравне со всеми... — Мамадаков хотел сказать что-то ещё, мешкал, но вот решился: — Правильно ты книжку этого упыря редактировать отказался. Козёл он. Ну всё, хайль Гитлер! — На последних словах Мамадаков почему-то сделал рукой «козу», как хэвиметалист.

Из-под пола вихрем вырос Гелер:

— Виталик, поди погуляй. Там твою Инку какой-то боров окучивает. — Устранив Мамадакова, Гелер обратился к Димке: — Наговаривает на меня неудачник долбанный. Слушай меня! — Он вцепился Димке в грудь, притянул вниз, к себе и задышал прямо в лицо, заблестел губами: — Дельце есть. Ты писáть любишь?

Димка уже ни во что не врубался. Лицо у него было такое, словно рядом с ним только что разорвался снаряд, а он чудом уцелел и без единой царапины.

— Писáть. Ручкой карябать, бумагу марать, печатать, сочинять!

— Люблю, — прохрипел Димка и прокашлялся.

— Ты сказал, что Илюша, ветеран фальшивый, не писал, если б не бабло? — Гелер заговорил вдруг чётко и ясно: — Я это друзьям рассказал. Они, кстати, и есть спонсоры премии. Только тихо. — Гелер кивнул в сторону двух ухмыляющихся сорокалетних мужиков, одетых по тинэйджерской моде. — Они тебе бабки передали. — Гелер

достал плотную упругую трубочку долларов. —
Пятёра. Владей.

— За что?

— Не пиши.

— Чего?

— Не пиши больше никогда. Вот бабки. Пять. Не три, как у Марата. Остановись, пока не поздно. Я хочу уберечь тебя от самого страшного. Вот ты пишешь-пишешь, а жизнь проходит. В пятьдесят поймёшь, что пишешь хреново и гениальнее уже не станешь. А менять что-то поздно, молодость прошла, жизнь угроблена.

— А может, я нормально писать буду?

— Ха! Все так думают, но, во-первых, это один процент из ста, а во-вторых, как бы ты ни писал, всё равно будешь сомневаться. Все сомневаются, даже круглые идиоты. Пусть тебя каждый день носят на руках почитатели, но однажды, когда ты будешь один, к тебе всё равно проползёт сомнение: «Не забудут ли меня сразу после похорон или даже раньше?» Нас ведь всех интересует вечность, а вечность девка подлая. Ну, допустим, хорошо ты пишешь, но однажды тебе по-любому стукнет полтинник. Итог жизни? Ты один на один с несколькими книжками. Детей нет, или они выросли и не хотят тебя видеть, так как ты всё своё время посвящал писанине, а не им. Друзей нет, одни завистники и подхалимы. И вообще, кто такие писатели? Таксидермисты! Мы создаём какую-то дурацкую копию этого мира. Довольно не-

здоровое занятие. Опомнись, братан, пока не завяз по уши! Как друг говорю. Мы и расписочку подготовили. — Гелер извлёк какое-то клоунское подобие контракта, составленное на обратной стороне рекламного календаря. «Я, Михаил Пушкер, обязуюсь с этого дня прекратить писать» и так далее.

— Бред какой-то! — улыбнулся Димка, трезвея.

— Вот бабло. Всё реально!

Димка весь заметался внутри, занервничал. Тут за спиной у Гелера мелькнула певица. Концерт закончился, она шла к выходу.

— Кстати, с чего ты взял, что именно Марат мне конверты слил? Я сам их нашёл. Люблю мусор фоткать, потом разглядываешь — идеи приходят. В следующий раз не в урну бросай, а жги, рви на мелкие кусочки или глотай, как партизан. Бери, короче. — Тугая трубочка тыкалась в Димкины руки, как собаки тыкаются. — Сотку кинь Илюше, или Яше — как его?.. Имён больше в два раза, чем писателей! Он доктор, лекарство тебе от угрызений совести пропишет.

— Доктор?

— В «неотложке». А ты не знал? Я думал, ты всё разведal. Мы с Илюшей сейчас выпили по рюмахе, за жизнь поговорили. Жалуеться, что работа не романтическая, не героическая, вот и придумал про Чечню. «Скорая» не героическая, а Чечня героическая, во даёт! Не чуёт парень, на каком материале сидит! Стесняется сам себя. Но направление

мысли верное, думает о правильной писательской биографии. Романтика, героизм. У героев покупать приятнее. Ну я не понял, ты деньги берёшь или нет?

«Врач на «скорой»... работа не героическая...»

— Давай! — Димка схватил трубочку.

— Теперь автограф! — Гелер протянул контракт.

— Я не себе! — Димка полез сквозь толпу.

Первой на пути попалась поэтесса Наташка.

— На! — Димка сорвал резинку с долларовой трубочки и сунул Наташке несколько бумажек.

— Пушкер, ты чего?!

Следующий Саша Манский, затем филологиня, драматург-революционер, Яша-Илья...

Гелер смотрел вслед Димке и ничего не предпринимал.

Я вот много думаю об этой Димкиной выходке. Типа стал бы я, как он, деньги раздавать? Думаю, не стал бы. И Поросёнок не стал бы. Поросянок бы ещё у Гелера сотни две стрельнул на такси. А я... я бы контракт этот дурацкий подписал, а сам бы делал по-тихому, что хочу. А деньги бы себе оставил. Мать с отцом в Турцию бы отправил, а с Олей на море, на доске кататься. А Димка вот решил шикануть. Его дело. Он всегда был романтиком.

Все принимали деньги по-своему, кто с благодарностью, кто с презрением, кто с таким видом, будто не понимает, что происходит. Последние

быстрее всех прятали купюры подальше. Димка пробивался через толпу и за ним оставался след, пустота. Люди расступались на время. Если плывёшь на лодке по пруду, затянутому тиной, за лодкой остаётся след чёрной воды. Потом тина затягивает след. Так и люди снова сходились, размывая Димкин след. Димка подбежал к Лисе.

— Тут на всё не хватит... губы лучше не трогай, и грудь... ты очень красивая... — Он пихнул ей в руки оставшиеся бумажки: — И это... — Димка сунул Лисе брелок-медвежонка и, пряча глаза, сбежал.

— Ну чё, Серёг? — спросили сорокалетние спонсоры у Гелера. — Расколосся парень?

Гелер отрицательно покачал головой. С удовольствием и удовлетворением покачал. Будто долго-долго играл в покер с новичком, втайне желая новичку победы. И новичок победил.

Единственным Димку нагнал Яша-Илья.

— Слышь, постой. Возьми. На память... — Яша протянул Димке свой «трофейный» нож. Димка взял со стола салфетку — обернуть лезвие и поспешил вслед за певицей. Прошмыгнул мимо Петра Ивановича, токующего вокруг дагестанского фантаста. «Все муру пишут, скучно, а у вас свежий взгляд».

На этот раз Димка легко нашёл выход. Пробило полночь, наступило воскресенье. Димка и певица медленно шли по тротуару, вдоль которого тёк бурный ручей. Ручей брал начало из-под решётки стока для дождевой воды. Прорвало какую-то трубу, и сток заработал наоборот. Вода взбухла из-под решётки. Ручей опережал Димку с певицей. Вся вода на свете — часть океана...

«Что для вас литература? Теперь бы спросили, я бы ответил». Димка вспомнил свой первый урок виндсерфинга, когда его постоянно сносило в зону, из которой новичок ни за что не выберется под парусом. Есть два выхода: ждать буксировочный катер или плыть самому, то есть грести правой рукой, подтягивая левой доску с парусом. Димка всегда плыл сам. Сначала вроде ничего, но очень быстро мышцы ослабевают, отказываются служить. Плыть-то надо против течения. Каждый метр даётся издевательски медленно. Берег кажется миражом. Димка молился, ругался, скулил. Внутренняя сторона руки, держащей доску, истиралась до крови. Но он продолжал плыть. Так вот, литература — это что-то типа затянувшегося первого виндсерфинг-дня. Сверху огромное, совершенно прекрасное синее небо, снизу — бездна. Вокруг головы вьются золотые орлы, осёдланные щёголями, щёголи рекомендуют, куда следует плыть, а куда не следует. Олеги сергеевичи подруливают на катерах и, перекрикивая ветер, просят выступить под их именем на соревнованиях в об-

мен на буксировку к берегу. Но ты продолжаешь плыть. Захлёбываешься в волнах, сопли и слюни треплются, как у шарпея, но плывёшь. Можешь с силой вдохнуть солёную воду и умереть, чтобы закончить весь этот балаган, но плывёшь. Какой-нибудь катер может случайно тебя задеть, но ты продолжаешь движение намеченным курсом.

И тут понимаешь, что тебе не доплыть. Не потому, что сдашься, а потому, что берег в принципе недостижим. Это приходит как озарение. Небо и бездна не шелохнутся от того, что ты сдохнешь. Небо и бездна не дрогнут, не всплакнут. Ну и хрен с ним, что не доплывёшь! Хрен с этим долбаным прекрасным небом и с бездной хрен! Главное плыть, грести правой рукой, а левой тащишь доску. Грести и тащить, грести и тащить...

Лично мне кажется, что это бессмысленный героизм и понты. Даже если это всего лишь метафора. Зачем превращать катание в какой-то дурацкий поединок? Устал — сел на доску, помахал ручкой и ждёшь катер. Конечно, нормальному серферу запахло возвращаться на берег на буксире, но иногда гордость нужно подальше засовывать.

Димка вспомнил, что оставил обломки своей статуэтки под фуршетным столом. Подумал было вернуться, но тут же мысленно махнул рукой. Завтра, послезавтра, потом заберу. Нет статуэтки, зато есть острый нож. Нож и красotka.

Димка повернулся к певице. Приблизил своё лицо к её лицу и поцеловал в прохладные губы.

Тщеславие

Впереди, там, куда спешил ручей, на фоне пурпурного неба ночного города белел храм. Из-за фонарей храм приобрёл тёплый оттенок сливочного масла. В небе, долькой папайи, горел месяц. Поцеловавшись, Димка и певица улыбнулись глуповато и загадочно друг другу, храму, месяцу и пошли вперёд, прямо на них...

* * *

Дед про премию и рассказы узнал. Требует почитать. Димка теперь ломает голову, как правильно презентовать свои сочинения. Оттягивает момент. И ещё одна вещь его беспокоит: он так и не понял, куда исчез один из двух гипсовых шаров-ядер, что охраняли парадный вход в «Полянку».

Литературно-художественное издание

АЛЕКСАНДР СНЕГИРЁВ
ТЩЕСЛАВИЕ

Роман

Зав. редакцией *М.С. Сергеева*
Редактор *Е.А. Кушнарёва*
Ответственный за выпуск *Т.Н. Захарова*
Технический редактор *Т.П. Тимошина*
Корректор *И.Н. Мокина*
Компьютерная верстка *Н.Н. Пуненковой*

ООО «Издательство АСТ»
141100, РФ, Московская обл.,
г. Щёлково, ул. Заречная, д. 96

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, проезд Ольминского, д. 3а

Наши электронные адреса:
www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

По вопросам оптовой покупки книг
Издательской группы «АСТ»
обращаться по адресу:
г. Москва, Звёздный бульвар, 21 (7-й этаж)

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

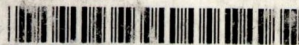
Александр Снегирёв —

автор нашумевших романов «Как мы бомбили Америку» и «Нефтяная Венера», сборника рассказов «Моя малышка». Номинант премий «Русский Букер» и «Большая книга», финалист «Национального Бестселлера». Лауреат премии «Дебют», премий Союза писателей Москвы «Венец» и «Эврика». Лауреат спецпремии OZON.RU за продажи. Роман «Нефтяная Венера» был назван лучшим по результату первого российского буккроссинг-марафона.

Димке Козыреву двадцать семь. Димка добрый и честный. У него есть любимая девушка и хорошая работа. Только тачки нет... Наступает кризис. Девчонка уходит, с работы увольняют. Последний шанс — победить в литературном конкурсе. Не жди решения жюри сложа руки. Займись рукопашным боем, подставляй соперников, будь беспощадным! Ни шагу назад!

Детективная история о том, как Димка Козырев стал писателем. Юмор и рыдания, кровь и нежность, блеск власти и нищета закоулков, а также призрак Арсения Тарковского в новом романе Александра Снегирёва «Тщеславие».

Snegirev, Aleksandr
Tchcheslavie

26186 206

866352B

Country of origin: Russia
East View Information Services
books@eastview.com
www.eastview.com

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-063798-0

9 785170 637980